Российская Академия Наук
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЯ

В НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Выпуск 3

РИСКИ: СТРАТЕГИЯ, ПРАКТИКА ОПТИМИЗАЦИИ И УПРЕЖДЕНИЯ

Москва 2015

Институт социально-политических исследований
Российской академии наук

Научное издание

РОССИЯ В НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (серия)

Редакционный совет серии:

Научный руководитель проекта
академик ОСИПОВ Г. В.

Руководители проекта:
д-р полит. наук, Заслуженный экономист России БЕСХМЕЛЬНИЦЫН М. И.,
д-р эконом. наук, проф. РОГАЧЕВ С. В.

Члены совета серии:
канд. эконом. наук Антипов Е. А.
д-р эконом. наук, проф. Богданов И. Я.
канд. социол. наук Кабанова О. В.
д-р социол. наук, проф. Локосов В. В.
канд. филос. наук Мерзликин Н. В.
д-р эконом. наук, проф. Рогачев С. В.

Риски: стратегия, практика оптимизации и упреждения

Выпуск 3

Редакционная коллегия выпуска:

д-р эконом. наук, проф. РОГАЧЕВ С. В. (*председатель*)
канд. эконом. наук АНТИПОВ Е. А.
канд. филос. наук МЕРЗЛИКИН Н. В.
канд. социол. наук ИВАНОВ А. В.

– М.: ИСПИ РАН, 2015. – 288 с.

Коллективная монография подготовлена на основе комплексного, междисциплинарного исследования вызовов и рисков новой российской реальности.

ISBN 978-5-7556-0502-1

© ИСПИ РАН, 2015

Авторский коллектив

РАЗДЕЛ 1
Исследование рисков: теория и методология

Академик РАН Осипов Г. В. *Новые социальные реальности: угрозы и вызовы XXI века;* **проф., д-р эконом. наук Рогачев С. В.** *Риски и угрозы российской реальности: методология и технологии исследования (выбор альтернатив по критериям риска в условиях вероятности и неопределенности);* **д-р социол. наук Левашов В. К.** *Стратегические вызовы и риски устойчивого социально-политического развития Российской Федерации;* **проф., д-р филос. наук Делокаров С. В.** *Риски глобализирующегося мира: причины и перспективы;* **д-р филос. наук, проф. Кравченко С. А., член-корр. РАН, д-р техн. наук, проф. Салыгин В. И.** *Риски в сложном социуме: динамика уязвимостей для человечества, стратегия гуманистического поворота*

РАЗДЕЛ 2
Социальная безопасность и социальные риски

Член-корр. РАН, д-р филос. наук Иванов В. Н. *Социальные риски и безопасность;* **д-р филос. наук Комаровский В. С.** *Формирование национально-государственной идентичности России: диагностика вызовов и рисков;* **д-р социол. наук Осадчая Г. И.** *Евразийская интеграция: социальные риски России;* **д-р социол. наук Чупров В. И., канд. социол. наук Михеева В. В.** *Доверие в механизме социальной регуляции рисков в изменяющейся социальной реальности;* **д-р эконом. наук Богданов И. Я.** *Бедность населения – угроза социальной безопасности*

РАЗДЕЛ 3
Экономика и финансы: инновационные подходы в управлении рисками

Заместитель начальника Контрольного управления Президента РФ, д-р полит. наук Бесхмельницын М. И. *Регулирование финансового рынка как основной элемент конкурентоспособности и упреждения финансовых рисков;* **заместитель Генерального директора ООО УК «Трансюжстрой», канд. эконом. наук Антипов Е. А.** *Российские транснациональные компании в условиях санкционного давления. Риски и перспективы национальной экономики;* **член-корр. РАН, д-р эконом. наук Рязанцев С. В.** *Инновационные подходы к снижению рисков нерегулируемой трудовой миграции в контексте интеграции в евразийском экономическом сообществе;* **проф., д-р эконом. наук Прокофьев С. Е., Семенов Д. А.** *О подходах к формированию системы управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе;* **канд. филос. наук Мерзликин Н. В.** *Риски и вызовы российскому бизнесу в условиях глобализации цивилизационных кризисов;* **ответ-**

ственный актуарий, канд. техн. наук Орлов В. Б. *Системный подход к управлению рисками в бизнесе;* **д-р полит. наук Милехин А. В.** *Риски потребительского рынка в условиях российской реальности;* **канд. техн. наук Орлова Е. Б.** *Риски страхового рынка и борьба со страховым мошенничеством: зарубежный опыт и российские практики*

РАЗДЕЛ 4
Государственное и муниципальное управление: анализ и профилактика рисков

Канд. техн. наук Яник А. А., канд. полит. наук Попова С. М. *Государственное управление научно-технологическим развитием Российской Федерации: новые вызовы и риски;* **канд. социол. наук Иванов А. В.** *Муниципальная власть в условиях экономического кризиса: вызовы и риски процесса взаимодействия с малым и средним бизнесом;* проф., **д-р полит. наук Ильичева Л. Е.** *Диалектическая взаимосвязь корпоративных и политических интересов в предупреждении политических рисков;* проф., **д-р техн. наук Баркалов С. А., проф. д-р техн. наук Курочка П. Н.** *Учет рисков при разработке программ развития административно-территориального образования*

РАЗДЕЛ 5
Последствия Интернет-революции и новые риски

Проф., д-р эконом. наук Соколовский О. А., канд. эконом. наук Глотов В. И., Костянецкий Р. П., Корчинская В. А. *Сетевые войны: вызовы и угрозы для России в постиндустриальный период;* **проф., д-р социол. наук Носкова А. В., канд. социол. наук Титова М. А., Карпова Д. Н.** *Риски компьютерноопосредованной социализации*

Содержание

7 **Раздел 1. ИССЛЕДОВАНИЕ РИСКОВ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ**

7 *Новые социальные реальности: угрозы и вызовы XXI века*

20 *Риски и угрозы российской реальности: методология и технологии исследования (выбор альтернатив по критериям риска в условиях вероятности и неопределенности)*

32 *Стратегические вызовы и риски устойчивого социально-политического развития российской Федерации*

53 *Риски глобализирующегося мира: причины и перспективы*

66 *Риски в сложном социуме: динамика уязвимостей для человечества, стратегия гуманистического поворота*

81 **Раздел 2. СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ**

81 *Социальные риски и безопасность*

86 *Формирование национально-государственной идентичности России: диагностика вызовов и рисков*

94 *Евразийская интеграция: социальные риски России*

102 *Доверие в механизме социальной регуляции рисков в изменяющейся социальной реальности*

110 *Бедность населения – угроза социальной безопасности*

120 **Раздел 3. ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В УПРАВЛЕНИИ РИСКАМИ**

120 *Регулирование финансового рынка как основной элемент конкурентоспособности и упреждения финансовых рисков*

128 *Российские транснациональные компании в условиях санкционного давления. Риски и перспективы национальной экономики*

145 *Инновационные подходы к снижению рисков нерегулируемой трудовой миграции в контексте интеграции в евразийском экономическом сообществе*

153 *О подходах к формированию системы управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе*

160 *Риски и вызовы российскому бизнесу в условиях глобализации цивилизационных кризисов*

173 *Системный подход к управлению рисками в бизнесе*

182 *Риски потребительского рынка в условиях российской реальности*

203 *Риски страхового рынка и борьба со страховым мошенничеством: зарубежный опыт и российские практики*

216 **Раздел 4. ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: АНАЛИЗ И ПРОФИЛАКТИКА РИСКОВ**

216 *Государственное управление научно-технологическим развитием Российской Федерации: новые вызовы и риски*

230 *Муниципальная власть в условиях экономического кризиса: вызовы и риски процесса взаимодействия с малым и средним бизнесом*

239 *Диалектическая взаимосвязь корпоративных и политических интересов в предупреждении политических рисков*

249 *Учет рисков при разработке программ развития административно-территориального образования*

263 **Раздел 5. ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТЕРНЕТ-РЕВОЛЮЦИИ И НОВЫЕ РИСКИ**

263 *Сетевые войны: вызовы и угрозы для России в постиндустриальный период*

278 *Риски компьютерноопосредованной социализации*

Раздел 1.

ИССЛЕДОВАНИЕ РИСКОВ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Новые социальные реальности: угрозы и вызовы XXI века

На стыке XX–XXI веков человеческая цивилизация претерпела качественные изменения. Возникла новая социальная реальность, имманентными элементами которой являются потенциальные угрозы и риски, способные вовлечь современное общество в глобальную катастрофу. В новой геополитической и социальной реальности снижается значение традиционных (технических и технократических) технологий и возрастает роль технологий нетрадиционных: информационных, социальных, интеллектуальных. Определяющими факторами развития мирового и национального сообществ становится человеческий потенциал, социальный капитал и научные знания. На основе этого осуществляется переход к информационной фазе развития мирового сообщества.

При этом беспредельные возможности науки как нового глобального явления не могут восприниматься однозначно. Вторжение науки в генофонд человека представляет, на мой взгляд, серьезную потенциальную угрозу для человечества. Трудно спрогнозировать какие последствия для человека может иметь употребление им в пищу так называемых генномодифицированных продуктов. Генофонд человека формировался тысячелетия. Разбалансированность генофонда, которую мы наблюдаем повсеместно, нарушение равновесия единой системы природы – биосферы и человека может привести к гибели земной цивилизации.

Современная эпоха в жизни планеты Земля определяется введенным в научный обиход В. И. Вернадским понятием *ноосфера*, и тем качественно отличается от эпохи *биосферы*. Сегодня человек и создаваемые в процессе его деятельности *техносфера* и *социосфера* (социальная реальность) детерминируют состояние и будущее не толь-

ко физического мира – неорганической и органической природы, но и мира социального, т. е. человеческой цивилизации.

Техносфера под воздействием разнонаправленных социальных действий человека, осуществляемых, чаще всего, во имя реализации его сиюминутных, эгоистических или корпоративных интересов и целей, развиваясь в геометрической прогрессии, порождает ряд глобальных угроз. Эти угрозы, если социальные действия и впредь будут осуществляться стихийно и безответственно, неизбежно приведут нашу планету к катастрофе, а человеческую цивилизацию – к гибели.

Актуальный пример. Экономические, а с XX века и экономико-финансовые кризисы регулярно сотрясают мировое сообщество. На их изучение и отработку способов и технологий преодоления были направлены усилия научных сил стран – лидеров мировой цивилизации. И результаты не замедлили сказаться. Разработанная сообща экономистами ведущих индустриальных стран теория кризисов позволила распознавать их приближение, вооружила практических работников промышленности, финансовой сферы, управленцев и политиков эффективными методологиями противодействия кризисам, научила зачастую еще на начальных стадиях купировать негативные экономико-социальные последствия.

Так продолжалось до 2007–2008 гг., когда две волны мирового кризиса не просто обрушили финансовые биржи и банки, ввергли большинство отраслей индустрии в тяжелую стагнацию, но и оказались практически невосприимчивыми к неоднократно проверенным и от этого, как считалось, безотказным антикризисным мерам, тактикам и стратегиям. Если сравнивать кризис с пандемией гриппа, а такое сравнение считаю корректным, можно констатировать, что для нейтрализации нового экономико-финансового «вируса» до сих пор не удалось разработать эффективную «вакцину».

Как следствие – новая волна глобального финансово-экономического кризиса, которая накрыла мировую цивилизацию в конце «нулевых» годов. Ее ожидали, к ее возникновению готовились, копя резервы, стараясь контролировать финансовые и товарные потоки, производство и сбыт, рынки и биржи, поэтому ведущим мировым экономикам удалось купировать кризис на ранней стадии, понеся при этом существенно меньшие потери, чем в предыдущих кризисных ситуациях. Однако и процесс выздоровления оказался более долгим. В первую очередь, для развивающихся стран и государств так называемого «третьего мира». Затянувшаяся стагнация даже породила высказывания о возможном «переиздании» Великой депрессии (Great Depression) по образцу и подобию мирового кризиса 1929–1939 гг.

Но опасность экономического коллапса – не единственная реальная угроза человечеству. Идет процесс разрушения жизнеобеспе-

чивающих факторов нашей планеты. Это в первую очередь затрагивает атмосферу, землю, воду; налицо загрязнение атмосферы и океанов, сокращение пашни, истощение плодородия Земли. Разрушение жизнеобеспечивающих факторов нашей планеты также приобретает характер социальной закономерности.

Четко обозначились глобальные экологические угрозы. Это «*ядерная зима*» в случае ядерного конфликта; потепление климата вследствие так называемого «*парникового эффекта*»; нехватка продовольствия и питьевой воды и т. д. Как мудро предупреждал мой добрый товарищ академик Никита Моисеев: «Человек подошел к пределу, который нельзя перешагнуть ни при каких обстоятельствах: один неосторожный шаг – и он сорвется в бездну. Одно необдуманное действие – и человечество может исчезнуть с лица земли» [4].

Значительная часть научного сообщества, политиков, общественных деятелей определяют основную составляющую многотрудного, противоречивого процесса трансформации общественного уклада как *глобализацию*, отводя в ней ведущую роль геополитике. При условии, что усилия стран, которые в состоянии проводить геополитику и готовы взвалить на себя груз ответственности, будут направлены на поддержание мира и стабильности во всем мире. Первыми в ряду таких стран следует назвать Россию и США.

Арнольд Тойнби предвидел этот процесс и обращал внимание на то, что предстоит затратить немало усилий на исследование отношений «экуменического характера», понимая под ними социальные отношения вселенского, всемирного масштаба. При этом автор теории конфликта цивилизаций подчеркивал принципиальное отличие геополитики периода глобализации от «международных отношений» эпохи модерна [6].

Геополитика, которая в прошедшем веке носила спорадически ментальный характер, что обуславливалось необходимостью «быстрого реагирования» для решения сиюминутных проблем блокового противостояния, все больше обретает системный характер, подвергается всестороннему научному прогнозированию. Это позволяет проводить ее не только в режиме on line, но и решать назревшие проблемы в системном, плановом порядке [3].

К «социальным отношениям вселенского, всемирного масштаба», которые требуют самого серьезного к себе внимания и настойчивых усилий для скорейшего решения, мы относим комплекс проблем, возникших в результате величайшей геополитической катастрофы – развала СССР. Сейчас, после двух десятилетий, прошедших после случившегося, на лицо трагическая ситуация геополитического свойства. С одной стороны, это наличие огромных запасов оружия массово-

го поражения, достаточных для уничтожения всего живого на нашей планете. С другой – все растущие претензии новых государств на высокий уровень качества жизни, соответствующий или, по крайней мере, приближающийся к социально-экономическим реалиям самостоятельных «старых» государств.

На фоне этих негативных изменений в глобальной экологии и природопользовании, в мировом социуме произошло глобальное изменение политического и политико-экономического свойства: распад колониальной системы. Как следствие, образовалось около 300 самостоятельных государств, более 90 % из которых чиновники определили как «развивающиеся», хотя вряд ли кому из представителей нынешнего истеблишмента понятно куда «развиваются» эти государственные новообразования.

Государства эти не в состоянии обеспечить своим гражданам приемлемый уровень социальных гарантий, что приводит к массовой экономической миграции, чаще всего незаконной, в страны Европы и в Соединенные Штаты Америки. Стать партнерами развитым странам на рынке труда, товаров, услуг, капиталов вчерашние колонии не в состоянии из-за отсутствия на их территориях реальной производственной базы и квалифицированной рабочей силы. В создавшейся ситуации единственной реальной возможностью удержаться таким странам на плаву становится оказание весьма специфических услуг мировым державам. **По сути, такие несостоявшиеся государства торгуют своей лояльностью к государству-суверену и, напротив, враждебностью к политическим, экономическим, идейным и прочим противникам этих суверенов. В таких условиях несостоявшиеся страны могут выступить в качестве политических детонаторов и спровоцировать между ведущими державами новую «горячую» войну, которая с неизбежностью обернется планетарной катастрофой.**

В связи с переходом к электронно-цифровой цивилизации, возник ряд рисков, которых ранее просто не знали и, соответственно, не учитывали. Большинство из них непосредственным образом связано со взрывной глобализацией, с многократно возросшей в этой связи динамикой населения, превращением границ национальных государств в ряде случаев не более, чем в административную условность. В связи с этим обрела реальность угроза общественной безопасности России, население которой все в большей мере сталкивается с рядом вызовов.

Вызов первый: лавинообразный поток не контролируемой никем информации, обрушившийся на Россию после десятилетий строгой цензуры и идеологических ограничений, негативно сказался и продолжает сказываться на культурном и морально-нравственном кодах

государствообразующего этноса – русских. По мнению ряда ученых, принцип мультикультурализма, активно внедряемый в сознание граждан России, в практику государственного и общественного устройства страны, находится в противоречии с принципом равенства возможностей, служит цели дискриминации и деструкции базовых культур, лежащих в основе развитых обществ, в частности, российского общества.

Вызов второй: поляризация идентичности новых масс и элит. Элиты космополитичны – массы локальны. Властные элиты все чаще сращиваются с бизнес-элитами, в результате чего на рынок поставляется «товар», который в принципе никогда не может стать предметом торга: *национальные интересы*, связанные с контролем собственной территории, ресурсами, внешнеполитическими активами. Элиты все в меньшей мере отражают интересы народа, в результате чего страна становится *непредставительной демократией*.

Вызов третий: иммиграция, меняющая лицо страны. В этой связи, признавая для России значимость внешней миграции, призываем обратить внимание на внутренние резервы стабилизации численности российского населения. Это тем более актуально, что более 40 % жителей страны уверены, что у нас сохранились общие духовные ценности. Еще большее количество россиян выступает в поддержку самобытного пути развития России.

Сложилось мощное мусульманское движение, в котором высока степень протестного фанатизма. В результате увеличения рисков религиозного и политического экстремизма, мир вступил в стадию неопределенности. В любой момент могут возникнуть события, способные взорвать хрупкий мир на планете.

Ранее мир контролировали две сверхдержавы: СССР и США. Но в результате развала Советского Союза, контролировавшего почти две трети мира, мы не только утратили роль международного регулятора, но сами потеряли треть своей территории. Продолжительное время после развала СССР единственной реальной сверхдержавой, способной диктовать свою волю целым континентам, оставались США.

При этом мораль, этика и выстроенные на их основе управленческие технологии остались старыми. В новых реалиях руководители стран пытаются управлять своими народами и влиять на мировое сообщество, не понимая, что настала пора переходить к новой системе управления мировыми процессами, к новой парадигме развития общественных, межгосударственных, межнациональных и других отношений.

Ситуация неопределенности и повышенной расположенности к конфликтам сложилась еще и потому, что новые так называемые «развивающиеся страны» – по крайней мере – многие из них пы-

таются построить свое благополучие, играя на противоречиях между США и Россией.

Они просят у американцев политической защиты, а нам норовят сесть на шею, требуя материальных ресурсов, финансовых средств. Страны, входившие ранее в Советский Союз на положении союзных республик и получавшие от России практически бесплатные сырьевые ресурсы, топливо, почему-то посчитали, что так будет продолжаться и после развала СССР.

Можно понять логику Грузии, стремящуюся всеми способами удержать в составе единого государства Абхазию. Создав на черноморском побережье Абхазии рекреационный и туристический кластеры, грузины могут жить за счет средств, поступающих от туристов из стран Европы. Но почему грузины должны благоденствовать за счет территории, принадлежащей абхазскому народу? Тем более, что не Абхазия исторически входила в состав Грузии, а Грузия была частью Великого государства абхазского.

По такой же «логике» приживал можно понять и Украину.

В реальности не стоит забывать, что Киев никогда не был украинским городом, а Запорожская сечь добровольно вошла в состав России, ища в ней заступницу перед завоевателями с Юга и Запада, из мусульманских и католических государств. Центральная и Западная Украина длительное время была захвачена поляками и, скорее всего, оставались бы под этим гнетом до сих пор, если бы ни заступничество России.

Украина в нынешнем своем виде была очерчена Брестским мирным договором. Туда даже входили частично Воронежская и Курская области России. После денонсации Брестского договора большевики непонятно почему решили, что это ничем не обоснованное расширение пределов Украины следует сохранить. Таким образом, Юг, Восток и в значительной мере Запад Украины никогда, за исключением смутного времени конца Первой мировой войны и большевистских манипуляций с границами бывшей Российской Империи, Украиной не являлся.

Никакой, даже отдаленной логики не просматривается в передаче Крыма Украинской ССР. Это было волюнтаристское решение Н. С. Хрущева, заигрывавшего с партийной организацией Украины, чтобы получить от нее поддержку в борьбе за власть в Москве.

Большинство украинцев понимают, что рано или поздно вопрос о незаконно присвоенных территориях актуализируется, поэтому для удержания пространства их лидеры настойчиво разжигают в народной среде, прежде всего среди молодежи, русофобские настроения. Одновременно делается все, чтобы вступить в НАТО и укрепить свои захватнические поползновения силовой компонентой этого агрессивного военно-политического блока.

Можно понять и Соединенные Штаты Америки. Они претерпели от нас унижения, когда СССР размещал на Кубе ракеты с атомными боеголовками, когда небезуспешно поддерживал антиамериканские режимы в Никарагуа и других государствах Латинской Америки, Северной и Центральной Африки. Обиды эти они нам запомнили.

Одновременно с этим США переживают период кардинальной смены поколения вооружений. С кем собираются они воевать новейшим оружием? Только не с Россией! Но и отказаться от производства вооружений они не могут. Военно-промышленный комплекс является в США мощнейшим промышленно-экономическим фактором. Важнейшей социальной компонентой американской экономики. Не то, чтобы остановка производства вооружений, но даже хотя бы его частичное сокращение приведут страну к серьезной безработице, к потере темпов экономического развития, к стагнации и неизбежному кризису, который больно ударит по наименее защищенным слоям населения. Таким образом, продолжается эта преступная гонка вооружений, дорога в никуда.

Речь не идет о резкой остановке мчащегося под всеми парами поезда американского ВПК. Речь идет о том, чтобы помочь нашим американским партнерам перестроить свой мощнейший экономический потенциал с задачи на уничтожение, на задачу созидания.

Взять хотя бы участие американских корпораций в создании предложенного Россией так называемого «коридора развития», идея которого и первоначальные прогнозные расчеты и обоснования подготовлены в нашем Институте. Этот глобальный транспортный коридор, дополненный мощными линиями оптико-волоконной связи, развитой инфраструктурой, способен буквально пронизать евразийский и североамериканский (с перспективой продолжиться в Южной Америке) континенты живительной артерией скоростной коммуникации, современной логистики, современных информационных систем. Для его создания и последующего развития и обслуживания потребуются миллионы высококвалифицированных и, следовательно, высокооплачиваемых рабочих мест. «Коридор развития» на десятилетия загрузит гарантированными заказами экономики России и США, а также привлеченных ими к деловому партнерству государств.

Очень важно понять всем нашим партнерам и оппонентам в мировом сообществе, что Россия принципиально не приемлет конфронтации с ведущей державой планеты – США. Да, мы противостоим стремлению американского истеблишмента навязать всем остальным странам политику постмодернизации, основанную на ограниченном суверенитете, резком сокращении экономической деятельности государств, детерриторизации и отказе от самостоятельной

внешней политики. Россия не может согласиться с настойчивыми попытками США форсировать переход к монополюсному миру в целях установления своего мирового господства, подчинения своему неконтролируемому диктату остальных стран и народов. Американизация современного мира, которая объявлена дипломатией США важнейшей глобальной тенденцией мирового развития, не находит и никогда не найдет у Российской Федерации поддержки.

Но для нас также неприемлема и иная крайность – антиамериканизм, получивший свое наиболее яркое выражение в высказывании А. Парфреу: «Где бы вы ни были, захватит вас смерть, даже если бы вы были в воздвигнутых башнях» [5]. Эта экстремистская тенденция рассматривается российской внешней политикой в качестве серьезной угрозы мировой безопасности, угрозы, приобретающей в ряде случаев драматический, античеловеческий характер.

Союзнический статус во Второй мировой войне сблизил народы Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Наше сегодня берет начало в победном для нас 1945 г. Об этом ни в коем случае нельзя забывать ни простым гражданам, ни истеблишменту двух наших стран.

У России с американскими партнерами существует множество точек соприкосновения, множество схожих проблем, требующих немедленного решения. Взять только глобальную проблему *нераспространения,* будь то ядерные вооружения или новейшие традиционные военные системы, опасные формы биологических изысканий (клонирование человека, генномодифицированные продукты питания), терроризм и расовый экстремизм, агрессивные формы религии (ваххабиты, талибы, тоталитарные секты), наркотрафик, морально-нравственные извращения (порнография, содомия, проституция, подпольная торговля человеческими органами, изъятыми криминальным способом), и др. **Комплекс этих проблем в принципе способны решить только Россия и США целенаправленными совместными усилиями**. Ни у кого более на планете нет на то ни политических, ни экономических, ни силовых возможностей. **Понимание сложившейся ситуации должно усилить ответственность двух стран за судьбу мира**.

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки являются не только силовыми центрами земной цивилизации, но и ведущими странами в области научных исследований. Именно наука как основа современного мировоззрения, как весомый, наряду с религией и искусством, источник развития морально-нравственного императива способна достойно ответить на все более ширящиеся и углубляющиеся вызовы современности.

Выдающиеся политические деятели, ученые и представители деловых кругов США, выступая в СМИ, на конференциях, «круглых столах» и т. п. неоднократно высказывали неординарные идеи и вносили реальные предложения по решению актуальных проблем современной цивилизации. В первую очередь к ним следует отнести:

– идею бывшего вице-президента США Дж. Д. Куэйла о переходе к мировому порядку, включающему взаимодействие основных силовых центров мира;

– всестороннюю программу сотрудничества США и России, разработанную конгрессменом К. Уэлдоном;

– идею выдающегося патриота США Р. Крибли о резком изменении геополитической ситуации в мире на основе выхода США из НАТО. (Следует отметить, что Р. Крибли был для нашей страны врагом № 1, в бытность президента Рональда Рейгана активно финансировал антисоветскую компанию в США.)

Заслуживает отдельного упоминания комплекс идей выдающегося американского социолога русского происхождения Питирима Сорокина, изложенный им в работе «Взаимная конвергенция США и СССР в смешанный социокультурный тип» [1: 339–383]. Даря мне эту книгу на приеме в своем доме под Бостоном в 1962 г., Питирим Александрович сказал: «Необходимо то, что я обозначил понятием «конвергенция», т. е. соединение всего лучшего, что есть в СССР и США для блага обеих стран и блага всего человечества. Не противостоять, не навязывать друг другу своей воли, а действовать вместе сообща. Иного пути нет...» [1: 17].

Ускоренное формирование глобальных социальных отношений как основы процесса глобализации стало возможным в силу «разгосударствления» международных отношений и резко возросшего значения роли ведущих мировых держав и их руководителей в процессе формирования новых отношений, основанных на осознании ответственности за судьбы мира.

Человечеству жизненно необходимо безотлагательно постигнуть научное понимание проблем земной цивилизации, и решение этой высшей пробы интеллектуальной проблемы вполне по силам находящимся в расцвете сил интеллектуалам, избранным президентами великих стран – России и США.

Поэтому два динамичных руководителя двух великих держав – России и США – должны в интересах мира, в интересах всего человечества принять на себя ряд основополагающих обязательств и неукоснительно исполнять их:

– ни одна из договаривающихся стран не совершает сама и не провоцирует никого из своих союзников и партнеров на какие-либо действия, направленные против интересов друг друга;

– ни одна из договаривающихся стран не вмешивается во внутренние дела третьих государств, не ограничивает их политически, экономически и каким-либо иным образом, пока действия этого государства ни начинают угрожать безопасности и национальным интересам мирового сообщества;

– обе страны заключают исчерпывающее соглашение о глобальном стратегическом партнерстве, включая военную область, вплоть до взаимной обороны;

– используют дипломатическое влияние, при необходимости и вооруженные силы для подавления агрессии, экстремизма, попрания норм морали и нравственности со стороны третьих стран или объединения этих стран;

– определяют на основе научной экспертизы объекты и параметры, подлежащие режиму нераспространения, и строго контролируют выполнение этого режима всем мировым сообществом;

– становятся основными разработчиками и координаторами глобальных гуманитарных и технологических проектов, к которым относятся: борьба с голодом, контроль чистоты и справедливости распределения питьевой воды, контроль вредных выбросов в атмосферу, борьба с социальными болезнями, создание трансконтинентальных транспортно-информационных коридоров «Азия – Европа – Северная Америка» и «Азия – Америка» (по территории Российской Федерации через Арктику), добыча полезных ископаемых на арктическом шельфе, создание и развитие глобальной системы производства энергии из возобновляемых источников, совместные разработки на основе нанотехнологий, совместные запуски в космос с экватора, совместные экспедиции в глубины Вселенной и т. д.;

– кардинально расширяют область гуманитарного сотрудничества. Создают на территориях обеих стран сеть совместных университетов, имея в виду массовую подготовку специалистов ведущих областей знания, воспитание поколения политиков и управленцев, которые будут свободны от мифов и предубеждений в отношении друг друга. Для этих целей вводят безвизовый режим посещения гражданами США России и наоборот, всячески способствуют научному, культурному, гуманитарному обмену между Россией и США, развитию туризма, спорта, индустрии досуга.

Конечно, такая программа, далеко не исчерпывающая всех возможностей партнерских отношений между двумя странами, потребует немалых материальных и организационных усилий. Но, прежде всего – доброй политической воли. Времени, чтобы проявить ее, отпущено историей немного. Поэтому призываю сторонников и помощников нового кардинального сближения России и США, к которым отношу и себя, к активным реальным действиям в национальных интересах России и США, в интересах всего человечества.

Российская Федерация готова и открыта к такого рода сотрудничеству, о чем неоднократно свидетельствовали высказывания и четко сформулированные инициативы Президента РФ В. В. Путина, заявления главы МИДа РФ С. В. Лаврова и других высокопоставленных руководителей Российской Федерации. Но готовы ли поддержать нас в этом благородном стремлении американские партнеры? Как можем убедиться, чаще всего – не готовы. Эгоистические интересы американского бизнеса, желание «пригнуть» Россию, заставить ее смириться с ролью ведомого в международной политической конфигурации, то и дело побеждают здравомыслие и готовность к неконфронтационному развитию отношений со своими естественными партнерами.

С особой наглядностью такая позиция США проявилась в отношении кризиса на Украине, который подавляющее большинство граждан России переживают с саднящей душевной болью. Для них трагедия соседнего славянского народа, веками пребывающего с русскими и другими народами России в братской дружбе и единении – личная трагедия.

Иной подход к той же проблеме у США. Заокеанские политики видят в перспективе для объятой пламенем гражданской войны Украины роль некой буферной территории, тотальной военной базы НАТО, сырьевого придатка и поставщика дешевой рабочей силы для объединенной Европы. Вот потому американцы совместно с европейцами и привели в Киеве к власти временное правительство, исповедующее идеологию неофашизма в его наиболее мерзком бандеровском варианте. Вот почему упорно не желают видеть зверства боевиков киевской хунты в Одессе, Краматорске, Славянске и других городах и населенных пунктах Юго-востока Украины. Вот почему вину за содеянные злодеяния пытаются, используя весь арсенал политической демагогии, шантажа, запугивания мирных граждан, давление на СМИ свалить на Россию, не имея на то ни малейших доказательств.

Как поступать в такой ситуации российским руководству и обществу? Ответ может быть только один: *адекватно*. Если США не поймут и не учтут позиции России по Украине и иным сложным политическим, экономическим, оборонным проблемам, Российская Федерация должна будет жестко и принципиально начать выстраивать свою тотальную независимость от влияния третьих стран, даже если среди них и такой колосс, как США. Всячески избегая конфронтации, РФ должна будет строить свои отношения со всем миром исключительно на принципах рациональности. Без воинственной риторики и тем более угроз, страна наша должна хотя бы на время отказаться от исторической мессианской роли, от благотворительности, односторонней помощи тем странам-партнерам, кто уже выказывал нашей стране неуважение и даже враждебность.

Заняв такую жесткую позицию по отношению к внешнему миру и, прежде всего, лидеру западной, атлантистской идеологии – США, Россия должна неотлагательно и самым серьезнейшим образом заняться своей экономикой, своими финансами, своим сельским хозяйством, поставив целью скорейшее и радикальное улучшение социального положения населения.

Успех нашего дальнейшего развития невозможен без решительной смены его парадигмы. Прежде всего, руководству России следует решительно устранить все еще действующие в стране *три основных фактора* нацеленности реформ на разрушение.

Первый: выбираемые руководством страны модели реформирования все еще в ряде случаев не соотносятся с реалиями социальной жизни. Аналогичная беда имеет место и с политическими решениями. Принятое решение должно иметь механизм реализации, тщательно просчитанный по возможным социальным последствия, понятный большинству населения и поддерживаемый им.

Второй: продолжающийся латентный сепаратизм, реализуемый под видом регионализма и развития местного самоуправления должен быть решительно преодолен укреплением как вертикали власти, так и постоянным совершенствованием общегосударственных задач.

Третий: должно быть решительно преодолено игнорирование властными структурами поиска средств реализации поставленных целей путем постоянной корректировки, если процесс начинает отклоняться от заявленной цели. Иными словами, только чуткость власти к реакции масс на методы реализации задач и их промежуточные результаты позволят в полной мере реализовать поставленные цели.

Одновременно необходимо множить государственные усилия по созданию фундаментальных условий для свободного развития и проявления индивидуальности каждой личности, реализации ее духовного потенциала, что означает:

- признание человека главной целью и основным критерием эффективности реформирования государства и общества;
- гарантированное соблюдение демократических прав и свобод человека, включая основополагающие права на личную безопасность и достойную жизнь, частную собственность;
- создание условий для активной социальной мобильности, предоставление возможности получения образования, информации, повышения квалификации;
- обеспечение экономических и правовых условий для развития материнства и детства, здоровой семьи;
- предоставление молодежи социальных возможностей для активной общественно-политической и творческой деятельности;

• поддержку национальных ценностей, традиций, идей патриотизма и державности, исторической преемственности.

Надо нам почаще вспоминать слова Императора Александра III, справедливо заявившего, что у России нет иных союзников, кроме ее армии и флота.

Можно, на мой взгляд, расширить это высказывание до триады, включив в нее в качестве стратегических союзников России науку. Академическую, отраслевую, университетскую – всякую, которую, следуя указаниям все тех же США, наша «пятая колонна» пытается сейчас разрушить.

Почему с такой поспешностью был принят закон о реформировании науки? Прежде всего потому, что ученые, в первую очередь – обществоведы, вплотную подошли к обоснованию необходимости включения науки в систему государственного управления. Для большинства российских чиновников такой подход смерти подобен. Более всего они желают работать по-старому, параллельно извлекая немалые прибыли из участия в рыночных структурах, в дележе дивидендов, в расширении своих преференций в виде бонусных выплат и привилегий. Они как черт от ладана бегут от науки. Она опасна для них, для их эгоистических и корпоративных интересов.

С неизбежностью грядущие изменения социальной реальности обусловливают необходимость *перехода к новой системе управления обществом,* предполагающей отказ от традиционного метода проб и ошибок и принятие социально значимых государственных решений на основе всестороннего научного анализа и точных математически выверенных расчетов.

Наука и образование – системообразующие факторы новой социальной реальности, а их интеграция – веление времени.

Для нас важно, что мировое сообщество начинает все в большей мере осознавать, кто является истинным, а не вымышленным источником опасности для современного человечества. Так, почти четверть (24 %) жителей Земли считает, что наибольшую угрозу для мира в настоящее время представляют Соединенные Штаты Америки. А вот страны, обозначенные мировыми идеологами как «очаги зла и угрозы», по мнению респондентов во всем мире, куда менее опасны. Например, только 8 % опрошенных считают, что угрозу миру представляет Пакистан, еще 6 % – чувствуют опасность, исходящую от Китая. По 5 % респондентов назвали «опасными» странами Иран, Израиль, Афганистан и Северную Корею. Россия, по общемировым оценкам, получила 2 % голосов как страна, которая представляет угрозу. Результаты этого опроса, как никогда ранее, показывают, насколько многополярным становится мир [2].

Да, мировое сообщество с остановками и откатами на предыдущие позиции движется по направлению к многополярному миру. К ситуации, когда перманентный диалог, а не силовое давление становится главной формой решения планетарных проблем. Путь этот тернист и не близок, но уже сейчас мы должны готовиться к новой всемирной политической конфигурации...

Литература:

1. *Осипов Г. В.* Встречи с Питиримом Сорокиным / Под ред. И. Б. Орловой. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003.
2. Gallup International/WIN и холдинг РОМИР. – 2013, декабрь.
3. *Кокошин А. А.* О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. – М., 2008.
4. *Моисеев Н. Н.* Быть или не быть… человечеству? – М., 1999.
5. *Парфреу А.* Аллах не любит Америку. – М., 2003.
6. *Тойнби А.* Постижение истории / Сокр. версия Д. С. Сомервелла в 10 т. – 1960; *Тойнби А.* Цивилизация на суде истории (Civilization on Trial). – 1948; *Тойнби А.* Перспективы западной цивилизации (The Prospects of Western Civilization). – 1949; *Тойнби А.* Война и цивилизация (War and Civilization). – 1950 и др.

Риски и угрозы российской реальности: методология и технологии исследования (выбор альтернатив по критериям риска в условиях вероятности и неопределенности)

Самое важное в жизни – это умение рисковать.
С. Моэм

Предсказывать очень трудно, особенно будущее.
Н. Бор

Рискология – одна из самых динамично развивающихся общественных наук, в значительной мере основанная на интеграции различных сфер научного знания.

Общество, государство, корпорации и компании в различных социально-политических ситуациях и в силу различных субъективных

предпочтений в определенной мере по-разному воспринимают и оценивают риск, по-разному на него реагируют. Обобщая многие позиции, представленные в литературе, можно отметить следующее.

Риск – это действие в условиях неопределенности, стремление достичь результата при недостаточной уверенности в успехе. «Толковый словарь» В. Н. Даля дает следующее определение: «Риск – отвага, смелость, предприимчивость, действие на авось без верного расчета» [1].

Риск – это вероятность осуществления неопределенности, относительно которой точно не известно наступит она или нет. Причины риска могут иметь как объективный, так и субъективный характер. Риск может быть реальным и мнимым. Риск – это и выбор действия, и само действие. Однако широко распространен рис бездействия риск упущенных возможностей. Риск ошибочных не достаточно просчитанных решений Интересная интерпретация риска дается Н. Луманом, который предлагал различать понятия риск и опасность. По Луману, ущерб от риска вменяется решению, а от опасности – окружающему миру [2].

В условиях новой социально-политической реальности общественная жизнь во многих своих сферах сопровождается рисками неопределенности и нелинейности сегодняшнего дня, а тем более – будущего. И если Ульрих Бек в своей знаменитой книге «Общество риска. На пути к другому модерну» [2] предупреждал о грядущем «обществе риска», в котором общественное производство богатств постоянно сопровождается общественным производством рисков, то сегодня возникшая новая глобализационная реальность порождает новые вызовы и риски государственной и общественной деятельности, новые вызовы и риски самоорганизации общественных структур и институтов. Усиление фактора нелинейности приводит к увеличению вариативности будущего, расширяет спектр возможностей, но и рисков. Перефразировав Даниеля Белла можно сказать, что возникающая новая российская реальность «создает новые надежды и дает новые силы, ставит новые ограничения и задает новые вопросы – причем делает все это в масштабах, какие раньше невозможно было представить» [3].

Новая российская реальность в полной мере подтверждает актуальность такого прогноза. Динамично возрастает вероятность появления самых различных объективных и субъективных факторов риска: прежних и новых, системных и ситуационных. «Спектр современных угроз и рисков чрезвычайно высок, – пишет академик Г. В. Осипов, – радиационное и химическое заражения, изменение экологической среды и использование генномодифицированных продуктов, кибертерроризм, организация экстремистских действий через социальные сети, зависимость от компьютерных игр и др.» [4].

Исключительно значимы экологические риски. Масштабные природные катаклизмы, реально ощущаемое изменение климата позволяют говорить, что Планета входит в новую фазу своего развития, а это рождает новые риски: экономические, социальные, политические. Впервые в истории человечества встал вопрос о том, будет ли у него завтра, а экологические риски выдвинулись в ранг приоритетных.

Среди социально-политических рисков продолжают доминировать риски, связанные с чрезвычайно высоким (избыточным) уровнем материального неравенства, проблемами в медицине, ЖКХ, материальном обеспечении. Многие системные риски связаны с проблемами развития реального сектора экономики и импортозамещением. Различные риски рождает социально-нравственная и социально-политическая атомизация социальных слоев и групп российского общества. В экономической сфере инфляционные ожидания справедливо рассматриваются как постоянно возникающий риск.

Динамизм и многофакторность рисков делает исключительно значимым научное управление общественными процессами, отказ от широко распространенной практики управления путем проб и ошибок, заключающей в себе потенциально возможный риск.

Сегодня Россия вошла в период резкого обострения политических и экономических международных отношений, с санкционными и информационными рисками, что делает особо значимыми учет рисков цивилизационной идентичности страны, национальных приоритетов и интересов.

«Новые» же риски затрагивают жизнедеятельность всех – большинство из них порождены нелинейностью достижений научно-технической модернизации: люди с энтузиазмом потребляют их нынешние блага, будучи зачастую не в состоянии контролировать будущие не намеренные последствия новых технологий, которые практически затрагивают все население мира и постепенно могут иметь планетарную дегуманизирующую направленность» [5].

Разнообразие, разнокачественность и разноуровневость рисков делает неправомерным их упрощенное понимание, сведение к локальным формам предупреждения или локализации рискогенных ситуаций. «Формирование генеральной стратегии нового этапа развития России – это совокупность неизбежных рисков. Проблема не в том, чтобы их избежать вообще, а в адекватных выборах возможных альтернатив действия в контексте сложного социума» [6]. Справедливо заметил Питер Л. Бернстайн: «Риск – это не шанс проиграть, а возможность выиграть, не проявление сил рока и предназначения, а изощренные, использующие теорию вероятности методы прогнозирования будущего, не беспомощное ожидание, а сознательный выбор» [7].

Среди различных рисков особое место занимают риски потенциально неустранимой в настоящее время неопределенности. Но даже

в тех случаях, когда риски принципиально неустранимы полностью, их можно частично существенно уменьшить за счет лучшего понимания, уточнения механизмов проявления [8].

Определяющая специфика исследования рисков общественных процессов и отношений связана с характером самого исторического процесса. Так, формирование новой социально-политической реальности происходит как сложный саморазвивающийся процесс на основе широкого разнообразия объективных и субъективных условий, из взаимодействия которых, в конечном счете, складывается равнодействующая – конкретная социальная развилка. Это взаимодействие происходит на основе вероятностной причинности и неопределенности. И это очень важно для выявления рискогенной ситуации. Но также важно, что наука описывает конкретную ситуацию, на основе лапласовского детерминизма, как частного случая, как особого вида причинности, имеющего ограничения (В. С. Степин).

Сегодня многие конституирующие черты новой российской реальности не вписываются в прежнюю систему социальных координат. В этих условиях задача науки найти более широкие принципы взаимодействия, которым была бы присуща большая универсальность. Такой принцип в свое время был обоснован знаменитым датским физиком Нильсом Бором и известен как «принцип дополнительности» [9].

В исследовании естественных и общественных процессов выделяются два класса закономерностей их развития: динамические (закономерности жесткой детерминации) и статистические.

Динамические закономерности – это жесткая причинно-следственная предопределенность. Их познание позволяет приспособить субъективные действия общества (личности) к однозначно ожидаемому состоянию. Такие закономерности присущи многим природным процессам.

Статистические закономерности, напротив, описывают вероятностный характер причинно-следственной взаимосвязи. Это «устойчивые тенденции, обобщающие многозначные (корреляционные) причинные связи, которые проявляются в варьирующихся явлениях и могут быть установлены лишь в пределах совокупностей на основе статистических показателей [10]. Его осуществление может задерживаться и ослабляться противодействующими факторами.

Статистические закономерности действуют, как правило, в социальных отношениях и процессах. Например, великий физик Макс Бор даже писал: «Я убежден, что законы статистики имеют силу в истории так же, как в игре в рулетку» [11].

В науке различают семь ступеней по уровню свободы во взаимосвязи причины и следствия, от строго детерминированного (нуле-

вая степень уровня вероятности) до стохастической предопределенности (случайности).

Стохастический характер причинности тесно связан с нелинейным процессом общественных процессов. При линейном типе развития совокупность проявления причин равно проявлению этих причин по отдельности. При нелинейном процессе совокупность причин отличается от ее составляющих частей новым качеством.

Можно выделить следующие конституирующие признаки принципа нелинейности:

– многовариантность развилок и форм развития.

– возможность выбора из вариантов.

– усиление и ослабление стадий развития усиление и ослабление его динамизма.

Поэтому при выработке и принятии управленческих решений необходимо учитывать сложную, противоречивую диалектику нелинейности развития социальных систем и следующую из нее принцип альтернативности выбора, возможности через механизмы обратной связи корректировать ход реализации принятых решений, сведя к минимуму потенциальные риски.

Процессы образования рисков на основе статистических закономерностей происходят в сложных нелинейно развивающихся системах и принимают характер устойчивого тренда. При этом выбранная вероятность принимается как практическая достоверность.

Представляется целесообразным различать пассивное и активное и пассивное использование риска. Пассивное – это меры по локализации негативных последствий риска. Активное – воздействие на причины порождающие риск и их устранение и, или использование риска в свою пользу. По существу, любая стратегия заключает в себе потенциальный риск. Поэтому задача анализа оценить этот риск и понять, что предпочтительнее: пойти на риск принятого решения или на риск упущенных возможностей.

Риски, как правило, имеют временную составляющую. Сегодня это весьма существенный риск, завтра он может стать обыденностью. Или же сегодняшняя обыденность может завтра стать риском упущенных возможностей. Поэтому возможна такая ситуация, когда то, что сегодня считалось хорошим (или приемлемым), завтра может привести к негативным результатам. В литературе говорится о «парадоксе плановика», когда то, что является правильным в отношении временного периода 5–7 лет, может оказаться ошибочным во временном лаге 15–20 лет и гибельным в периоде 40–60 лет [12]. Это обстоятельство особенно важно учитывать в условиях перехода экономики страны на компьютерно-цифровую модель развития, с ее принципиально новыми, динамичными формами.

Представляется, что на формы проявления рисков может быть распространен принцип «эффекта бабочки», когда в точке бифуркации даже незначительные изменения могут породить масштабные последствия.

Важнейшим разделом рискологии является теория политических рисков. Риски этой сферы являются вероятностью того, что определенные политические решения (действия) могут негативно повлиять на общественную ситуацию в стране, дестабилизировать ее. Практически, все макросоциополитологические модели принимают политическую стабильность (нестабильность) за исходную переменную анализа политического риска.

Причины и источники возникновения политических рисков. «Недостаточная рациональность, связанная с дефицитом и неполнотой информации, нестандартность политической ситуации, отсутствие четкого подсчета приобретений и утрат, непонимание и игнорирование интересов других участников политических действий, неопытность, некомпетентность, безответственность и авантюризм политических лидеров, радикализм или агрессивность курса деятельности отдельных политических институтов и самое главное – низкая поддержка населением проводимой политики» [13].

Любые риски в той или иной мере связаны с интересами. Более того, перефразировав яркий афоризм Г. Гегеля: «Интересы правят миром», можно с достаточным основанием утверждать: интересы правят рисками. Существенная сторона новой российской реальности – поиск целевых ориентиров и формирование на этой концептуальной базе национальных интересов российского общества. Такой процесс весьма противоречив и сопровождается значительными политическими и мировоззренческими рисками.

Как правило, субъект осознает свои непосредственные риски. Но это не означает, что личный интерес касается только ситуационных рисков. Они связаны и со стратегическими, общенациональными рисками, например, рисками выбора стратегических социальных развилок развития общества.

В этой связи с позиции рискологии чрезвычайно важно рассмотреть соотношение и иерархию общенациональных, корпоративных, и индивидуальных интересов. Различные политические доктрины понимают такую иерархию принципиально неодинаково.

Так, разновидности либеральной концепции полагают приоритетными интересы индивидуальных, затем корпоративных интересов и с этих методологических оснований оценивают потенциально возможные риски. Такая позиция нашла достаточно широкое распространение в литературе и самое главное – часто реализуется на практике, что представляется ошибочным.

Концептуально чрезвычайно важно, что в настоящее время центр экономической политики переносится на интересы государства как выразителя интересов общества. А корпоративные интересы рассматриваются как составная, органическая часть национальных интересов. Такой подход чрезвычайно актуален и как принцип, и как важное условие упреждения потенциальных рисков импортозамещения.

В этом контексте интересно вспомнить, что, например, Г. Гегель говорил, что свобода действия всех составных частей и сфер определяется интересами целого, благом государства [14].

Система общественных интересов и связанные с ними риски характеризуется определенной статусной иерархией. Риски стратегических интересов имеют приоритет перед ситуационными. Однако бывают случаи, когда риски ситуационных процессов играют роль «разрешающего фактора». Примером может служить риск повышения пенсионного возраста в проведении государством социальной политики, когда не продуманные высказывания ряда государственных чиновников создали политическую напряженность в обществе.

Кардинальным направлением, обеспечивающим упреждения и оптимизации политических рисков, является консолидация общества на основе удовлетворения интересов его основных социальных групп, повышения качества жизни, развития демократии и культуры. Крайне необходима реальная политическая конкуренция, сильные политические партии, сильные институты гражданского общества. Многие риски связаны с низким профессионализмом чиновничества и политических функционеров, их недостаточной ответственностью перед населением страны, региона, города, населенного пункта.

Так, во время телевизионной встречи Президента России В. В. Путина ему поступило 3 млн обращений. Большинство из них касались конкретных социальных проблем. Это говорит об огромном авторитете Президента. Но не только. Люди вынуждены обращаться к главе государства, так как не могут решить проблемы на местах, проблемы, как выяснилось, острые, но вполне решаемые без вмешательства Президента.

Важнейшей задачей рискологии является выработка методологии и технологий реализации риск-стратегии функционирования корпораций и другого типа предприятий. На принятие решений по поводу риска должны влиять два обстоятельства: тяжесть последствий и их вероятность (Б. Паскаль). Характер такого рода исследований очень емко и четко выразил М. В. Келдыш: «Крупные, важные для страны прикладные задачи, сопровождаемые глубокими теоретическими разработками.

В условиях нелинейности превращение потенциальных рисков в реальность происходит сложным, противоречивым путем, опреде-

ляясь различными объективными и субъективными условиями. Поэтому при выборе из альтернатив упреждения риска субъект разрабатывает технологии упреждения, исходя из конкретной специфики риска и своих возможностей, реализуя при этом принципы соотношения общего и особенного.

Можно сформулировать следующие задачи субъекта по управлению рисками.

1. Адекватно оценить риск: реальность его наступления и величины возможного ущерба. Определение допустимого порога риска.

2. Выявить спектр возможных вариантов развития риска: возможные отложенные риски, риски, которые можно упредить и риски, которые избежать нельзя и надо минимизировать их негативные последствия.

3. Выявить допустимые и приемлемые риски, которыми можно воспользоваться для достижения более высокой результативности (оптимизация риска). Возможные компенсационные меры в случае негативного развития событий.

4. Определить применительно к конкретной ситуации механизмы и технологии анализа и прогнозирования угроз и рисков. Оценить их достоверность, возможность и спектр применимости.

Этапы управления рисками:

1) формирование представлений о проблеме;

2) аналитические и прогнозные оценки вариантов возможных решений;

3) принятие решения и его реализация;

4) ретроспективная оценка достоверности прогноза, правильности принятого решения и успешности его выполнения.

Научно обоснованные методология и технологии упреждения риска могут снизить уровень его неопределенности. В то же время недостаточно продуманные неквалифицированные действия могут не только снизить риск, но и порождать неопределенность и новые риски [15].

Важнейшее условие эффективного управления рисками – определенность и предсказуемость трендов развития макро и микро социальных ситуаций, т. е. прогноз. Прогноз – это не само решение или действие, а тем более, не сам результат деятельности. Прогноз – это научно обоснованное определение возможных вариантов появления и развития рисков, веер возможных альтернатив для выбора оптимального решения, которое должен принять директивный орган, выбирая из представленных прогнозистами предположений, взяв на себя ответственность за реализацию прогноза.

Вариативность социальных прогнозов в значительной мере определяет и специфику принятия решений по оптимизации и упреждению рисков. Выбор одного из возможных вариантов может и не

быть единственно верным и единственно возможным. Очень важно не упускать из сферы исследования потенциальную реальность возникновения сопутствующих рисков. Невнимание к ним может негативно повлиять на полноту и достоверность полученной в процессе прогноза информации. Более того, «вторичные» и «третичные» риски способны перечеркнуть результативность упреждения основного риска.

Сложность и многофакторность социальных процессов и связанных с ними рисков предопределили и сложность процесса прогнозирования, повышенные требования к методологии и технологиям проведения прогнозной диагностики. Для их достоверности необходимо использовать широкую информационную базу, анализировать потенциально возможные альтернативы, обязательно при этом целостное видение процесса.

По принципу информационной достаточности прогнозы могут быть сведены в три условные группы.

Первая. Прогнозы детерминированные, при которых результат может быть признан практически достоверным даже при потере дополнительной информации.

Вторая. Прогнозы стохастических процессов. Их достоверность предполагает и учет потенциально возможных случайных факторов.

Третья. Смешанные прогнозы. Они осуществляются частично по детерминированному, частично по стохастическому вариантам. Тип прогноза определяется путем теоретико-прикладного анализа и опыта.

Активное отношение к задачам оптимизации и упреждению рисков предполагает анализ и прогноз базовых и надстроечных факторов порождающих угрозы и риски. Перефразировав известное положение Г. В. Плеханова о соотношении общего, особенного и единичного в общественном развитии [16], можно сказать, что при исследовании причин возникновения рисков необходимо выявлять прежде всего общие причины, обусловленные закономерностями общественного развития, особенные, действующие на основе общих причин и выражающие специфику конкретной исторической обстановки, единичные, зависящие от субъективных факторов.

Многое зависит от того, насколько адекватно и своевременно будут сделаны и реализованы выводы из исследования рисков новой российской реальности, насколько адекватно выбрана социальная развилка развития. При этом целесообразно принимать во внимание так называемую «аксиому приемлемости», которая исходит из того, что каждая система оценивает величину риска, исходя из своих внутренних критериев, и устанавливает для себя пороги приемлемости риска для конкретной ситуации, формируя свое поведение, исходя из принятых оценок [17].

Справедливо говорится, что наука развивается инструментарием. В полной мере это утверждение относится и к рискологии. При анализе и прогнозировании угроз и рисков, как правило, используется инструментарий, типичный для той сферы деятельности, в которой исследуется риск. Это экспертные модели, формализованное интервью, социологические опросы по квотной и случайной выборке, специализированные семинары, статистические техники, многосценарный подход, методики «сканирования горизонтов», компьютерное моделирование, целевые прогнозы. Практически очень удобным и простым является метод «мозгового штурма». Широко (особенно при прогнозировании экономических рисков) используется метод экстраполяции трендов. Однако за пределами 5–7 лет он ненадежен из-за накопленных за этот период погрешностей. Кроме того, нелинейность процессов усиливает такую ненадежность, так как такие прогнозы не учитывают потенциально возможного влияния меняющегося качества и влияния случайностей.

Большие эвристические возможности открывает метод Дельфи, позволяющий опираться в прогнозировании на количественные и качественные оценки, коллективное обсуждение результатов и запрограммированное обязательное повторении анализа в несколько туров. В последнее время в практику прогноза входит прогрессивный метод Форсайт-анализа. Его отличие состоит в том, что он исходит из вариативности будущего и ориентирован не только на определение трендов, но и выработку конкретных решений. Перспективным является совмещение использования методов Дельфи и Форсайт-анализа.

Важная роль в исследовании рисков принадлежит использованию математических методов, например, метода программного прогнозирования и метода эвристического прогнозирования.

Среди моделей анализа рисков результативной представляется оценка ситуации по балльной системе, гибко, исходя из конкретной ситуации, определяя объекты прогнозирования и «вес» баллов. Эффективность такого метода во многом зависит от профессионализма экспертов.

Исключительно большое и часто недооцененное эвристическое значение принадлежит изучению и обобщению опыта различных фирм по оптимизации и упреждению рисков. За годы своей деятельности такие коллективы путем проб и ошибок научились выбирать наиболее приемлемые варианты работы с рисками.

Методологически важно учитывать возможные риски ложной корреляции, так как далеко не всегда можно с достаточной долей достоверности утверждать, что есть определенная зависимость между выбранными для анализа факторами, так как часто нельзя быть уверенным в полноте знания об этих факторах. В определенной ме-

ре такая зависимость имеет отношение и к определению горизонта прогнозирования рисков, так как по мере увеличения временного лага достоверность информации утрачивается.

Для определенного класса прогнозов чрезвычайно важен не только ответ на вопрос, что будет, а как будет и когда. В литературе приводится остроумная шутка Джона Кейнса: «В долгосрочной перспективе все мы покойники. Но важно когда».

В эффективном прогнозировании не уменьшающуюся, а часто и определяющую роль играет субъективный фактор. «Если бы перспективное планирование (прогнозирование – *Авт.*) было бы только делом техники, то имелись бы, вне всякого сомнения, простые технические объяснения причин повторения ошибок. Однако самым неподдающемся контролю компонентом в предсказании будущего человечества является пресловутый человеческий фактор – крайне причудливый и непредсказуемый. Человеческий фактор, помимо всего прочего, превратил словосочетание «не предусмотренные последствия» в жаргонное выражение» [18].

Речь идет (как представляется) о профессионализме, в широком контексте термина прогнозиста, умении и квалифицированно провести прогноз и профессионально интерпретировать его результаты. Дело не только в умении выделить приоритеты, хотя и это очень важно. Но еще более важно дать им оценку с позиции общенациональных интересов. При оценке полученных прогнозных результатов необходимо, в частности, определять влияние различных корпоративных интересов на отношение к тем или иным рискам, выбору альтернатив развития.

«В современных аналитических структурах функции аналитика определены двояко: с одной стороны, он должен осуществлять эффективное сжатие, концентрирование значимой информации, а с другой стороны – апробацию модели проблемной ситуации, созданной им в результате аналитической работы.., либо предложить способы ее проверки в будущем» [19].

Более широкого развития требует теоретическая рискология. Поскольку ни одна научная школа не может претендовать на истину в последней инстанции необходимо их научная апробация на теоретических дискуссиях, а их явно не достаточно. Сравнительно большая литература посвящена проблемам техногенных рисков и угроз. И это – хорошо, так как количество и объемы техногенных исков возрастает. Однако мало публикаций о рисках в социальной сфере и особенно политических рисках. Учебная литература, особенно по проблемам страховых рисков, значительно превалирует над аналитической.

Сегодня в сфере изучения рисков возникает потребность в интеграции знания, накопленного в различных научных дисциплинах.

Это обеспечит целостное видение проблемы. Примером могут служить естественные науки, в частности, – физика. Проблема интеграции знания о рисках предполагает выделение теоретических трендов, позволяющих решать методологические и терминологические проблемы научной интеграции.

Исследование угроз и рисков связано с рядом методологических сложностей. Одной из них является «прогностическая неопределенность». Она, в частности, определяется изначальной сложностью изучаемого объекта, многогранностью взаимодействия его элементов особенно в условиях кризисного развития социальной системы.

Изучение рисков наиболее целесообразно проводить в рамках научно-исследовательских целевых проектов, что предполагает наличие цели, конкретный результат, необходимые ресурсы и временной лаг [20].

Динамизм появления и развития рисков, большое социально-политическое значение их упреждения делает весьма актуальным систематическое изучение вызовов и рисков новой социально- политической реальности России, что и начал делать ИСПИ РАН в 2013, 2014 и 2015 гг.

Литература:

1. *Даль В. Н.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М., 1999. – С. 564.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000. – С. 374.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социологического прогнозирования. – М., 1999. – С. СЛ Х111.
4. Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – М., 2013. – С. 9.
5. *Кравченко С. А.* Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. – М., 2012. – С. 94.
6. *Кравченко С. А.* Новые уязвимости и риски современного этапа развития российского общества // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – М., 2013. – С. 14.
7. Против богов: укрощение риска / Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-бизнес», 2000. – С. 357.
8. Королев В. Ю., Бенинг В. Е., Шоргин С. Я. Математические основы теории риска. – М., 2011. – С. 16–17.
9. См., например: *Алексеев И. С.* Концепция дополнительности. Историко-методологический анализ. – М. 1978.
10. *Суслов И. П.* Теория статистических показателей. – М., 1975. – С. 49.
11. *Борн М.* Моя жизнь и взгляды. – М., 1993. – С. 49.
12. *Капица С. П., Курдюмов С. П.* Синергетика и прогнозы будущего. – М., 1997. – С. 78.

13. Политическая энциклопедия. – Т. 2. – С. 363.
14. *Гегель Г.* Политические произведения. – М., 1978. – С. 47.
15. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. – М., 2008. – С. 93.
16. *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. – М., 1956. – Т. 2. – С. 332.
17. *Буянов В. П., Кирсанов К. А., Михайлов Л. М.* Рискология. Управление рисками. – М., 2000. – С. 31.
18. *Триппетт Ф.* Впереди 21-й век / Антология современной классической прогностики. – М., 2000. – С. 85.
19. *Курносов Ю. В.* Аналитика как интеллектуальное оружие. – М., 2012. – С. 364–365.
20. *Осипов Г. В.* Измерение социальной реальности. Показатели и индикаторы. – М., 2011. – С. 31–32.

Стратегические вызовы и риски устойчивого социально-политического развития Российской Федерации

Системный кризис, поразивший развитые страны и рынки, потребовал системных научных аналитических подходов социологов, политологов, историков, антропологов, экономистов, других специалистов для того, чтобы понять природу, место и роль нынешнего этапа развития. В многочисленных исследованиях, суждениях и оценках можно выделить совокупность точек зрения на актуальную глобальную и российскую ситуацию, которые составляют ракурс уже не хаотического постмодернистского, а системно-рационалистического мировоззрения. Картина социальной реальности предстает в многомерности фундаментальных характеристик глобальной интеграции и новых вызовов и рисков жизнедеятельности мировой и локальных цивилизаций.

Мировое сообщество вступило в этап развития, который получил название глобализации. В своё время Сорокин П. А. предсказал «единый тип великолепного интегрального строя. Каждая страна будет строить этот новый порядок в своей собственной вариации, и каждая вариация будет, вероятно, благороднее, созидательнее и луч-

ше, чем большинство существовавших до сих пор в человеческой истории социокультурных порядков» [1]. Очевидно, что этот путь в новый мир новых порядков не может быть простым. Маршруты определяются в диалектическом процессе столкновении и интеграции социальных интересов, рождающих новые вызовы. Важно распознавать и измерять новые риски с целью их минимизации и устойчивого развития цивилизации. Ключевой категорией этого процесса является научное познание стратегических социально-политических рисков. Процесс отношений общества и государства с момента своего возникновения имел двухсторонний характер, проявлялся в виде неразрывного и взаимозависимого процесса этатизации общества и социализации государства. **Государство и общество неразрывны в своей жизнедеятельности и имеют устойчивый режим развития в том случае, если своевременно идентифицируют, распознают характер и определяют эффективную программу противодействий социально-политическим вызовам и рискам.** Как правило, глобальные социально-политические риски возникают на границах мировых цивилизаций, когда они начинают взаимодействовать между собой в различных сферах жизненно определяющих интересов.

Пятьсот лет назад, когда мировая цивилизация блистала в технических достижениях и культуре Китая, Османской империи, Кордовского халифата, стран Средиземноморья, Востока и Индийского океана, нищая Европа начала своё восхождение на вершину мирового могущества. Европа, а затем те страны, которые стали ассоциироваться с понятием «Запад», приняли вызов времени и сумели воспользоваться стратегическими факторами развития. Великие географические открытия создали материальные предпосылки для глобализации рынков, культур и технологий. Европа начала ускоренное научное и техническое освоение достижений Древнего мира и цивилизаций Востока. Система университетского образования, зародившаяся на Востоке в Константинополе и Китае, получила распространение в Европе (Болонья, Оксфорд, Киево-Могилянская академия). Николай Коперник, сторонник гелиоцентрической картины мира, Галилео Галилей, изобретатель микроскопа, и Джеймс Хаттон, открывший древний геологический возраст Земли, подготовили предпосылки научной революции, которая выразилась в знаменитой формуле «знание – сила». Политическая реконструкция Европы началась после Вестфальского мира, с отделения церкви от политики и утверждения в практике принципа государственного национального суверенитета. Реформация церкви в сочетании с ценностями христианства, гражданским правом, принципами моногамии, целибата и майората создали институт собственности и капитала.

Экономическое и военно-политическое господство Запада как итог Второй мировой войны было закреплено в Бреттон-Вудсе созданием послевоенной финансово-банковской системы мира. На всем протяжении XIX и XX веков Запад вскрывал и включал в оборот своей экономической системы рынки Азии, Африки, Австралии, диктуя свою волю и систему экономических преференций. К началу XXI века автоматизация индустриального конвейерного производства, создание национальных и транснациональных телевизионных центров производства и трансляции массовой информации и зрелищ сделали возможным утверждение на Западе этики общества массового потребления и зрелищ. Политический контроль большей части мира Запад обеспечивает соблюдением баланса интересов финансовой олигархии и массового гражданского общества, которое стало реальностью и наращивает свой потенциал, как показал Ортега-и-Гассет, с начала XX века [2].

Однако положенные в фундамент экономической модели развития принципы максимизации прибыли и накопление дисбаланса отношений между человеком, обществом и природой привели к рождению глобального вызова всей экономической системе Запада. Политиические и социальные риски экономической модели развития достигли критических значений и показали пределы возможного развития в будущем. В первую очередь стала очевидной невозможность сохранения системы экономических преференций с помощью фактора военно-политического господства. За короткий промежуток времени США как наиболее могущественная держава Западного мира была вынуждена закончить тяжелые войны в Ираке и Афганистане, которые показали пределы ее военной мощи в современном мире. Политики и ученые проводят историческую аналогию переживаемого этой мировой державой момента развития с началом заката Британской империи периода англо-бурской войны конца XIX века. Ослабление военного фактора дополнилось кризисом антитеррористической политики, который стал развиваться в США после 11 сентября 2011 г. Одновременно в самой могущественной стране Запада вызревала депрессивная экономическая ситуация, которая результировалась в системном экономическом кризисе 2008 г. [3][1]. Этот кризис в совокупности с формированием самого крупного бюджетного дефицита страны развивался на фоне впечатляющего роста китайской, индийской, бразильской, турецкой и других экономик. Критические явления и деформации в экономике и военной сфере в конечном итоге привели к кризису политики «мягкой силы», т. е. способности США быть прив-

[1] Обзор потери позиций на международной арене и провалов в экономическом развитии подробнее см. в статье одного из ведущих аналитиков Республиканской партии Роберта Кагана Not Fade Away // New Republic. – January 11, 2012.

лекательным образом для подражания. Из сферы политического влияния США вышли ряд арабских стран и дистанцировалось государство Израиль. Как открытую реакцию на ослабление военно-политического фактора США необходимо рассматривать вызов Ирана и Северной Кореи в создании их собственного ядерного оружия.

И, тем не менее, на фоне очевидного системного кризиса политический истеблишмент США продолжает настаивать на укреплении и расширении военно-политической составляющей государственной стратегии. «Америка должна всегда оставаться лидером на мировой арене… Я верю в американскую исключительность всеми фибрами своего существования», – заявил Барак Обама в своей речи перед выпускниками Вест-Пойнта [4]. **По сути дела, в этих словах сформулирован вызов социально-политической устойчивости мировой системы, которая в силу объективных обстоятельств меняет свою структуру и характер, превращаясь из однополярной в многополюсную.** Необходимо обратить внимание, что кризис внутренней и внешней политики США развивается параллельно формированию материальных и духовных глобальных диспаритетов, растущая динамика которых не оставляет никаких сомнений в сложившихся мировых трендах развития. Кризис либеральной модели развития привел к победе бедности над богатством. Уровень ВВП на душу населения в развивающихся странах явно отстаёт от роста населения (см. графики 1, 2).

График 1

УРОВЕНЬ ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ, в долл. 1990 г.

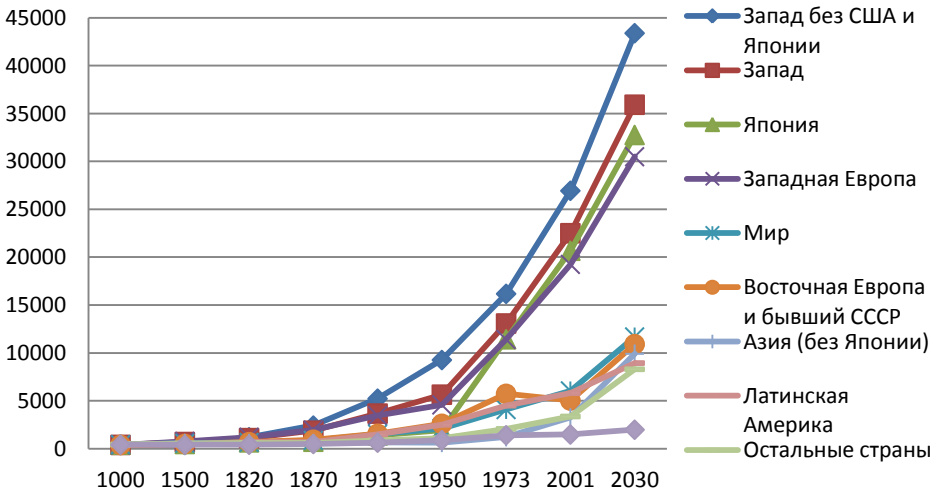
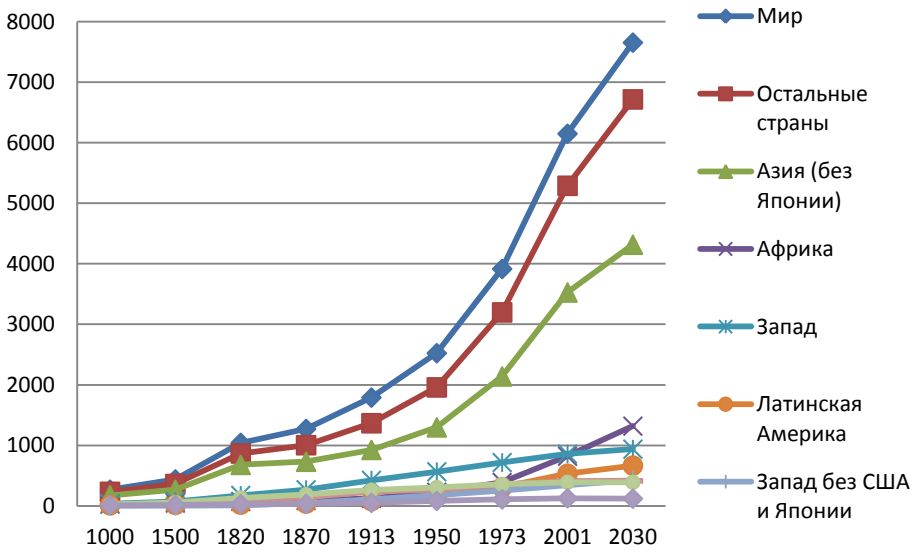


График 2
НАСЕЛЕНИЕ, в млн человек

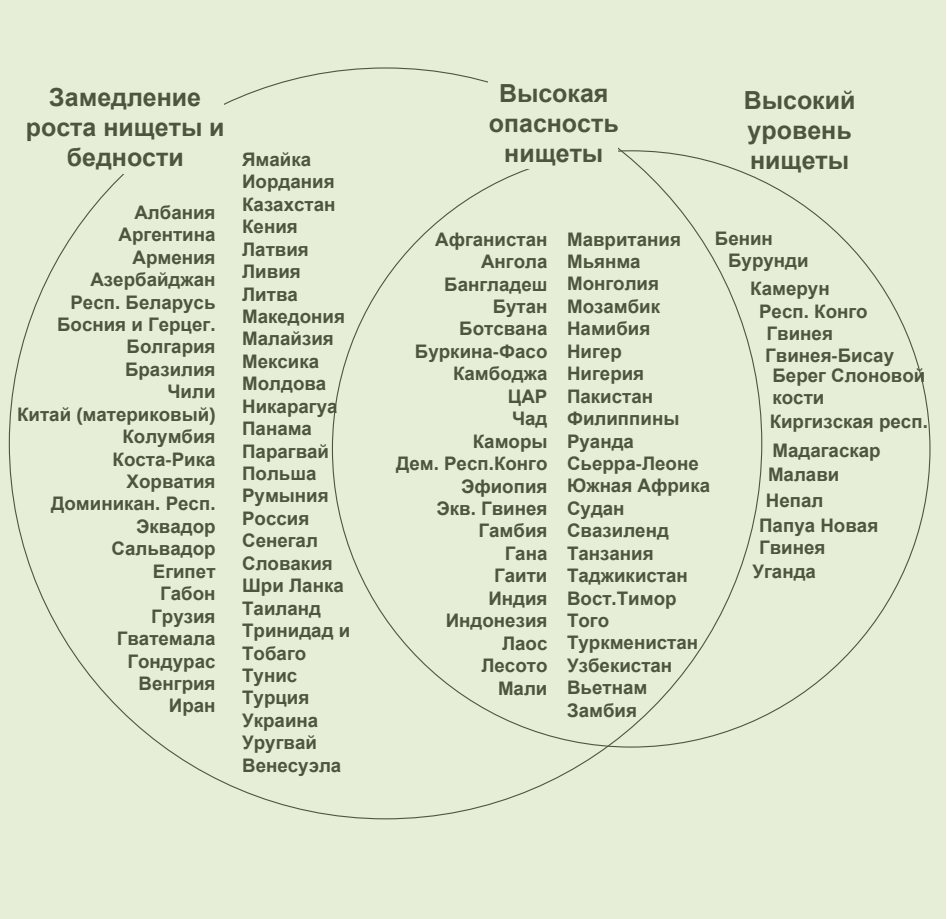


Источник: http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_02-2010.xls; http://www.ggdc.net/maddison/articles/world_development_and_outlook_1820-930_evidence_submitted_to_the house_of_lords.pdf; http://www.ggdc.net/Maddison/other_books/Growth_and_Interaction_in_the_World_Economy.pdf.

Примечание: Запад в интерпретации А. Мадисона – это Западная Европа, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Япония.

Схема 1

СТРАНЫ ВЫСОКИХ РИСКОВ НИЩЕТЫ И БЕДНОСТИ



Источник: http://go.worldbank.org/1FWPZ7KCJ0.

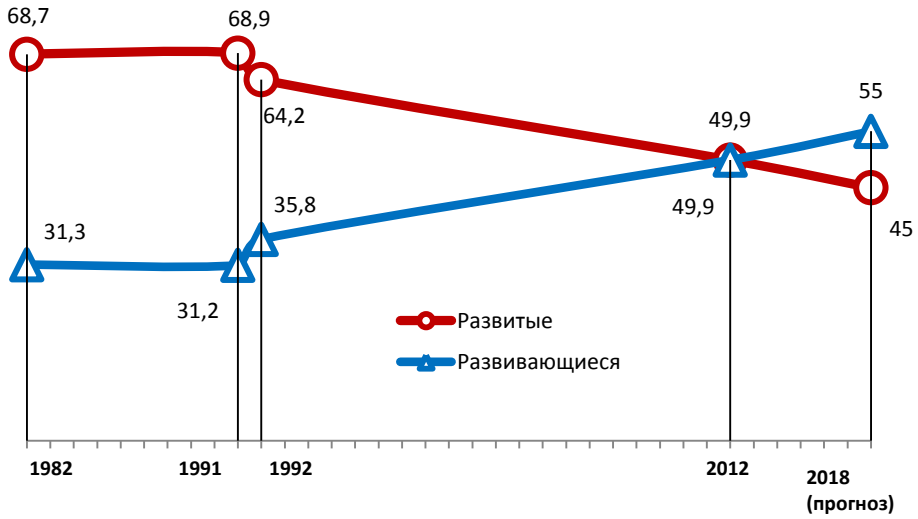
Диаграмма 1
ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
20 БЕДНЕЙШИХ СТРАН И 20 САМЫХ БОГАТЫХ СТРАН,
в постоянных ценах, долл. США по курсу 1995 г.,
средние арифметические значения

Источник: World Commission on the Social Dimension of Globalization, A Fair Globalization: Creating Opportunities for All (Geneva, International Labour Organization, February 2004).

На планете растет количество бедных стран с галопирующим ростом населения и уменьшается количество развитых стран с высоким доходом населения и депрессивной демографической ситуацией. В наши дни мир продолжает жить в условиях неэквивалентного экономического обмена между бедными и богатыми странами, Западом и Востоком, Севером и Югом.

График 3

ДОЛЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В МИРОВОМ ВВП, в %



Источник: МВФ. Цит. по: Новый двигатель мировой экономики // Ведомости. – 2013, 6 июня. – № 98 (3360).

Такой modus vivendi сформировал конкурентные глобальные цивилизационные стратегии. В наиболее сформировавшейся концептуальной сути можно выделить несколько доминирующих стратегических моделей.

• **Североамериканская стратегия** – экспансия интересов и ценностей США с помощью военного, финансового, информационного, технологического доминирования.

• **Европейская стратегия** – политическая и экономическая интеграция, создание органов наднационального управления в военно-политическом союзе с США.

• **Японская стратегия** – ставка на авангардное технологическое развитие в сочетании с традиционной национальной трудовой этикой.

• **Китайская стратегия** – внутренняя социально-экономическая производственная и рыночная мобилизация и глобальная товарная и финансовая экспансия с опорой на демографический фактор.

• **Арабская стратегия** – опора на сырьевые ресурсы, демографический рост и глобальная экспансия религиозных ценностей ислама.

• **Израильская стратегия** – глобальная мобилизация человеческих и материальных ресурсов в интересах государства Израиль.

• **Российская стратегия** – поддержание статуса великой ядерной державы, замена идеологической стратагемы на ресурсную, создание Евразийского союза.

Утрату экономического и политического влияния консервативная радикальная часть американского истэблишмента старается компенсировать военно-политическим присутствием в странах ближнего приграничья РФ и циничной агрессивной активностью в сфере манипуляций массовым сознанием. Наиболее ярко этот реактивный вектор американской политики проявился на Украине, где практика укрепления своего влияния за счет разжигания настроений массовой русофобии на почве национализма и фашизма приняли беспрецедентные масштаб. В отношениях с Россией действующая администрация США претерпела эволюцию роли от стратегического партнера до стратегического конкурента и даже противника. **Нынешняя государственная стратегия США бросает прямой вызов устойчивости системе международных отношений и создает высокие риски развития в регионах и странах, в первую очередь на постсоветском пространстве, на котором стали проявляться тенденции к экономической интеграции и кооперации.**

На фоне расширения в мировых отношениях практики конкуренции и сужения сферы кооперации возникает вопрос о внутренних стратегических вызовах и рисках российской государственности в современном мире. Какова их динамика и тенденции развития? Очевидно, что наша страна в своём развитии была отброшена назад неудачными либеральными реформами последних 20 лет. Такое мнение стало доминирующим среди политической элиты, экспертного и научного сообщества. **Экономическая статистика и социологические опросы показывают, что сервисная постиндустриальная модель экономики, которая укрепилась в России, продолжает воспроизводить высокие риски политической и социальной устойчивости.** Продолжает уменьшаться среднегодовая численность занятых в производственной сфере (промышленность, строительство, сельское и лесное хозяйство), растет число занятых в сфере услуг. По сути дела, в период радикальных реформ России была навязана масштабная деиндустриализация экономики, которая привела к резкому падению удельного веса страны в мировом

промышленном и сельскохозяйственном производстве. В настоящее время доля России в промышленном производстве мира составляет 2–3 %, в обрабатывающей промышленности – около 1 %, в производстве высокотехнологичной продукции – менее 1 % (см. табл. 1).

Таблица 1

ДИНАМИКА ДОЛИ РОССИИ В МИРОВОМ ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

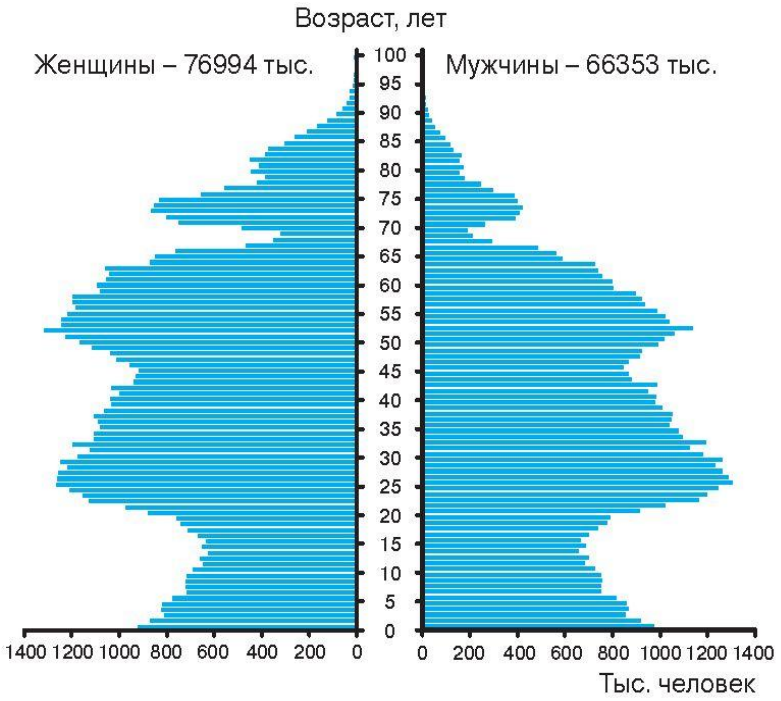
Страна, группа стран	1900	1913	1929	1938	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2006	2007–2009	2012
Весь мир	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Развитые страны	65,1	69,9	70,1	65,4	62,7	57,0	60,6	58,8	59,5	56,9			
США	22,8	26,3	31,1	23,2	26,9	21,2	19,3	18,9	19,4	21,9	17,9		
СССР*	13,0	13,8	9,0	14,1	15,1	19,6	17,9	16,2	12,9	5,5			
Россия**	9,1	8,9	7,9	9,7	10,7	14,9	13,5	12,2	10,3	4,4	1,8	≈3	<3

Источник: 1900–2000 гг. – Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / Под ред. И. С. Королева. – М.: Юрист, 2003. – 604 с.; 2006 г. – *Максаковский В. П., Петрова Н. Н.* Физическая и экономическая география мира. – М.: Айрис-пресс, 2010; 2007–2009 гг. и 2012 г. / Из презентации д-ра геогр. наук, проф. Родионовой И. А. «Россия и ее регионы в полицентричном мире». ВШЭ, 2012 г. // http//:www.myshared.ru›slide/225380/.

Примечания: * 1900, 1913 гг. – Российская империя без Польши и Финляндии; 1929, 1950, 1980, 1990 гг. – СССР; 2000 г. – бывший СССР (СНГ и Балтия); ** РФ в ее нынешних границах.

Дальнейшее развитие страны в выбранной модели развития воспроизводит риски промышленной и сельскохозяйственной деградации и социальной и демографической дегенерации. Падение доли промышленного производства в стране, снижение уровня материального благополучия населения, а также доминирование мегаполисной и городской структуры поселения приводит к отрицательной демографической динамике в стране. Прогнозы численности населения и тенденции возрастно-половой структуры населения РФ показывают резкое возрастание рисков депопуляции РФ (см. диаграмму 2, график 4).

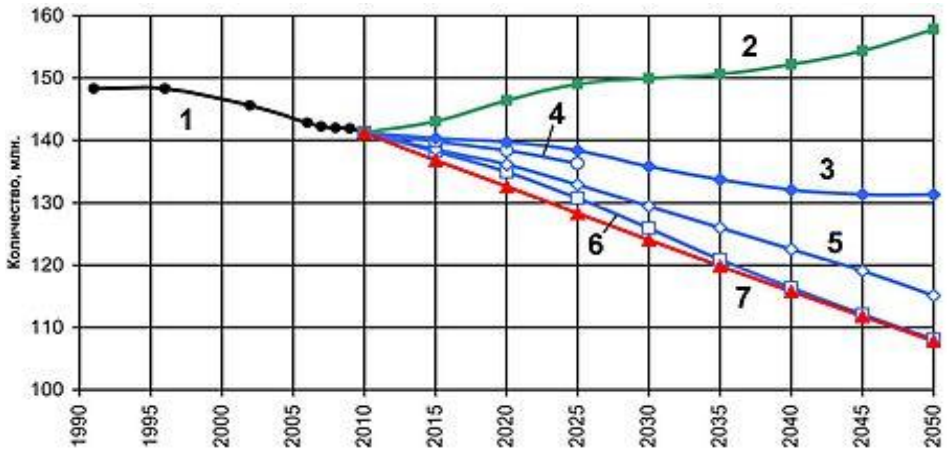
Диаграмма 2
ВОЗРАСТНО-ПОЛОВАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РФ НА 1 ЯНВАРЯ 2013 Г.



Источник: Россия-2014: Стат. справочник / Росстат. – М., 2014. С. 8.

График 4

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ С 2010 Г. ПО 2050 Г. ПО РАЗЛИЧНЫМ ПРОГНОЗАМ



1 – фактическая численность;
2 – ИДЕМ ГУ ВШЭ (2007, нормативный прогноз);
3 – ИДЕМ ГУ ВШЭ (2007, аналитический прогноз);
4– Росстат (2007, средний вариант);
5 – Бюро цензов США (2003);
6 – ИДЕМ ГУ ВШЭ (2007, прогноз с нулевой миграцией);
7 – ООН

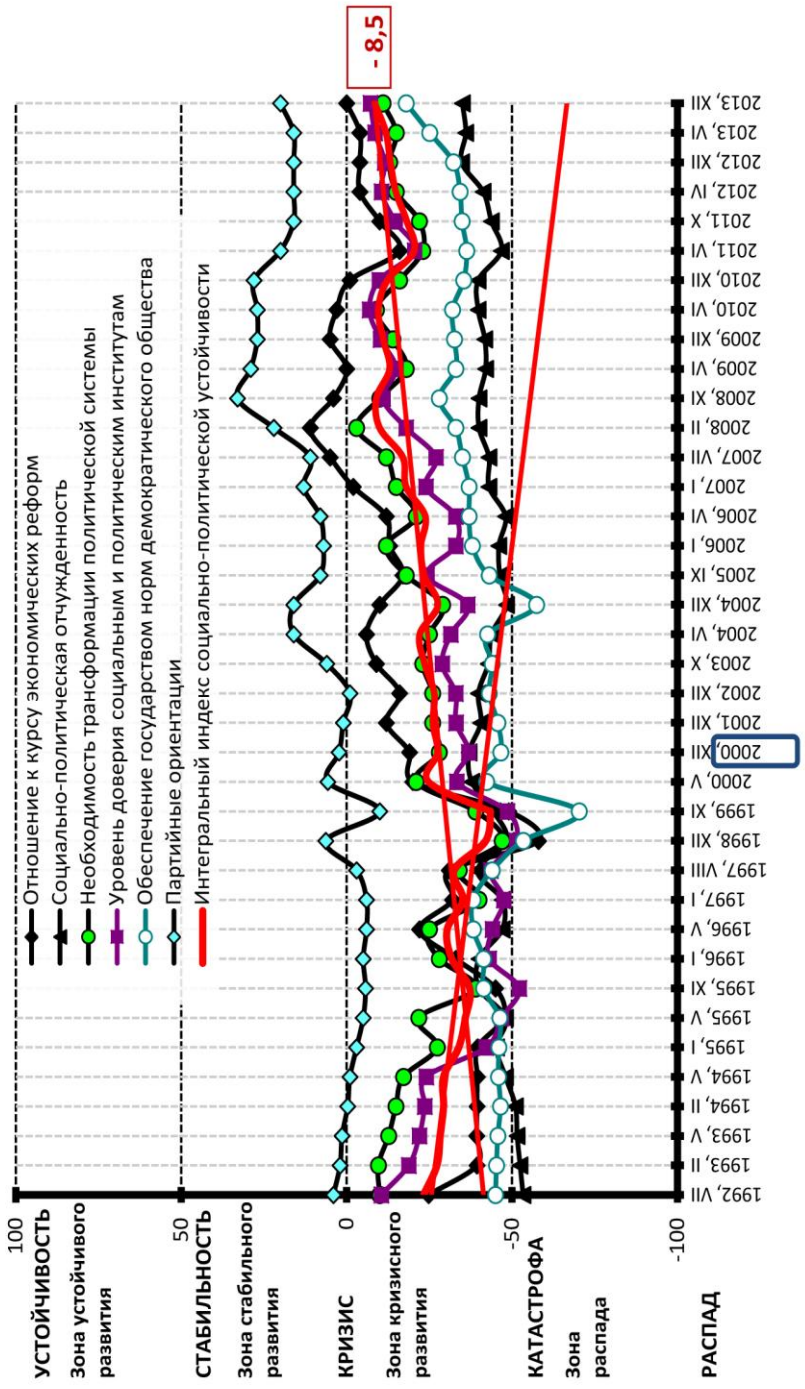
Источник: Население России-2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад. Издательский дом ГУ ВШЭ. Москва 2008. http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r06/acrobat/nr2006.pdf. – С. 273.

На протяжении последних 20 лет в обществе и экономике страны существовал узкий коридор возможностей устойчивого развития. Для снижения рисков возобладания критических и кризисных режимов на уровне высшего политического руководства была принята стратегия опоры на добычу и экспорт углеводородного сырья. Такой подход к выбору ключевого звена в цепи возможностей является эффективным в течение краткосрочных периодов. Стратегическая конкуренция и противодействие со стороны США потребовали принятия политики диверсификации рисков, поиска новых возможностей для экспорта нефти и газа на восточном направлении. Однако в долгосрочной перспективе необходимо принятие стратегии комплексного высокотехнологического индустриального развития. Динамика интегрального индекса социально-политической устойчивости показывает медленный тренд повышения (см. график 5)[2].

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

[2] Здесь и далее приводятся данные, полученные в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия», проводимого Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга – д-р социол. наук В. К. Левашов. Исследования 2014 г. проведены при финансовой поддержке РФФИ – проект № 13-06-00166 «Социологический мониторинг “Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях мирового экономического кризиса 2013–2015 гг.”», проект № 14-06-10004 «Научный проект проведения полевого этапа социологического исследования на тему: “Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях мирового экономического кризиса 2013–2015 гг.”» и РГНФ, проект № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг».

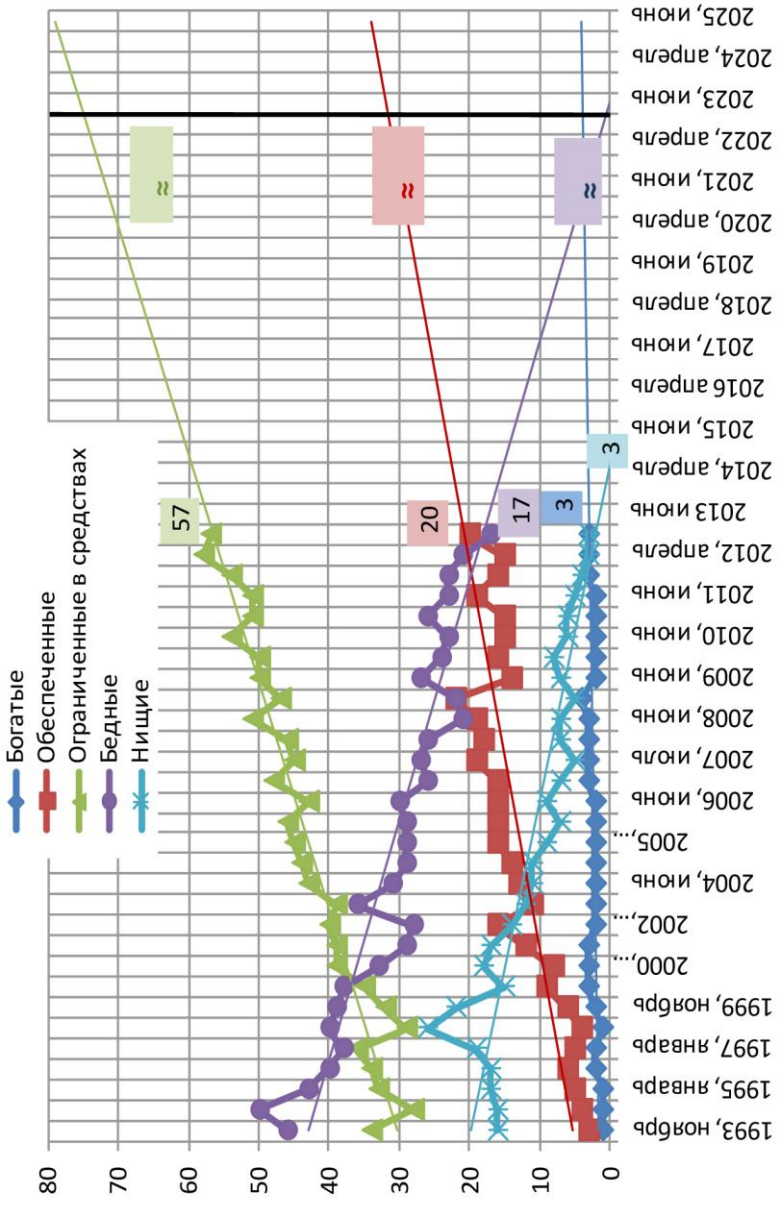
График 5
ДИНАМИКА ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНДЕКСА И ИНДИКАТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ



Динамика самооценки денежных доходов также внушает осторожный оптимизм (см. график 6).

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 6
ДИНАМИКА САМООЦЕНКИ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ, РФ, в % от числа опрошенных

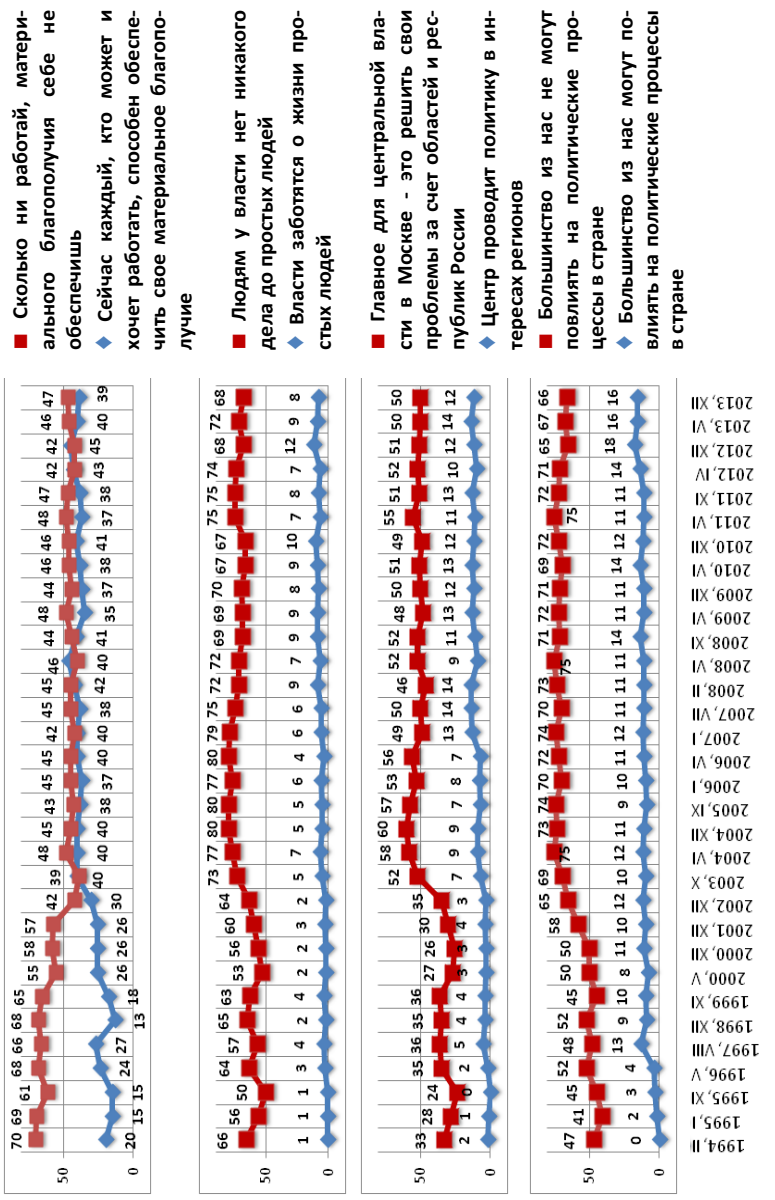


Доля «бедных» и «нищих» граждан в структуре самооценок денежных доходов падает. Доли «ограниченных в средствах» и «обеспеченных» граждан растут – первых быстрее, вторых медленнее. «Богатых» в российском обществе остаётся постоянной количество – приблизительно 3 %. Но имущественная поляризация в стране продолжает расти опережающими темпами, создаёт социально-политическое напряжение и высокие риски развития. Такое положение сложилось в силу ряда фундаментальных экономических и политических обстоятельств, которые вызвали эффект социально-политического отчуждения общества от государства (см. график 7).

Главная причина медленного развития страны кроется в отсутствии трудовой мотивации у значительной группы граждан (42 %). Высоки значения индикаторов социально-политической отчуждённости в Центре и на местах. В конечном итоге такое положение приводит к массовой пассивности и социальному пессимизму. **Необходим перелом в сфере экономической стратегии. Трудовая мотивация стратегии общего дела всей страны должна вытеснить криминальную мотивацию индивидуализма и коррумпированной элиты, создать в обществе здоровую нравственную систему отношений, атмосферу общественной солидарности и подъёма, веры в собственные силы.**

Решить эту назревшую задачу в рамках радикальной либеральной модели экономики, сложившейся в России, вряд ли удастся. Стратегические вызовы момента развития требуют стратегии государственного мышления, которая выразила бы интересы граждан. Ситуация по многим признакам напоминает предвоенный период развития СССР 30-х гг. прошлого столетия. Создать социально эффективную систему экономического развития без адекватной ей банковской системы невозможно. Сравнение банковской системы Китая и России показывает различия в подходах и моделях развития, В Китае государство контролирует стратегические направления и характер экономического развития. **В России в банковской сфере господствует радикал-либеральная идеология экономической прибыли в ущерб стратегии социально-политического устойчивого развития** (см. схемы 2, 3).

График 7
СУЖДЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ О ЖИЗНИ В СТРАНЕ, РФ, в % от числа опрошенных



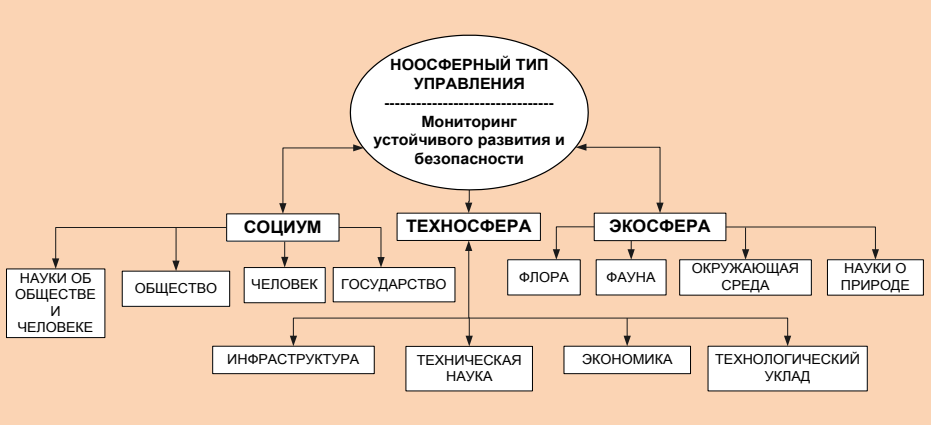
Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Схема 2
БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ

Схема 3
БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА КИТАЯ

Все банки Китая – государственные или акционерные. Частных банков нет. Такой подход в структуре банковского капитала и стратегии его развития позволяет избежать рисков и эффективно выразить волю государства и общества. Банковская система является инструментом системы политического управления, которая выстраивается на системных принципах ноосферы.

Схема 4
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ МОНИТОРИНГА УСТОЙЧИВОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ



Источник: *Левашов В. К.* Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. – М., Научный мир, 2010. – С. 98.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

(Проект)

В в е д е н и е .

I. Национальные интересы России и проблемы глобального устойчивого развития.

1. Современный мир и Россия – необходимость смены парадигмы развития.

2. Принципы устойчивого сосуществования человека, общества и природы.

3. Стратегические, среднесрочные и краткосрочные национальные интересы и цели устойчивого развития России.

4. Система индикаторов устойчивого развития.

II. Национальные ресурсы устойчивого развития России.

1. Человеческие и социальные ресурсы.

Здоровье населения и демографические проблемы.
Уровень и качество жизни.
Наука и образование.
Национальная культура, мораль и этика.
Девиантное поведение и преступность.

2. Материальные ресурсы и окружающая среда.

Продовольственные ресурсы.
Минерально-сырьевая база и энергетические ресурсы.
Атмосфера и вредные выбросы.
Водные ресурсы суши и питьевая вода.
Моря и прибрежные зоны.
Состояние почв.
Леса, заповедники, животный мир.

3. Экономические и социально-политические ресурсы устойчивого развития.

Результаты экономической модернизации: институциональные изменения и характер общественных отношений.
Эффективность функционирования системы социально-политических отношений.

III. Направления, задачи и механизмы устойчивого развития России.

1. Приоритетные национальные программы.

Продовольствие, жилье, одежда, здравоохранение и рождаемость, наука, образование, культура, экология.

2. Социальные гарантии населения.

3. Социально-экономические механизмы устойчивого развития.

Государство и устойчивое экономическое развитие
Плановые показатели и механизмы экономического регулирования по отраслям.

4. Социально-политические механизмы устойчивого развития.

Государство, политическая система обеспечения устойчивого развития.
Законодательная система.
Развитие демократических общественных институтов.
Массовая информация и воспитание.

5. Институты и инструменты мониторинга устойчивого развития.

З а к л ю ч е н и е .

Источник: *Коптюг В. А., Матросов В. М., Левашов В. К., Демянко Ю. Г.* Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России. – Владивосток: Дальнаука, 1997. – С. 76–77.

Национальная стратегия устойчивого развития выстраивается на системной концептуальной основе, в основу которой положены три сущностные категории, отражающие трехэлементную структуру современного мира в единстве «человек – общество – природа». Цель стратегического развития этой системы заключается в поддержании устойчивого режима взаимозависимого развития на основе баланса интересов и потребностей трёх сущностей актуального мира. Каждая из них имеет систему самоидентификации и измерения внешних угроз и вызовов. Устойчивость системы предполагает научно обоснованный поиск и выстраивание стратегии соединения материальных и духовных креативных возможностей и потребностей человека, общества и природы и рождает ноосферу как феномен материального и идеального, субъекта и объекта, прошлого, настоящего и будущего цивилизации на планете.

Литература:

1. *Сорокин П. А.* Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997. – С. 196–197.
2. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. – М.: Изд-во АСТ, 2008.
3. *Каган Р.* Not Fade Away // New Republic. – January 11, 2012.
4. http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-west-point-academy-commencement-ceremony.

Риски глобализирующегося мира: причины и перспективы

Глобализация – процесс противоречивый, имеющий множество форм и проявлений. Процесс глобализации не только открывает новые возможности, наведя мосты между различными культурными традициями, но и обостряет межцивилизационные отношения. Как отметил известный французский мыслитель Э. Морен, «глобализация способствовала целому ряду кризисов и будет способствовать их обострению в будущем, вплоть до угрозы тотального хаоса» [1]. Такую возможность нельзя игнорировать, так как в общепланетарном плане никто не регулирует и не контролирует развитие экономики, технологии, науки, которые определяют, в конечном итоге, развитие современной цивилизации. С подобным ходом мысли необходимо считаться, поскольку он вытекает из противоречий природы человека, его открытости и непредсказуемости [2]. При этом, как это ни парадоксально, вместе с ростом качества жизни, его продолжительности растёт роль «вооруженного» человека в мире, что порождает новые риски. До сих пор в этой связи актуально звучат слова И. А. Ильина о «вооруженном человеке». Согласно И. А. Ильину, «сама система вооруженного мира свидетельствует о том, какие колоссальные запасы вражды и страха скапливаются в людях и народах; достаточно подумать о том, сколько решимости убить укрывается в каждой выделенной в мирное время шрапнели и гранате; сколько силы и энергии полагается каждым народом на то, чтобы сообщить миллионам людей целесообразность управлять орудиями смерти, с каким удовольствием мы узнаем о каждой малейшей победе, одержанной нашими войсками, «отвлекаясь» будто бы при этом от мысли о числе убитых врагов; достаточно обратить внимание на тот ненавистнический, подчас прямо кровожадный тон, в котором видится вся малоблагородная пресса воюющих стран, и мы признаем, что война без исключения есть нравственно виновное деяние» [3]. Между тем человек продолжает вооружаться. Так, в дальнейшем физика дала миру атомную бомбу, затем водородную, нейтронную, химия – химическое оружие, биология – биологическое и т. д. Этот процесс совершенствования форм убийств продолжается, характеризуя человека не с самой лучшей стороны.

Современная цивилизация неоднородна. Но в этом неоднородном цивилизационном потоке ведущую роль играет западная техногенная цивилизация. Именно в ее рамках приоритетными являются научная рациональность и идея прогресса, примат научной истины и

свободы. Подобная система ценностей сложилась в Новое время и эпоху Просвещения, которые способствовали, с одной стороны, развитию человека и всей современной цивилизации, а с другой стороны – она породила такие глобальные проблемы, которые ставят будущее современной цивилизации под вопрос, так как они могут привести к общепланетарной катастрофе, которая может стать концом homo sapiens. Общепризнано, что в XX веке впервые индустриальный человек столкнулся с природой в таком масштабе, что меняется не только климат планеты, но и качество биосферы. Дальнейшее продолжение подобной политики может привести к «столкновению цивилизаций» со всеми вытекающими из этого катастрофическими последствиями. Отсюда необходимость изменения вектора современного цивилизационного развития. Для этого необходимо расширить культурный горизонт человечества, включив в него не только достижения западной технологии и науки, но и те ценности Востока, которые показали свою эффективность. В первую очередь, речь идет о духовных ценностях человека, умении адаптироваться к природе, не разрушая ее в процессе хозяйственно-экономической деятельности, приоритет моральных установок перед безлично рациональными положениями. В целом, не вызывает сомнения тезис о необходимости расширения ценностно-нормативных и познавательных установок техногенной цивилизации.

В условиях кризиса базовых ценностей индустриального и постиндустриального общества, делающих приоритетными умение получать, обрабатывать и транслировать информацию, актуализируется вопрос о единстве цивилизаций, ошибочности линейной концепции прогресса, согласно которой передовыми, прогрессивными являются те страны и культуры, которые продуцируют более эффективно новые технологии и новые научные знания. Между тем эти страны опираются на индивидуалистические моральные установки. Именно подобная система ценностей способствовала актуализации таких глобальных проблем, как столкновение человека и природы, угрожающие будущему homo sapiens, противостояние «золотого» и «голодного» миллиарда, способствующего росту нестабильности в мире. В подобной ситуации на первый план выходит проблема преодоления «идеологемы» западноцентризма и переход к более целостному восприятию мира, в котором реально взаимодействуют Восток и Запад, Север и Юг, индустриально развитые страны с остальным миром. Без этого невозможно формирование новой целостной культурной матрицы, отвечающей потребностям глобализирующегося мира.

Однако такую идею нелегко реализовать на практике, поскольку понятия «Запад» и «Восток» не только отражают географическое положение различных стран и народов, но и представляют собой осо-

бые континенты культур, различающиеся системой ценностных приоритетов, которые делают их неповторимыми и своеобразными сущностями. Традиционно Запад, несмотря на различия в трактовках его сути, ассоциируется с рациональностью, приоритетом прав и свобод, прагматизмом и материализмом, тогда как Восток сопрягается с духовностью, интуитивностью, сакральностью, своеобразным теоцентризмом. Совместить их, разумеется, сложно. Поэтому проблема, видимо, ставится не в плоскости их совмещения, а в плоскости нахождения таких точек их соприкосновения, которые вытекают из реалий начала XXI века, когда мир стал более целостным и способен решать общие для всей планеты проблемы. Принципиально важно преодолеть такие часто встречающиеся в современном глобализирующемся мире явления, как национальный эгоизм, конфессиональную нетерпимость и высокомерное отношение индустриально развитых стран Запада по отношению к тем странам, которые отстали в своём научно-технологическом развитии. Преодоление этих стереотипов может значительно ослабить международную напряженность и опасность столкновения цивилизаций.

Сегодня неолиберальная модель капиталистического развития предстает как ведущая, по сути, безальтернативная модель, которая не имеет реальных оппонентов. Между тем при такой трактовке исторического процесса актуализируются фундаментальные вопросы общетеоретического характера. Во-первых, либеральные теории при всем уважении к индивиду исходят из тезиса о том, что человек, который выступает актором всех цивилизационных трансформаций, – движет эгоизм. Поэтому, согласно неолиберальной модели, каждому человеку должна быть предоставлена возможность получения максимальной выгоды, прибыли. Тем самым требование о свободе максимизации прибыли становится концептуальным, если угодно, императивом. Отсюда первый и самый трудный вопрос: может ли такое требование, приведшее к появлению всем известных глобальных рисков, стать нормой общецивилизационного развития в XXI веке, когда мир стал таким сложным, открытым и нестабильным?! Ведь, по сути, такой тезис идейно созвучен с известным гоббсовским тезисом «человек человеку волк», поскольку каждый человек, стремясь максимизировать свою выгоду, сталкивается с другим человеком. При такой трактовке сути человека возникает не только образ гоббсовского «человек человеку – волк», но и образ близкий неодарвинистской модели социума. Опасности такого хода мысли очевидны, поскольку подобная логика, примененная к поведению как отдельных лиц, так и стран, неизбежно ведёт не только к столкновению цивилизации, но и людей за ресурсы, доходы и т. д. Подобная логика распространяется и на отдельные страны, пытающиеся всеми воз-

можными средствами максимизировать свои доходы, прибыли. Подобная философско-методологическая установка игнорирует те многочисленные трудности, которые возникали в истории из-за следования этой парадигме. Возникновение социалистических и социал-демократических концепций тоже являются ответом на эту ситуацию. Установка «свобода максимизации прибыли всеми средствами» не только порождает социальное неравенство, но, в конечном итоге, и войны. В целом человечество плохо справляется с порожденными современной цивилизацией общепланетарными проблемами. В частности, не ясно, как защитить ценности демократии, прав человека в условиях непрекращающейся и все более усиливающейся миграцией жителей развивающихся стран третьего мира в индустриально развитые страны мира. Между тем, миграция – только одна из многочисленных проблем интенсивно глобализирующегося мира.

Ситуация осложняется не только обострением социально-политических и социально-экономических проблем в процессе глобализации. Вопрос в том, что систематический рост темпов инновационно-технологических процессов приводит к перепроизводству информаций, ускорению ритма жизни, появлению новых очагов риска, техногенным катастрофам и т. д. Все эти процессы – результаты усложнения мира человека и цивилизации. Создаётся впечатление, что человек создаёт больше проблем, чем может решить. Темпы, заданные ускорением и одновременным усложнением мира, сами по себе представляют глобальную опасность, поскольку для решения отмеченных проблем требуется дальнейшее ускорение и еще большее усложнение, тем самым человечество оказывается в своеобразной «петле», поскольку справиться со множеством проблем можно только с помощью создания новых, более сложных, инновационно ориентированных технологий, приводящих к очередному этапу ускорения ритма трансформаций и к еще более трудным вопросам.

Таким образом, можно утверждать, что человечество в результате реализации проекта Просвещения, основанного на идеях рациональности и прогресса, породило такие проблемы, с которыми оно не может справиться. Кроме таких известных проблем, как экологическая, демографическая и т. д., в конце XX века встала проблема глобализации, которая имеет множество «опасных» составляющих – геополитическую, геостратегическую проблемы глобального лидерства и управления и т. д., каждая из которых содержит конфликтогенный потенциал. Ситуация в начале XXI века существенно обострилась революционными потрясениями в Северной Африке и Ближнем Востоке, приведшими к вовлечению огромного числа людей в политический процесс, что будет иметь далеко идущие последствия, независимо от того как удастся разрешить новые, актуализированные време-

нем проблемы. Для полноты характеристики общей ситуации следует иметь в виду, что все отмеченные факторы проявляют себя в информационном пространстве, которое становится «пространством столкновений», поскольку идет борьба за будущее в форме борьбы за господство, влияние в информационной среде.

При этом в обострение общей ситуации вносят свой вклад все формы общественного сознания, начиная с идеологии и вплоть до науки. В целом, все основные формы общественного сознания, в том числе и наука, начинают испытывать давление идеологии рынка с его стремлением к выгоде, прибыли. Английский нейрофизиолог П. Харпер вынужден был оставить науку, осознав, что «кто умножает знание – умножает зло» [4]. Со временем влияние интересов рынка, бизнеса растут, порождая новые риски. Это объяснимо, поскольку рынок становится не только ядром экономики, но и общества в целом. Подобное естественно, поскольку в экономикоцентричном обществе, все виды человеческой деятельности «видятся», осмысливаются с точки зрения выгоды, прибыли. Несколько упрощая ситуацию можно утверждать, что в экономикоцентричном обществе и наука ставит перед собой цели, которые могут привести к прибыли. И до тех пор, пока ядром цивилизационного развития остается прибыль, выгода, не только невозможно создать гуманистическую или человеческую науку, как предлагал в своё время Э. Фромм, но будет уменьшаться сфера социально-гуманитарного знания, ядром которого выступают философские учения о бытии, человеке, истине. Достаточно в этой связи привести ряд положений из статьи Я. Бражниковой «Превращение. Зеркало спекуляции» [5] в рамках обсуждения смыслового пространства «общества знания». Согласно Я. Бражниковой, «нет вещей, более противоположных для наблюдателя, чем сфера хозяйствования и сфера чистой мысли. Прагматически ориентированные современные студенты – будущие экономисты, пиарщики, маркетологи и др. – с тоской и недоумением слушают все еще общеобязательный для всех специальностей и совершенно бесполезный для будущей профессиональной практики курс философии» [5]. По мнению автора статьи, подобную ситуацию надо исправить: «Говоря откровенно, это недоразумение давно пора исправить: концептуальное единство современного общества должно скрепляться основами маркетинга, а вовсе не модернистским пережитком времен расцвета Университета, каким является философия» [5]. Согласно Я. Бражниковой, «в общественном же сознании Философ давно играет роль пародийного персонажа… Он выступает как некая странная и тупиковая ветвь в победоносной эволюции homo economicus» [5: 71].

Итак, ядром и целью современного общества является homo economicus, руководствующийся маркетинговой философией. Для такой философии человек, который не продает и не покупает – пе-

режиток. Мышление, не направленное на «продать – купить», не имеет смысла. Не комментируя мысли Я. Бражниковой, отметим, что приведенные идеи высказаны на Международной конференции в рамках прояснения смысла того, что есть «знание» в новом формирующемся «обществе, основанном на знаниях». Если так операционально-прагматически трактовать «знание» в новом обществе, то как быть с предостережением Клода Леви-Стросса о том, что XXI век должен стать веком гуманитарного знания или его не может быть вовсе?

Радикальная проблема, которая встала перед современной цивилизацией, в том, что она должна, если хочет выжить, изменить свои парадигмальные установки, ценности и цели. И здесь без философской рефлексии не обойтись. Приведем в этой связи несколько положений, принадлежащих авторитетным, идеологически не ангажированным авторам, передающих главные «болевые точки» современного глобального капитализма. Первая цитата принадлежит Дж. Соросу – видному американскому финансисту, принимающему в последние десятилетия активное участие в интеллектуальной жизни современности. Согласно Дж. Соросу, «капиталистическая система во главу угла ставит конкуренцию и измеряет успех деньгами. Деньги подменяют собой реальные ценности, а рынки захватывают господствующие позиции в чуждых им сферах. В праве и медицине, политике, образовании, науке, искусствах, даже в отношениях между людьми достижения и качества, которые должны рассматриваться в качестве самоценности, переводятся в денежное измерение; о них судят по количеству денег, которые они приносят, а не по их реальным достижениям» [6]. Подобная система формирует прагматическое и индивидуалистическое мировоззрение, что не отвечает базовым интересам общества. Далее американский финансист справедливо доказывает, что, «будучи участниками рынка, мы удовлетворяем свою корысть, но, если мы будем только участниками рынка, одно это уже не будет удовлетворять даже нашей корысти. Мы должны думать об обществе, в котором живем, а когда дело касается коллективных решений, мы должны руководствоваться интересами общества в целом, а не нашими узкими эгоистическими интересами» [7].

Думать об обществе не входит в ценностные основания современных участников рынка, поскольку целью капиталистической системы была и остается максимизация доходов, прибыли. Как отмечает выдающийся американский экономист, профессор Массачусетского технологического университета Л. К. Туроу, «Капитализм – не такая доктрина, которая обещает максимальный рост. Он обещает лишь угождать индивидуальным предпочтениям. Если эти предпочтения извращены по отношению к экономическому росту, это никого не касается» [8]. Основная проблема современной цивилизации в этой

связи состоит в том, что капиталистические отношения де-факто стали общепланетарными, тогда как капитализм не содержит внутри себя объединяющих общество ценностей. Примечательно в этой связи заключение Л. К. Туроу к главе «Демократия против рынка»: «Ценности, или предпочтения, – это черная дыра капитализма. Система существует, чтобы им служить, но нет никакой капиталистической теории хороших или дурных предпочтений, нет никакой капиталистической теории, как возникают ценности, и никакой капиталистической теории, как изучать ценности и управлять ими» [8: 329].

Однако мир вступил в эпоху глобализации, а глобализирующееся общество нуждается в новой системе ценностей, поскольку различные народы и культуры, которые приходят в соприкосновение начинают сотрудничать в различных сферах – экономике, политике, науке, образовании, культуре. Для более эффективного взаимодействия народов и культур они должны руководствоваться определенными ценностными предпочтениями. Эти ценностные предпочтения не должны быть только рыночными, а должны учитывать императивы современности и содержат объединяющие общество ценности. Вот почему актуализируется система гуманитарного знания, которая ответственна за эту сферу, поскольку речь идет о формировании новых ценностей и целей.

К сожалению, современная цивилизация, ядром которой выступают индустриально развитые страны мира, – больше цивилизация средств, нежели цивилизация общепланетарных целей. Для того чтобы изменить эту ситуацию, необходимо выявить управляющие параметры функционирующей ныне цивилизации и попытаться их изменить. Последнее невозможно без более заинтересованного отношения к гуманитарной составляющей цивилизационного развития вообще и философской культуры общество в частности.

Между тем в начале XXI века мало признаков, которые свидетельствовали бы о том, что человек учится на своих ошибках. Не случаен в этой связи пессимизм одного из классиков науки XX века М. Борна, которого не покидало «чувство, что ход развития естественных наук настолько противостоит всей истории и традициям человечества, что наша цивилизация не в состоянии сжиться с этим процессом. Нынешние политические и милитаристские ужасы, *полный распад этики* – всему этому сам был свидетелем на протяжении своей жизни. *Эти ужасы* можно объяснить не как симптом эфемерной социальной слабости, а как *необходимое следствие роста науки*, которая сама по себе есть одно из достижений человеческого разума» [9]. Вывод немецкого физика неутешителен: «Если это так, то человеку как существу свободному и способному отвечать за свои действия должен наступить конец. Если даже род человеческий не будет стерт ядерной

войной, он может выродиться в какие-то разновидности оболваненных и бессловесных существ, живущих под тиранией дикторов и понукаемых с помощью машин и электронных компьютеров» [9].

Актуализация глобальных рисков, увеличение числа общепланетарных проблем, катастрофический рост информационного потока свидетельствует о возрастании сложности современного мира и отсутствия адекватного понимания происходящих процессов. Прав в этой связи французский ученый Д. Рюэль, когда обосновывает тезис в том, что «сейчас, как и ранее, будущее человечества остаётся загадочным, и мы не знаем, направляемся ли мы к более благородному будущему или к неизбежному саморазрушению» [10]. Вместе с тем никто в начале XXI столетия не ставит под сомнение, что человечество встретилось со сложнейшими общепланетарными вызовами. Эти вызовы-проблемы сделал общепланетарными человек своими действиями, формой самосознания, стремлением к господству над природой и остальными членами общества. Поэтому ядром всех глобальных проблем является антропологический кризис. Суть антропологического кризиса в победе познающего и действующего человека над духовным, нравственным человеком, подчинение духовности научной рациональности, оторванной от долга и любви и понимания зависимости человека от природы и других людей. Стремление к выгоде, прибыли, господство одной части мира над другой на базе науки и новой технологии, усиливает общепланетарный кризис. Основная ошибка ведущей в мире постиндустриальной цивилизации состоит в том, что она, по существу, игнорирует глобальность таких общепланетарных проблем, как столкновение индустриального человека и природы, усиливающееся противостояние «золотого» и голодного миллиарда и т. д., стараясь переложить тяготы глобальных проблем на «плечи» других, так называемых развивающихся стран.

Такая политика поощряет в конечном итоге миграционные процессы, используются террористами, что увеличивает число и характер глобальных рисков. Глобальные риски – результат действия всех стран, особенно индустриально развитых, задающих параметры цивилизационного развития. Глобальные риски взаимодействуют между собой, что приводит к усилению каждого из них. Поэтому для эффективной борьбы с глобальными рисками необходимы знания о специфике законов функционирования сложноэволюционирующих, открытых, нелинейных систем.

Глобализация в трактовке ведущих политиков США – это универсальный американизм, т. е. универсализация американских представлений о войне и мире, справедливости и несправедливости. Такая установка усилилась после 11 сентября 2001 г. Такая установка чрезвычайно опасна для будущего, поскольку система, основанная на си-

ле, начинает навязывать свои представления о мире, опираясь не на международное право, а на силу или угрозу применения силы. Между тем в XXI веке, когда накоплено оружие, способное многократно уничтожить современную цивилизацию, опасны не только сами военные действия, но и агрессивная идеологическая пропаганда, которая приближает войну, поскольку растёт взаимное недоверие, подозрительность и неуважение.

В этой связи особенно опасны, во-первых, рассуждения об упреждающем ударе, систематическое приближение военных баз НАТО к России и тем странам, которые стараются защитить свои национально-государственные интересы, во-вторых, с точки зрения международного права нельзя, было оставлять без критики и осуждения вторжение в Ирак в марте 2003 г. США и тех стран, которых США смогли привлечь к этому. По существу, как справедливо отметил Ю. Хабермас, «правительство США дважды проигнорировало международное право – провозгласив собственную стратегию национальной безопасности в сентябре 2002 г. и начав вторжение в Ирак в марте 2003 г.» [11]. Согласно Ю. Хабермасу, своими действиями «США отстранили ООН для того, чтобы обеспечить преимущество собственным этически фундированным национальным интересам – пусть даже вопреки протестам своих союзников» [11].

Характерно в этой связи недавнее признание второго человека после президента в американской чиновничьей иерархии Алана Гринспена, руководившего почти двадцать лет (1987–2006). Федеральной резервной системой США. Анализируя причины начала военных действий США в Ираке, А. Гринспен в книге «Эпоха нестабильности: приключения в новом мире» отмечает: «Грустно, что считается неудобным с политической точки зрения признавать то, что все и так знают: иракская война велась в основном из-за нефти» [11]. Здесь примечательны, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, слова о том, что «все и так знают» о том, что администрация Дж. Буша начала и ведет войну в Ираке не только и не столько за установление демократических институтов, – таких институтов нет и в странах, с которыми США находятся более, чем в хороших отношениях, например, в Саудовской Аравии, – сколько преследуя свои экономические и геополитические интересы. Во-вторых, заслуживает не меньше внимания и тот факт, что об истинных целях политики чаще всего не говорят, делая акцент на других, по их мнению, более привлекательных для избирателей проблемах. Вот почему так широко используются в мире демократические лозунги, естественное стремление людей к большей, чем это имеет место во многих странах мира, свободе личности и самовыражения. С этим связана политика «двойных стандартом», когда США и многие страны Западной Европы оценивают

события в других регионах мира в зависимости от того, насколько те или иные страны – участники событий – разделяют политические позиции США и западных стран. Как отмечает Юрген Хабермас, «образ действий американского правительства подводит к мысли о том, что для США международное право как среда (Medium) для решения межгосударственных конфликтов, для осуществления демократии и права человека уже не имеет значения» [13]. США обращаются к международному праву и международным институтам прагматически, т. е. только для того, чтобы использовать их в тех ситуациях, когда это им выгодно.

О лицемерности и двойной морали США на международной арене пишет и С. Хантингтон. По его мнению, очевиден «тот разрыв, который существует между провозглашаемыми принципами Запада и его действиями. Лицемерие, двойная мораль, игра в «да» и «нет» – вот цена его претензий на универсализм. Да, демократию следует развивать, но нет – не следует, если это приводит к власти исламских фундаменталистов; да, нераспространение ядерного оружия очень правильная вещь, если речь идет об Иране и Ираке, но нет – когда дело доходит до Израиля; да, свободная торговля является элексиром экономического роста, но нет – дело обстоит не так, если говорить о сельском хозяйстве; вопрос прав человека касается Китая, но не Саудовской Аравии… Двойная мораль стала на практике неизбежной ценой универсальных норм и принципов» [14].

Разумеется, на международной арене действуют не только США, но и страны, предпринимающие усилия по ослаблению глобальных проблем-вызовов, что внушает определенный оптимизм. Однако и это следует специально подчеркнуть, важно понять в каком направлении идет процесс в целом. Глобализация же, как универсализация принципов неолиберального капитализма, все больше обостряет общепланетарную ситуацию не только в социально-экономическом плане, увеличивая разрыв между уровнем жизни людей, живущих в индустриальных и постиндустриальных странах, и тех, кто живёт в остальном мире и пытается всеми средствами выжить, но и в ценностно-мировоззренческом отношении, приближая возможность «столкновения цивилизаций», по С. Хантингтону. Тем самым обостряются множество разноуровневых проблем, начиная с экологических и демографических и вплоть до этноконфессиональных. В реальности все эти проблемы пересекаются, взаимодействуют, усиливая друг друга и порождая новые, еще более сложные проблемы. Так, экологические процессы тесно взаимодействуют с экономическими и демографическими процессами, которые в свою очередь порождают все более глобализирующиеся проблемы миграции, связанные непосредственно с противостоянием «золотого» и «голодного» миллиардов. В подоб-

ной ситуации возрастает роль государственных структур, которые должны видеть происходящие процессы как целостные, сложные, взаимосвязанные, приводящие к синергетическому эффекту. Это предъявляет новые требования к политикам, которые в условиях глобализации, ответственны не только за те процессы, которые происходят в своей стране, но и в регионе, а в конечном итоге, в мире в целом.

Между тем подобное видение затрудняется спецификой существующих политических институтов, поскольку политики, представляющие те или иные государства, в первую очередь, ответственны перед населением, которое их избрало. Последнее обстоятельство требует новой политической культуры общества, понимания зависимости экономики, экологии, уровня жизни и т. д. одной страны от состояния экономики, экологии и т. д. других стран. Разумеется, каждый политик в первую очередь представляет свою партию, страну, и это основа современной политической модели общества, но принципиально важно осознание взаимозависимости различных стран и народов в условиях усиливающейся глобализации. Поэтому становится востребованной новая генерация политиков, умеющих принимать решения, учитывая не только краткосрочные интересы своей партии, свой страны, но и долгосрочные интересы глобализирующегося мира, игнорирование которых может отрицательно сказаться на экономике, экологии и т. д. как той или иной конкретной страны, так и мира в целом. При этом особая ответственность ложится на страны, политические и экономические объединения, которые во многом предопределяют направление развития современной цивилизации, формируя облик глобального мира. В конечном итоге, чем больше стран будут вовлечены не только в обсуждение глобальных вызовов, но и принятие решений общепланетарного характера, тем больше шансов выработать мегатренды, отвечающие интересам будущего современной цивилизации и уменьшающие риски общепланетарной катастрофы.

В этой связи представляет интерес тот факт, почему концепция устойчивого развития, принятая мировым сообществом в РИО-92, не была выполнена. Не обсуждая многочисленные аргументы «за» и «против», отметим, что «вина» за невыполнение требований концепции устойчивого развития лежит на индустриально развитой части планеты. Поскольку именно они вносят наибольший вклад в разрушение природной среды. Не имея возможности системно развернуть этот тезис, отметим, что в экономикоцентричном мире, каким является современный глобализирующийся мир, основная ответственность лежит именно на экономически ведущих странах, таких, как США, Китай и другие страны, интенсифицирующие конкурентную борьбу в ситуации, где расширение и интенсификация производства не связаны жестко с соблюдением экологических норм, тем самым

расширяется сфера конкурентной борьбы, которая плохо корреспондируется с требованиями экологии, демографии и т. д.

В заключение отметим, что при проблематизации природы глобальных рисков и возможных путей их уменьшения и нейтрализации следует, на наш взгляд, в первую очередь, обращать внимание на специфику общепланетарных трансформаций, природу глобальных рисков, угрожающих человечеству, а не на формационные основания динамики социальных процессов, поскольку термины «капитализм» и «социализм» отягощены многочисленными идеологически окрашенными интуициями и их широкое использование приводит к смещению акцентов видения происходящего. Большинство глобальных рисков актуализировались в XX веке и являются результатом экономико-технологической деятельности как капитализма, так и социализма в той форме, в которой социалистические идеи стали реальным фактором мировой истории. В начале XXI века, когда увеличивается не только количество рисков, порождаемых современной цивилизацией, но и характер этих рисков, угрожающих будущему не отдельных стран и регионов, а человеку как таковому, то следует задуматься над тем, как избежать общепланетарной катастрофы, а не стремиться к прибыли, выгоде. Проблема в том, что чем больше мир глобализируется, тем более актуальной становится мысль Ф. М. Достоевского о том, что настает время, когда «все за всё ответственны и все во всем виноваты». Однако ответственность государственного мужа отличается от ответственности рабочего на станке. Равно, как ответственность индустриально развитых стран мира, таких, например, как США, Китай, Великобритания, Германия, Франция, Япония, Россия отличается от ответственности за будущее от таких стран, как Эквадор, Словакия или Мадагаскар, при всем уважении к этим странам.

И, наконец, последний тезис сводится к тому, что на протяжении всей новейшей истории человек направлял свою энергию на то, чтобы изменить окружающий его мир, подчинить себе природу. Именно это стало причиной глобального экологического кризиса, угрожающего сегодня будущему человеческой цивилизации. Теперь настало время изменить не природу, а изменить себя, свой внутренний мир, свои ценностные установки. Энергия современного человека, столь активно проявившаяся в последние столетия, теперь должна быть направлена на самого человека, на совершенствование его нравственных качеств. Без этого человек может породить такие риски, с которыми он может не справиться. Глобальные проблемы – суть глобальные риски. Со временем масштаб подобных рисков возрастает. На планете скоро не будет места, где можно «скрыться» от экологических проблем-рисков, если человек и дальше так будет относиться к природе.

Ситуация осложняется тем, что глобальные проблемы, ставящие будущее человечества под вопрос, в большинстве своём порождены

не отдельными государствами, а всей современной цивилизацией. Естественно, это не означает, что одинаков вклад США или другой технологически и социально развитой страны в разрушение биосферы, таких, например, стран, как Австрия или Швеция. Разумеется, вклад различных стран в разрушение природной среды различен. Однако глобальные проблемы, в частности, экологическая ситуация в мире, которая систематически ухудшается, результат активной экономической деятельности **всех** стран планеты. Такая ситуация затрудняет определение конкретных виновников ухудшения экологической ситуации на планете. Последнее не означает, что общество не знает «главных виновников» разрушения биосферы – это наиболее развитые в экономическом и технологическом отношении страны. Однако у мирового сообщества нет необходимых рычагов изменения сложившейся ситуации.

Между тем решение проблем, связанных с глобальными рисками, порожденными главным образом современной цивилизацией, могло бы сыграть консолидирующую роль, поскольку глобальные риски не могут быть решены отдельными странами. Глобальные проблемы связывают различные страны и континенты. Вот почему в перспективе, и чем раньше – тем лучше, различные страны, особенно индустриально развитые, вынуждены будут взаимодействовать для решения глобальных проблем. Для этого необходимо использовать «человеческий капитал» не только для развития производства, но и для сохранения окружающей среды и формирования нового миропорядка, функционирующего в соответствии с концепцией устойчивого развития.

Литература:

1. *Морен Э.* К пропасти? – СПб.: «Алетейя», 2011. – С. 5.
2. *Делокаров К. Х.* Техновызовы XXI века и проблема будущего // Философия в диалоге культур. Всемирный день философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2010.
3. *Ильин И. А.* Соч. – М., 1995. – Т. 5. – С. 23.
4. *Харпер П.* Кто умножает знание – умножает зло // Диалоги. Полемические статьи о возможных последствиях современной науки. – М., 1979. – С. 264.
5. *Бражникова Я.* Превращение. Зеркало спекуляции // Политический журнал. – 2008. – № 2(179). – С. 70.
6. *Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001. – С. 247.
7. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. – М., 1999. – С. 108.
8. *Туроу Г.* Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. – Новосибирск, 1999. – С. 351.
9. *Борн М.* Моя жизнь и взгляды. – М., 1983. – С. 45.
10. *Рюэль Д.* Случайность и хаос. М.–Ижевск, 2001. С. 157.
11. *Хабермас Ю.* Есть ли еще шансы для конституционализации международного права? // *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. – М.: Весь мир, 2008. – С. 105.
12. *Портякова Н.* Алан Гринспен уронил курс Джорджа Буша // Коммерсант. – 2007, 17 сентября. – С. 10.

13. *Хабермас Ю.* Взгляд на хаотичный мир // *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. – М.: Весь мир, 2008. – С. 93.
14. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизации и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе / Антология. – М., 1999. – С. 537.

Риски в сложном социуме: динамика уязвимостей для человечества, стратегия гуманистического поворота[3]

Изначально риск рассматривался как *социально активный, гуманный выбор* отдельных, лучших, смелых индивидов, которые через сознательно принятые на себя испытания и преодоление терний жизни могли достичь общественно значимых благ. М. Вебер отмечал, что развитие мореплавания и морской торговли способствовало образованию основанных на взаимной помощи социальных практик «с целью разделения риска». В результате формировались «товарищества общего риска» [2: 194–196]. В самом общем виде под *риском* мы понимаем возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, на основании чего осуществляется *выбор* из возможных альтернатив действия [8: 619].

Единство риска и гуманизма рельефно прослеживается в значительной части инновационной деятельности ученых и тех, кто воплощал их проекты в жизнь: рискогенные эксперименты над собственным телом и здоровьем ради открытия вакцины, дарящей шанс жизни другим людям; освоение Северного и Южного полюсов планеты; полет в космическое пространство; выход в открытый космос и т. д.

Вместе с тем нет однозначной корреляции риска и гуманизма в относительно долговременной перспективе. Связано это с двумя основными факторами. Первый – *усложняющаяся природа риска*. Согласно постулату «*стрелы времени*», обоснованного лауреатом Но-

[3] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-04266.

белевской премии И. Р. Пригожиным, имеет место *саморазвитие материи, ускоряющаяся,* а главное – ее *усложняющаяся* динамика, что относится не только к неорганическому и органическому мирам, но и к человеческим сообществам [19]. Однако, считает Э. Гидденс, далеко не все люди готовы считаться с тенденцией «ускользающего мира» [4] и в повседневных практиках, и на уровне политических элит *игнорируют элементарные нормы моральной ответственности* за свою деятельность, не принимают во внимание характер *усложняющихся рисков*, последствия которых проявляются не сразу, а отложены на будущее. Так возникает эффект, который ученый назвал своим именем – «*парадоксом Гидденса*». Суть его в том, что ускоряющаяся динамика природы и социума, не подкрепленная адекватными *гуманистическими принципами* деятельности людей, может порождать *дисфункциональные последствия,* которые *отложены во времени и пространстве*. Это, по его мнению, касается как повседневных, так и глобальных реалий: ныне тинэйджеру, ведущему рискогенный образ жизни, в частности, знающему о рисках курения, трудно представить себя человеком в возрасте сорока лет, когда начнут сказываться реальные болезни, угрожающие его здоровью и, возможно, даже жизни. Аналогичное проявляется и у представителей политических и экономических элит в отношении к природе: все прекрасно осведомлены о рискогенной политики в отношении окружающей среды, ее *аморальных* составляющих, однако не принимают должных усилий по ее изменению в настоящем, создавая проблемы для грядущих поколений [Giddens, 2010: 2–3]. При этом социолог отмечает *амбивалентную природу* разных типов рисков: «Риск всегда необходимо обуздывать, но активный риск – важнейший элемент динамичной экономики и прогрессивного общества. Жить в глобальную эпоху – значить иметь дело с множеством новых ситуаций, связанных с риском. И, возможно, нам нередко понадобиться смелость, а отнюдь не осторожность в поддержке научных инноваций и других форм перемен» [4: 51–52]. Словом, в силу своей сложной природы есть *разнотипные риски*, находящиеся в континууме от полюса социально активной функциональности (как идеального типа) до полюса дисфункциональности и потенциальной деструктивности для жизнедеятельности больших и малых групп людей. Место же конкретного риска на этом континууме в значительной степени детерминировано его функциональной значимостью для судеб общества и *гуманистическим содержанием*.

Второй – исторически сложившиеся *прагматические подходы к управлению рисками*. Развитие капитализма, основанное на либеральных ценностях свободы, прагматизма, меркантилизма, логично привело к тому, что *управление рисками* осуществлялось, исходя

из принципов *формальной рациональности*, имея в виду формирование «*рационального человека*». В этой связи американский экономист Ф. Найт сформулировал постулат о том, что рациональный индивид ориентируется на формальную логику и математические исчисления, статистические данные, а также оценочные суждения, адекватные объективной реальности: «В итоге при достаточно развитой технике организации бизнеса доступная измерению неопределенность не создает в деловой сфере подлинной неопределенности» [Найт, 1994: 26]. Известный немецкий социолог Н. Луман, системно исследовавший риски, отмечает, что введенные Найтом еще в начале прошлого века формально-прагматические подходы к риску превратились «прямо-таки в догму» [14: 135] и, соответственно, выступает против этой догмы. В самом деле, далеко не все сложные риски (политические, экологические, медико-биологические, технологические и т. д.) можно интерпретировать формально, с помощью математического инструментария, калькулирования или выявления линейных каузальных связей. Э. Гидденс прямо заявляет, что исчисление риска «никогда не может быть полным, поскольку даже в среде с относительно ограниченным уровнем риска всегда существует возможность неожиданных и непредвиденных исходов» [3: 109]. Особенно это относится к *рукотворному риску*, который «становится более “рискованным”». Это проявляется в том, что «мы просто не знаем, каков уровень риска, и зачастую узнаем лишь тогда, когда уже слишком поздно» [4: 44, 45].

Особо отметим, что представители Франкфуртской школы одними из первых показали, что формальная рациональность не только не панацея, но она латентно, ненамеренно несет в себе *риски дегуманизации* человеческих отношений, ибо эта рациональность, по существу, направленная на совершенствование контроля над природой и людьми, оставляла в стороне *гуманную* составляющую человеческих отношений. Для франкфуртцев *не приемлемы подходы к рациональности, взятые вне гуманистического контекста*, которые годились бы для любых планомерно организованных, формально контролируемых человеческих взаимодействий. С точки зрения франкфуртцев, преследование исключительно прагматических экономических и политических целей, умалявшее духовные и культурные ценности, привело к *уязвимости* в виде *дегуманистической рациональности*. Как они считали, выбранный вектор рационализации стал реальной угрозой человеческому существованию. Вот почему в свою критическую теорию они требовали включение *духовности и гуманизма* в процесс преобразования существующего социального порядка.

В середине прошлого столетия зародились уязвимости для *самодостаточности общества*, сохраняющиеся и углубляющиеся до сих

пор. Они явились результатом рискогенной деятельности людей, связанной с разрушением ценностей и норм, попытками их произвольной замены, а также с практиками усиливавшейся эксплуатации природы. Как известно, Т. Парсонс под *самодостаточностью* понимал свойство сложной социальной системы (общества), проявляющееся не только в способности контролировать внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с «физико-органическим окружением» [17: 792]. К сожалению, в общественном, да и в научном сознании утвердилась мысль, что при всех возможных катаклизмах – революциях, радикальных социальных экспериментах, модернизациях и т. д. – подвергнутся влиянию прежде всего «старые, отживающие» ценности и социальные формы. Возможно, уйдут в историю конкретные группы и даже классы, связанные с ними институциональные структуры, но жизнеспособность самого общества никогда не ставилась под вопрос. Сегодня необходимо признать, что самодостаточность сложного социума, в частности, российского общества, которое, как считает академик М. К. Горшков, за последние двадцать лет превратилось в «*новую социальную реальность*» [5], *находится в опасности,* что связано именно с прагматической рискогенной деятельностью, *лишенной гуманистической направленности*: с одной стороны, есть угроза того, что разрывы в преемственности ценностей и норм, социокультурные травмы, в частности, связанные с постоянным переосмыслением референтов, могут привести к столь необратимым последствиям, что общество просто утратит свою способность контролировать внутренние интеграционные процессы. С другой стороны, уже очевидно, что взаимоотношения общества с природой, «физико-органическим окружением», весьма нарушено. В контексте возникшей уязвимости академик Н. Н. Моисеев вообще поставил вопрос: «Быть или не быть… человечеству?» [15].

Данные уязвимости были дополнены новыми уязвимостями, возникшими в российском обществе как ненамеренный результат радикального перехода от закрытости к открытости, что приняло формы поспешных, хаотических, рискогенных политических действий по ликвидации «железного занавеса» и падении Берлинской стены, породивших неоднозначные последствия [16]. По существу, вместо открытости как перспективы страны, целенаправленной на *гуманизацию человеческих отношений во взаимодействии россиян с народами мира,* утвердилась политика «нового мышления», инициированная М. Горбачевым, по существу, предполагавшая *неуправляемую открытость* со *специфическими рисками*. Несомненно, в концепции открытого общества, созданной К. Поппером, есть привлекательный идеал в виде условий для развития индивидуальных свобод человека [18]. Однако тогда никто не подумал не только о продуманной,

гуманной стратегии его реализации, но и об элементарных объективных и субъективных условиях для этого. Весьма скоро неуправляемая открытость стала вызывать не столько восторг по поводу реально появившихся свобод, но и социальные страхи и тревоги, связанные с приходом в нашу жизнь новых рисков, особенно внешнего характера [20]. Возникли ненамеренные последствия, побуждающие россиян делать выборы не только между разнообразными *благами*, но и поставившие их перед весьма ограниченными возможностями выбора между тем или иным *злом* в виде реальных проблем для жизнедеятельности. Дело не в простом увеличении культурных артефактов, а в рисках *неупорядоченного хаоса субкультур и контркультур*, резкого увеличения неконтролируемой эмиграции и иммиграции, появления новых форм *девиантного и криминального поведения*. Неуправляемая открытость способствует тому, что общество вбирает в себя «чужие» риски из других социумов, при этом неизбежно воспроизводятся *социальные группы риска*.

Появление ряда новых уязвимостей непосредственно связано с переходом в конце прошлого столетия от первого (индустриального) модерна ко второму (радикальному) модерну с последующим движением к постмодерну [6], что нашло конкретное выражение в становлении *общества риска*, а затем его трансформации в состояние *мирового общества риска*. Этот процесс весьма глубоко исследовал У. Бек, автор соответствующих теорий – общества риска и мирового общества риска. В работе «Общество риска», опубликованной треть века назад, он показал, взаимосвязь рисков современного общества с новыми уязвимостями для человечества, которые в самых общих чертах сводятся к следующему. В отличие от рисков прошлого специфика рисков общества риска состоит в том, что они не уходят корнями в прошлое, а, скорее, связаны с опасностями настоящего и будущего; они вошли в противоречие с ориентациями людей на индустриальные социокультурные ценности, на логику формальной рациональности, согласно которой стремление к росту благосостояния само по себе рационально; «риски не упраздняют, а усиливают классовое общество»; им «присущ эффект бумеранга, взрывающий схему классового построения общества»; прежние взаимосвязи рисков и опасностей разрушаются, ибо значительная часть рисков обретает *самостоятельную* форму существования вне связи с конкретными опасностями. И самое главное – для анализа усложняющейся природы рисков необходим более валидный инструментарий, сочетающий научную и социальную рациональности. «В дискуссиях о рисках, – отмечает он, – обнажаются трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью... Несколько изменив известное высказывание, можно утверждать: научный рационализм без социального *пуст,* со-

циальный без научного – *слеп*» [1: 34, 35]. Даже простое обозначение новых рисков свидетельствует об их усложняющейся природе, что принесло с собой новые масштабные уязвимости для человечества.

Развивая свои взгляды на усложняющуюся природу рисков, У. Бек подчеркивает, что «категория *мирового общества риска* контрастирует с той, которая обозначает *общество риска*». Это выводит мировое общество риска за пределы общества риска и «сводится к следующей формуле: глобальный риск есть *инсценирование реальности* глобального риска… только через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим – зачастую с целью избежать ее принимаются значимые решения в настоящее время. В таком случае диагноз риска превращался бы в “самоисполняющееся пророчество”» [22: 10]. Напомним, по Р. Мертону, самоисполняющееся пророчество – предрасположенность индивидов к материализации предсказаний, которая может усиливаться посредством соответствующей подготовки общественного сознания. В результате на сознательном и бессознательном уровнях люди изменяют свое поведение сообразно пророчествам, которые как бы «самоисполняются» [Merton, 1948]. В нашем случае само инсценирование мирового риска может явиться потенциальным фактором материализации будущей катастрофы. У. Бек так конкретизирует свою мысль: «Не сам террористический акт, а глобальное инсценирование акта и политические ожидания, действия и реагирования в ответ на инсценирование – вот то, что разрушает западные институты свободы и демократии. Ограничение индивидуальных свобод заметно на многих уровнях – от увеличения камер слежения до ограничений иммиграции, – что не является просто эффектами реальных катастроф (например, актов террористического насилия). Они являются результатом таких практик и *их глобализированного ожидания*» [22: 10]. В отличие от общества риска, в условиях мирового общества риска, по существу, «стираются различия между риском и культурным восприятием риска». На этой почве формируется воистину парадоксальная реальность: «Не имеет значение, живем ли мы в мире, который “объективно” более безопасен, чем тот, который был ранее – *инсценирование ожидания бедствий и катастроф обязывает нас принять превентивное действие*» [22: 11]. Еще Дж. Александер, предложивший парадигму *культуральной социологии*, показал, что инсценированные смыслы могут восприниматься даже как бóльшая реальность, чем сама объективная реальность [7]. Однако инсценированные смыслы тех или иных рисков зачастую побуждают политиков применять не всегда рациональные превентивные действия. Россияне на себе испытали последствия инсценирования риска своей «агрессивности» для Запада, что стимулировало формирование русо-

фобского общественного сознания и введение санкций. Иракцам не повезло еще больше: инсценирование риска оружия массового поражения, которое так и не было найдено, привело к таким превентивным вооруженным действиям, которые изменили судьбы миллионов далеко не в лучшую сторону, нанесли непоправимый ущерб человеческому капиталу Ирака. Сегодня мы столкнулось с тем, что мировые политические элиты, осознавая или нет потенциал возможной будущей катастрофы, занимаются инсценированием мирового риска, формируют *катастрофическое общественное сознание,* посредством чего пытаются достигнуть своих прагматических целей. За этим стоит принципиально *новая уязвимость для человечества*, основанная на *недооценке* усложняющейся природы рисков, которая, по У. Беку, сводится к трем характерным чертам: они: 1) «делокализированы» (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством); 2) «неисчисляемы» (ибо включают «гипотетические» риски, основанные на научно обобщенных гипотезах и нормативном инакомыслии); 3) «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение» или «необратимые интервенции в существование человека)» [22: 52].

Террористические риски и порождаемые ими уязвимости заставляют даже переосмыслить прежние представления о *катастрофе*, которая сама по себе пространственно, временно и социально фиксирована, имеет хорошо определяемые начало и конец. «Это *не* истина террористического риска, представляющего инсценирование и ожидание катастрофы, – пишет Бек. – Глобализация террористической угрозы, прежде всего, проявляет себя как глобализация ожидания возможных террористических атак почти по всему миру и в любое время… Мировое общество риска вынуждает нацию-государство признать, что оно не может выполнять ее же самопровозглашенное конституционное обязательство гарантировать своим гражданам то, что является высшим правовым благом – их безопасность. Единственно возможный ответ глобальному террору – равно как глобальным финансовым рискам, климатическому изменению и организованной преступности – транснациональная кооперация. Чтобы достичь ее, *фактически* утрачивающие власть нации-государства должны переступить через себя и фикцию автономности, если они намерены заслужить политические дивиденды от нового, общего суверенитета в преодолении национальных и глобальных проблем» [22: 39, 41]. В самом деле, уже сегодня необходима транснациональная кооперация мирового сообщества как государственных, так и негосударственных акторов, для противодействия организованной преступности, по существу, выступающей в космополитической форме.

В целом же, усложнение природы новых рисков, их выход за пределы пространственных и временных границ, имеет прямое отношение к необходимости выработки *стратегии гуманизации человеческих отношений в планетарном масштабе*. Без усилий в этом направлении, современное управление новыми рисками с позиций прежних прагматических подходов, представляется, в принципе невозможным и губительным для человеческой цивилизации.

Появление ряда *других по качеству* уязвимостей связано с рисками развития науки, сложной техники и технологий, что ведет к производству «*нормальных аварий*». Их квинтэссенция в том, что сложные техносоциальные системы за счет саморегуляции и сложной причинности производят ненамеренные, побочные эффекты, зачастую в виде тех или иных незапланированных дисфункциональностей, т. е. сложные системы за счет своей саморефлексии в определенной степени выходят из под контроля своего создателя. Американский социолог Ч. Перроу метафорически назвал такие уязвимости «нормальными авариями», под которыми им понимаются несчастные случаи и катастрофы, вызванные не грубыми просчетами человека, а его естественным взаимодействием со *сложными* техническими и технологическими системами, переодически дающими «нормальные» сбои: «серьезные инциденты неизбежны даже при наилучшем менеджменте и полном внимании к безопасности» [Perrow Ch., 1999: 5].

В новой книге «Следующая катастрофа: наши уязвимости в контексте природных, промышленных и террористических бедствий» Ч. Перроу показывает, что техносоциальные уязвимости продолжают усложняться: «Концентрации опасных материалов, населения и экономической мощи в нашей критической инфраструктуре делает нас более уязвимыми для природных, промышленных/технологических бедствий и террористических атак» [Perrow Ch., 2011: vii]. При этом им выделяются три основных источника уязвимостей: концентрации энергии (взрывных и токсичных веществ), концентрации населения в зонах риска и концентрации экономической и политической власти [Perrow Ch., 2011: 6–7]. Особое беспокойство ученого вызывает рост населения в экологически и технологически опасных зонах, число которых увеличивается. В них одновременно осуществляется промышленная добыча природных ископаемых и интенсифицируется развитие земледелия, рыбных хозяйств, создаются культурные объекты. При этом значительная часть населения живёт в домах, не соответствующих необходимым стандартам для опасных территорий, не имеет возможности самостоятельно эвакуироваться в случае бедствия и часто не обладает информацией о потенциальных рисках.

Подчеркнем, социолог ведет речь о потенциально возможной «системной катастрофе», а не об авариях, вызванных индивидуальной че-

ловеческой ошибкой: «Теория нормальной аварии исходит из того, – утверждает Перроу, – что, если бы мы имели системы с катастрофическим потенциалом, которые могли бы дать сбой в силу их сложности и плотной связности друг с другом, при том, что каждый индивид выполнял свои роли настолько безопасно, насколько это вообще доступно человеку, то от таких систем следовало бы отказаться. Катастрофы стали бы реже, если не неизбежны, нам не следует рисковать» [Perrow Ch., 2011: xxii].

Как считает ученый, «нормальные аварии» потенциально представляются собой *побочную дисфункциональность* сложных систем, предрасположенных к саморегуляции и саморефлексии, выходя тем самым из-под контроля человека. Вместе с тем они являются продуктом опосредованной, *рискогенной деятельности самих людей*, которую в принципе можно было бы избежать. Наконец, они могут быть результатом доминирования *стереотипов*, уходящих корнями в линейные верификации и устаревшие прагматические подходы к бедствиям и катастрофам. Так, ошибочно считается, что концентрации «реалий, делающих нас наиболее уязвимыми», являются «неизбежными или их вовсе не замечают, сосредоточивая внимание на самих бедствиях, минимизации ущерба или предотвращений катастроф… Более того, мы имеем “паническую” модель поведения, которая ошибочно лимитирует информацию, что в свою очередь порождает скептицизм со стороны общественности» [Perrow Ch., 2011: 4–5]. При этом ученый принимает во внимание и диалектику «старых» и новых уязвимостей: некоторые новые уязвимости, считает Перроу, своими корнями уходят в традиционное социальное неравенство, усиливающееся «в силу изменений в распределении доходов» [Perrow Ch., 2011: 31].

Интерес представляет и предлагаемая ученым *стратегия по минимизации «нормальных аварий»*, суть которой сводится к разработке новых подходов к управлению сложными становящимися системами. Среди мер – рассредоточение концентраций энергии, населения в зонах риска, а также экономической и политической власти; координация и кооперация служб, занимающихся проблемами безопасности. Воплощение в жизнь идей управляемой открытости с целью предотвращения террористических угроз, имея в виду «закрытие всех дыр в нашем открытом обществе» [Perrow Ch., 2011: 127]. Весьма важными Перроу считает меры по предотвращению банальных «исполнительских аварий», причина которых видится в том, что «люди не всегда делают то, что они, предполагается, должны делать… в сознании высших исполнителей присутствуют другие интересы, и их интересам могла бы угрожать эффективная культура безопасности» [Perrow Ch., 2011: 292, 291]. Однако в принципе устранить «нормальные аварии», являющиеся атрибутами сложного социума, невозможно, но их мож-

но и нужно минимизировать: «Мы не в безопасности. И никогда мы не можем быть полностью в безопасности, ибо природа, организации и террористы предвещают, что у нас будут бедствия. Давайте минимизируем их последствия посредством минимизации размера наших уязвимых целей» [Perrow Ch., 2011: 325]. Прямо скажем, не очень «радужная» стратегия в плане возможного будущего для человечества. Но очевидно – нет простых решений сложных проблем, как в принципе нет «объективных законов», гарантирующих всеобщее процветание человечества.

По нашему мнению, теория «нормальных аварий», несомненно, продуктивна для понимания усложняющейся природы рисков и порождаемых ими новых уязвимостей. Вместе с тем считаем необходимым дополнить ее четырьмя соображениями, указав на слабые места.

Первое. Данная теория акцент делает на рисках и уязвимостях сложных *техносоциальных* реалий. Нам же представляется, что эффект «нормальных аварий» следует распространить не только на научно-технологическую, но и на усложняющиеся *экологическую, экономическую и политическую сферы*, которые обретают *сетевой характер* взаимодействия. Пример тому – появление новых рисков транснациональных компаний, формирующих свои сети по всему миру. Особенно возрастают риски компаний, занимающихся развитием производства и транспортировки энергетических ресурсов, что, соответственно, порождает и новые уязвимости сложного типа в виде тяжелых нагрузок на окружающую среду как результата ненамеренных последствий развития инновационных технологий, связанных с добычей и транспортировкой огромного количества энергии и углеводородов. Современный магистральный газо- и нефтепровод представляет собой сетевой транспорт сложного типа, простирающийся в различных пространственно-страновых координатах, функционирующий во «вневременном времени» [23]. С ним появились новые сложные риски как для социума, так и природного мира. Назовем лишь некоторые группы рисков: сложные географические условия, обусловленные вечномерзлым грунтом, предрасположенным к образованию полей протаивания в местах пролегания газо- и нефтепровода; угрозы, возникающие в результате изменений и турбулентности климата; увеличивающиеся социоэкологические риски для конкретных регионов; риски, связанные с эффектом временного дисхроноза функционирования людей и техники; новые социальные напряженности, порождаемые экономическим эгоизмом и меркантилизмом транснациональных компаний; риски в виде современных террористических угроз. Наконец, особо отметим инсценированные риски новых «политических зависимостей» от поставок российских энергетических ресурсов в Европу и Азию [12].

Второе. Эффект «нормальных аварий» также следует распространить на ряд недавно возникших сложных систем, связанных с *человеческим питанием и медикализацией*, которые производят специфические риски, в свою очередь, несущие уязвимости. Возникший *глобальный агробизнес*, функционирующий благодаря использованию новейших био-, медико- и информационных технологий, внесший свой вклад в поляризацию взаимозависимого мира: Южные страны побуждают производить фрукты и овощи, предназначенные главным образом для потребителей на Севере, что, конечно, несет определенные социоэкономические приобретения, отягощенные, однако, рисками для местного сельского хозяйства – сокращается производство и потребление собственных традиционных продуктов. Но главное – под влиянием новых биотехнологий традиционные сорта пшеницы, кукурузы, риса, картофеля стали вытесняться более «эффективными» генномодифицированными культурами. Био- и медикотехнологии пришли и в животноводство, где получили распространение всевозможные стимуляторы веса и роста скота. Кроме того, погоня глобального агробизнеса за сверхприбылями диктует использование разного рода *добавок*, включая искусственно созданных, в конечный продукт. Проблема уязвимости, связанной с производством *экологически чистоты еды,* стала мировой. Риски данных процессов, естественно, не обошли стороной и Россию. На прилавках магазинов круглый год продаются «молодой» картофель, красные помидоры, яблоки без червоточинки, клубника и другие ягоды, но все знают и чувствуют, что эти продукты без аутентичного вкуса и запаха весьма рискогенны. Дифференциация еды по критерию ее *экологической чистоты* и, соответственно, степени потенциального риска стала повсеместной. Теперь колбасы, конфеты, сыр, кисломолочные продукты и т. д. «без сои» стали особо востребованными, но при этом нет никакой уверенности, что в них отсутствуют *другие* добавки. Все знают о рисках ее *потенциально возможном* дисфункциональном воздействии на человеческий организм, пищеварительную и иммунную системы. Чтобы минимизировать эти, подчеркнем, *рукотворные уязвимости*, созданные людьми буквально за последние десятилетия, ученые всего мира работают по целому ряду направлений и, в частности, над проблематикой генного контроля еды в рамках новой научной дисциплины иммунологии. (В России Институт иммунологии создан в 1983 г.) За исторически очень короткий срок, по существу, сформировалась сложная система *космополитической еды*, основанная на скоростных потоках еды, перемещающихся по всему миру. У такой еды есть *видимые достоинства* – относительная дешевизна, демократичность, повышенная востребованность в силу опоры на устоявшиеся бренды, высокая калорийность, позволяющая быстро на-

сытиться. Однако достоинствам сопутствует масса *новых уязвимостей*, за которые нужно платить уже сегодня и еще больше придется потратиться завтра, так как многие из уязвимостей зачастую отложены во времени. Не случайно, известный британский социолог Дж. Урри отмечает: «В сложной системе с такими скоростными потоками нормальные аварии становятся постоянно ожидаемыми» [24: 59]. Этим процессам способствует *глобальная система медикализации еды*, осуществляющая «надзор» за «нормальностью» питания. На первый взгляд, мы имеем очевидные, *явные* функциональности новых приобретений: экспертное мнение врачей, безусловно, способствует нашему здоровью, увеличению продолжительности жизни. Однако не обходится без сопутствующего возникновения *уязвимостей*: борьба с «нездоровым» питанием оборачивается рисками социальных и культурных травм, связанных с сокращением производства национальной, как правило, экологически чистой еды. В итоге возникли риски *культурно обусловленных болезней* – анорексия, ожирение, диабет и др. [13].

Третье. Возникли *гуманитарные уязвимости в виде «побочного ущерба»,* обусловленным выбранным вектором цивилизационного развития. Эта проблематика также выходит за рамки теории Ч. Перроу. Между тем, ряд социологов, в частности, З. Бауман уделяет ей особое внимание, что нам представляется крайне важным для системного анализа усложняющейся природы рисков. В новой книге, озаглавленной «Побочный ущерб», ученый утверждает, что если не так давно «побочные потери» относились лишь к военной сфере, то ныне в условиях «текучей современности», из-за ее структурно-функциональной сложности, они пришли в повседневную социальную жизнь. Социолог такой «побочный ущерб», в частности, усматривает в рисках «*экзистенциальной небезопасности*, сопутствующей жизни в мире “текучего модерна”». Со временем потребность в безопасности превращается в «патологическую зависимость»: «Начав однажды возводить и укреплять границы, невозможно остановиться» [21: 62, 68]. «Побочный ущерб» присутствует и в инновационных, постоянно обновляемых технических средствах сокрытия/раскрытия секретов, проявляется в разрушении приватности и интимности. «Современный кризис приватности, – заявляет З. Бауман, – сложно связан с ослаблением и закатом буквально всех межчеловеческих уз» [21: 90]. К этому добавляется появление «тотальной социальной эксклюзии»: «Андеркласс представляет не отсутствие сообщества – он есть просто *невозможность сообщества*. В конечном счете, это также означает невозможность человечности» [21: 152]. На наш взгляд, риски свертывания собственно человеческого в межчеловеческих отношениях обусловлены прежде всего характером утверждающихся

сложных систем, которые были выбраны и созданы людьми. В этих условиях *гуманитарные* «нормальные аварии» становятся системно ожидаемыми для собственно человеческих взаимодействий.

Четвертое. Стратегия преодоления рисков и уязвимостей «нормальных аварий», предлагаемая Ч. Перроу, нас удовлетворить не может. По существу, она сводит проблему управления современными сложными рисками к новым техническим и технологическим решениям. Это лишь обновление старых принципов прагматизма и формального рационализма, что ранее решало отдельные, частные вопросы, но никогда не приводило к принципиальным результатам, увеличивающим потенциал Добра в человеческих отношениях.

Мы обозначили лишь некоторые уязвимости, появление которых обусловлено становлением сложного общества и соответствующими сложными рисками. Фактически их на порядок больше, и все время появляются новые. По нашему убеждению, *управление сложными рисками и преодоление возникших для человечества уязвимостей* лежит на путях *стратегии гуманистического поворота*, квинтэссенцию которого выразим в следующих семи положениях.

1. Для анализа усложняющихся рисков и уязвимостей необходим синтез естественнонаучного, социального и *гуманитарного* знания, результатом которого явилась бы гуманистическая теория сложности, предполагающая задействование поворотов социологии к другим наукам [9, 10]. Такая интегральная теория позволила бы, с одной стороны, максимально учесть сложности социокультурной динамики, включая всевозможные риски и уязвимости, а с другой – начать поиск и утверждение *новых форм гуманизма,* касающихся человеческой экзистенциальности.

2. Стратегия гуманистического поворота предполагает переоткрытие сциентистского постулата «знание – сила», заменив его формулой *этической, гуманистически ориентированной ответственности* ученых: «интегральное знание всех наук – качественное приращение инновационных достижений во имя активной жизнедеятельности и здоровья всех людей». Разумеется, сказанное не должно ограничиваться простым декларированием, этот принцип необходимо реализовать на практике.

3. Принимая во внимание «эффект Гидденса», считаем, что необходимо «лечить» не отдельные явные и латентные проявления современной политики неолиберального толка, включая биополитику, а осуществить переход к *гуманистической* политике, имея в виду стратегическую нацеленность на *гуманизацию* социума и природы, особенно перспективы увеличения доступа к экологически чистой еде и воде.

4. Нелинейная динамика развития современного магистрального нефтепроводного транспорта, основанная на интеграционных уси-

лиях ряда стран и народов, способствует созданию особых временных коридоров для скачка в будущее с *иной основой* развития через стратегию гуманистического поворота. Для России это весьма актуально в плане перехода к новым принципам управления сложными рисками. Полагаем, сейчас страна входит в такой временной коридор, который позволяет за счет активизации потенциала самоорганизации, адекватной оценки усложняющихся рисков войти в эпицентр плодотворного гуманистического развития на глобальном уровне.

5. В рамках стратегии гуманистического поворота внедрению сколь-либо существенных инноваций должен предшествовать *тест на адаптивность* к уже существующим сложным системам. Добавление нового сложного звена к сложной системе рассматривать в контексте потенциальной возможности «нормальной аварии». Крайне важно учесть, что даже, казалось бы, малозначимые действия («эффект бабочки») по изменению производства в глобальном масштабе в условиях становящегося сложного социума способны вызвать риски, проявляющиеся нелинейно во времени и пространстве [8].

6. Стратегия гуманистического поворота принимает во внимание то, что *социум и природа, ее ресурсы становятся единым целым*, образуя *суперсложную социоэкологическую систему*, предрасположенную к «нормальным авариям». Мы дошли до такого порога сложности и взаимозависимости, когда активности в социальном и научно-техническом порождают социоприродные турбулентности. Полагаем, негативные эффекты данных реалий *можно* минимизировать *с помощью норм этики гуманистического толка,* а также перехода к *«царству человеческого разума»* (В. И. Вернадский).

7. Природа современных рисков и уязвимостей становится все более сложной. По своей сути это рукотворные риски и уязвимости, сотворенные из-за следования принципам сциентизма, формального рационализма и меркантилизма. Их нельзя ни понять, ни минимизировать с помощью прежних рационально-прагматических подходов. Стратегия гуманистического поворота исходит из того, что уже объективно создано на планете – реалии суперсложной социоэкологической системы и мирового общества риска. Однако они могут быть изменены с помощью *гуманистически ориентированной ответственности* ученых, политиков, рядовых граждан. При этом стратегия гуманистического поворота предполагает принцип *неделимости рисков, уязвимостей и безопасности для всех народов мира*.

Литература:

1. *Бек К.* Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-традиция, 2000.
2. *Вебер М.* История хозяйства. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

3. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // Альманах THESIS. – 1994. – № 5.
4. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004.
5. *Горшков М. К.* Российское общество как новая социальная реальность // Россия реформирующаяся / Ежегодник / Вып. 6. – М.: Институт социологии РАН, 2007.
6. *Кравченко С. А.* Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // Социологические исследования. – 2007. – № 9.
7. *Кравченко С. А.* Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования. – 2010. – № 5.
8. *Кравченко С. А.* Риск // Социологический толковый русско-английский словарь. – М.: МГИМО-Университет, 2013.
9. *Кравченко С. А.* Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности / Монография. – М.: МГИМО-Университет, 2012.
10. *Кравченко С. А.* Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 5.
11. *Кравченко С. А.* Становящаяся сложная социальная реальность: проблемы новых уязвимостей // Социологические исследования. – 2013. – № 5.
12. *Кравченко С. А., Салыгин В. И.* Усложняющиеся опасности и риски современного магистрального нефтепроводного транспорта // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 4 (8).
13. *Кравченко С. А.* Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической биополитики / Монография. – М.: МГИМО (У) МИД России, Институт социологии РАН, 2014.
14. *Луман Н.* Понятие риска // Альманах THESIS. – 1994. – № 5.
15. *Моисеев Н. Н.* Быть или не быть… человечеству? – М., 1999.
16. Падение Берлинской стены: до и после. Россияне о внешнеполитических процессах прошлого и настоящего / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. – М.: Весь мир, 2010.
17. *Парсонс Т.* О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002.
18. *Поппер К.* Открытое общество и его враги / В двух т. – М.: Феникс, 1992.
19. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., 2001.
20. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. – М.: Альфа-М, 2009.
21. *Bauman Z.* Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age. – Cambridge: Polity Press, 2011.
22. *Beck U.* World at Risk. – Cambridge: Polity Press, 2010.
23. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. V. I: The Rise of the Network Society.
24. *Urry J.* Mobilities. – Cambridge: Polity Press, 2008.

Раздел 2.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Социальные риски и безопасность

Взаимосвязь этих двух понятий очевидна. Социальная безопасность обеспечивается путем предупреждения или нейтрализации факторов, создающих угрозу нормальному функционированию социальной сферы.

Появление социальных рисков свидетельствует о наличии социальных угроз или их вероятном возникновении в обозримом будущем.

Как обстоит дело сегодня в российском обществе, есть ли в реальности угрозы его социальному благополучию, есть ли ситуации создающие опасность продуктивному взаимодействию социальных групп? В самом общем плане угрозу социальной безопасности создают сегодня расслоения общества на узкий круг богатых и сверхбогатых людей и преобладающую массу малообеспеченных, увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности, снижение жизненного уровня больших социальных групп, рост безработицы, неуверенность в завтрашнем дне, дегуманизация социальной реальности, социальная аномия.

По официальным данным, за чертой бедности живут 15,7 млн человек. Рост инфляции неминуемо приведет к увеличению этой цифры [1].

Разумеется, социальное самочувствие россиян определяется не только уровнем и объемом имеющихся в их распоряжении имущественных ценностей и денежных средств, но и целым набором социально-политических и культурных потребностей и интересов, удовлетворение которых значимо для индивида.

Проводимые в режиме мониторинга социологические исследования так же, как и анализ социальной статистики и экспертных оценок, позволяют выяснить реакции россиян на происходящие в обществе социальные процессы, определить весь спектр жизненно важных показателей, характеризующих социальное положение людей и степень

их общественной защищенности, выявить наличие и уровень социального недовольства, степень активности и готовность действовать определенным образом в тех или иных условиях, действовать, находясь в правовом поле или вне его.

Не так давно в газете «Завтра» была опубликована статья известного экономиста Михаила Делягина, в которой, в частности, он утверждал: «Мы уверенно идем к дестабилизации, по тому или иному сценарию, в конечном счете – к новому Майдану», и дальше: «Теперь не вызывает сомнения: уже в этом году Россия от затухающего роста перейдет в нарастающий экономический спад» [2].

По результатам мониторинговых исследований, проведенных в ходе реализации проекта «Как живешь, Россия?», получены данные, позволяющие оценить реально сложившуюся ситуацию. Первое, на что следует обратить внимание, – это уровень удовлетворения насущных интересов россиян.

«Мои интересы достаточно защищены» – ответили 19 % респондентов.

Интересны ответы на вопросы о способах защиты своих социальных интересов, к которым могут прибегнуть респонденты в случае необходимости:

«Подпишу обращение к властям» – 12 % опрошенных.

«Выйду на митинг, демонстрацию» – 13 %.

«Буду участвовать в забастовках, акциях, протестах» – 9 %.

«Ничего не буду предпринимать» – 19 %.

Как видно из приведенных данных, все возможные варианты находятся в пределах правового поля, кроме одного:

«Если надо – возьму оружие», – так ответили 12 % опрошенных [3].

Интересно сравнить эти данные с результатами исследований по Москве, проведенных сотрудниками ИСПИ РАН в декабре 2014 г. по представительной для столицы выборке.

«Мои интересы достаточно защищены», – ответили 21,9 % опрошенных.

Что готовы предпринять москвичи для защиты свих интересов?

«Обращусь в общественные и правозащитные организации» – 20,3 % опрошенных.

«Обращусь к властям, в суд, в прокуратуру, полицию» – 32 % опрошенных;

«Выйду на митинг, демонстрацию» – 6,7 %.

«Буду участвовать в забастовках, акциях, протестах» – 5,1 %.

«Готов участвовать в насильственных действиях» – 1,7 %.

«Ничего не буду делать» – 5,8 %.

Как видно, ситуация в Москве несколько отличается от ситуации в стране в целом.

Следует обратить особое внимание на причины и факторы, порождающие тревожность респондентов и вызывающих социальное недовольство. Данные выше названного проекта «Как живешь, Россия?» говорят о следующем:

1) дороговизна жизни – 45 % опрошенных;
2) повышение тарифов на услуги ЖКХ – 38 %;
3) произвол чиновников – 31 %;
4) преступность – 24 %;
5) безопасность Ваша и Ваших близких (личная безопасность) – 23 %;
6) разделение общества на богатых и бедных – 22 %;

Особого внимания требует ситуация, складывающаяся с молодежью. В первую очередь, речь идет об уровне безработицы среди молодых: он остается неизменно высоким. Особенно пагубна безработица на этапе жизненного старта молодых, когда происходит формирование мотивов к труду и профессиональных качеств и трудовых навыков. Безработица не только болезненно отражается на судьбах молодых людей, но и повышает риск стагнации качественных показателей трудового потенциала страны в целом. Сокращением доступа молодежи к средствам жизнеобеспечения и возможностям самореализации ведет к усилению риска активизации протестных настроений и проявлений [4].

Показателем социального самочувствия является также отношение россиян к власти, различным социально-политическим институтам. Так, опрошенные в рамках вышеназванного проекта, в частности, ответили, что:

доверяют Госдуме – 27 %;
1) доверяют полиции, суду и прокуратуре – 21 %;
2) доверяют политическим партиям – 19 %;
3) доверяют правительству – 49 %;
4) доверяют Совету Федерации – 38 %;
5) доверяют Президенту – 72 %.

Данные по Москве:

1) доверяют Думе – 33,7 %;
2) доверяют полиции – 26,6 %
3) доверяют суду – 34 %;
4) доверяют политическим партиям – 20,7 %;
5) доверяют правительству – 49,9 %;
6) доверяют Совету Федерации – 44,6 %;
7) доверяют Президенту – 67,6 %.

Следует особо подчеркнуть: после воссоединения Крыма с Россией уровень доверия ко всем властным структурам вырос. Вместе с тем следует заметить, что у россиян есть серьезные претензии к государ-

ству. Только 22 % опрошенных считают, что государство обеспечивает равенство всех граждан перед законом, 32 % – обеспечивает личную безопасность, 38 % – соблюдение прав человека, 48 % – социальные гарантии. Несколько лучше обстоит дело со свободой политического выбора, положительно оценили подобную возможность – 67 %, свободу слова – 63 %.

Характер претензий к власти, в частности законодательной, можно увидеть в оценках и суждениях экспертов. К примеру, точка зрения Председателя Следственного комитета А. Бастрыкина, высказанная им в выступлении на научно-практической конференции в Российской правовой академии Минюста и помещенной в Интернете: «Огромные состояния, которые наворованы и добыты преступным путем, вкладываются в имущественные активы. Восемь лет мы ходим в Госдуму и просим: давайте вернем институт конфискации. В полном объеме, как это было раньше: украл – верни наворованное. Скажите, пожалуйста, что в этом плохого?». Конечно, это свидетельствует о недостаточной эффективности борьбы с коррупцией, проводимой государством, что не может не вызвать недовольство российских граждан.

Нельзя обойти вниманием и факторы внешнего воздействия на социально-политическую ситуацию в стране. Опыт последних лет показывает, что с Соединенными Штатами и странами НАТО отработанными механизмами возмущающего воздействия на страны, выживающие у последних «особый» интерес. Об этом в частности говорят, так называемые «цветные революции», захватившие ряд стран Ближнего Востока и бывшие республики Советского союза. Спровоцированный Западом кризис на Украине также относится к этому ряду свидетельств. Провоцирование социального недовольства с помощью социальных сетей и других новейших технологий информационного воздействия на массовое сознание зачастую дает нужные для Запада результаты. Очевидно, проводя современную социальную политику, руководство страны должно иметь в виду и эти обстоятельства.

Отвечая на традиционный вопрос «Что делать?» в плане предотвращения социального недовольства и протестных настроений, следует сказать, что в настоящей по существу кризисной ситуацией стране нужны энергичные понятные людям меры по оздоровлению социальной ситуации. Причем, не только экономические. Главным направлением деятельности в этой связи является движение к утверждению социальной справедливости. В этой связи представляются необходимыми изменения в налоговой политике (в первую очередь). Следует отказаться от плоской шкалы подоходного налога и ввести прогрессивное налогообложение физических лиц, отменив налог на доходы, ниже трех прожиточных минимумов. Ввести прогрессивное налогообложение и на имущество.

Гражданскому обществу нужно быть готовым к тому, что противоречия между принципом социального государства и свободой экономического предпринимательства будет нарастать. Причем позиции первого в условиях кризиса будут, скорее всего, ослабляться.

Неолибералы продолжают линию на коммерциализацию здравоохранения, образования, науки. В том числе фундаментальной.

Необходимы срочные меры, предотвращающие подлобную перспективу. Нельзя допустить, чтобы социальная направленность в экономике пресекалась на корню. Следует учесть и негативное воздействие факторов международной обстановки и не допускать какого бы то ни было ослабления роли государства.

Об этом сегодня с тревогой пишут многие ученые и публицисты. Во всем мире признается, что «в случае форс-мажора – стихийного бедствия, недорода, экономического коллапса, войны, когда экономика переходит в мобилизационный режим, государство обязано отложить в сторону рыночные инструменты и взять в руки нерыночные, командно-административные. А разве не стала для нас режим внешних санкций таким форс-мажором? Очевидно ведь, что в экономической безопасности страны пробита существенная брешь» [5]. Очевидно, следует поддержать идею частичной национализации коммерческих банков. У банков получивших государственную поддержку следует приобрести часть акций, позволяющих государству их деятельность.

Притормозить как несвоевременные и не учитывающие социальных последствий, готовящиеся Правительством земельные реформы.

Учесть, что дальнейшая деградация АПК усугубит проблему продовольственной безопасности страны как важнейшей составляющей национальной безопасности, суверенитета и социальной устойчивости.

Борьба с коррупцией не может быть успешной без необходимого ужесточения уголовного преследования коррупционеров, без скорейшего завершения резонансных дел, затягивание которых вызывает негативные настроения в обществе и порождает сомнения в возможном успехе борьбы не только с коррупцией, но и другим правонарушениями. Пришла пора отказаться моратория на смертную казнь за особо тяжкие преступления.

Очевидно – эти и другие меры будут способствовать обеспечению социальной безопасности страны в нынешней сложной общественно-политической обстановке.

Литература:

1. *Терехова А.* В стране растет бедность – и зарплата чиновников // Независимая газета. – 2014, 26 ноября.
2. *Делягин М.* Реванш «пятой колонны» // Завтра. – 2014, май. – № 19. – С. 4.

3. *Левашов В. К., Афанасьев В. А., Волков Ю. Ю., Новоженина О. П., Шушпанова И. С.* Россия: Центр и регионы / Отв. ред. В. Н. Иванов, Н. В. Федоренко / Вып. 24. – Ростов-на-Дону, 2014. – 72 с.
4. Зубок *Ю. А.* Проблема риска в социологии молодежи. – М.: Изд-во Моск. соц.-гум. академии. – 2003. – 268 с.
5. *Старостенко Г.* Взять да поделить. Среди своих // Литературная газета. – 2015. – № 13. – С. 2.

Формирование национально-государственной идентичности России: диагностика вызовов и рисков

Одна из библейских притчей: человек попал в большую яму, и взмолился: «Господи, почему ты сделал меня таким слабым, что я не могу выбраться из этой ямы?». Господь ответил: «Но я дал тебе достаточно ума, чтобы ты не попадал в яму».

На протяжении веков главной стратегией поведения человека (общества, государства) было: просчитывать риски и не «попадать в яму». В современную эпоху, живя в обществе риска, делать это все трудней и трудней. Подвижное, неравновесное состояние современного мира, неясность многих трендов развития превращает риски в неотъемлемую составляющую едва ли не любого рода деятельности (и бездеятельности), включая обозначенную в заголовке сферу.

Анализ рисков (и шире, работа по их предотвращению) в любой из сфер деятельности имеет как общую основу, так и свою специфику, связанную с особенностями конкретной сферы. В данной статье речь пойдет главным образом об особенностях рисков в сфере формирования идентичности, роли государства в этом процессе, исходя из того, то риск – это возможность (вероятность) возникновения неблагоприятных (нежелательных) последствий деятельности в условиях повышенной опасности и вероятности неконтролируемого развития событий [1].

Как отмечает С. В. Рогачев, прогнозирование и управление рисками в качестве обязательных включает в себя:

– целеполагание, выбор наилучшей цели;
– выбор методов, механизмов и технологий (достижения цели);
– организация деятельности;
– оценка результатов [2].

В нашем случае речь может идти главным образом о первых двух составляющих. Прогнозирование и управление рисками масштабного характера немыслимо без научного осмысления их сути, причин возникновения и тенденций развития [3].

Научный подход в рамках социологии предполагает прежде всего эмпирическую интерпретацию основных понятий, выделение тех элементов (составляющих), которые доступны эмпирическому анализу. В этом плане национально-государственную идентичность можно представить в виде трех кластеров общих представлений и убеждений:

1) в виде общих принципов, убеждений, норм и ценностей, определяющих основу совместного общежития населения страны, служащих основанием политической общности граждан, источником легитимности и суверенитета государства, лояльности граждан этому государству. Нация – государство в этом кластере представлена как идеальная и духовная целостность, «воображаемое» (термин Б. Андерсона) политическое сообщество, «коллективное Мы» – определяющее вектор и задающее координаты деятельности политических акторов в настоящем и будущем.

Второй кластер общих представлений идентификации нации-государства связан с маркированием границ «Мы», определением себя через «Другого» («Они») – в чем и с кем именно мы схожи, в чем отличаемся от другого, – и выявлением через это отражение собственной самобытности, своих национальных интересов и глобальных задач развития. Маркирование границ носит в большей части символический характер и осуществляется на основе, укоренившейся в обществе культуре (политической в том числе); традиций, образцов для подражания, ценностей и норм. Для современного мира характерно тесное переплетение политических и культурных «маркеров».

Третий кластер процесса политической идентификации определяется интерпретацией прошлого и конструирование традиций. Смысл интерпретации прошлого состоит в том, чтобы с одной стороны показать историческую преемственность существующего общественного и политического строя, а с другой – оттенить уникальность нации, ее судьбы и существующих институтов. Интерпретация прошлого служит вполне определенным политическим целям: легитимации национального политического проекта, политической мобилизации и интеграции масс.

В конечном счете, национально-государственная идентификация – это выбор траектории, целей и модели развития страны, государств – друзей и соперников; понимание своего места в мире, своей миссии. На проблеме цели и моделей идентификации и сосредоточим основное внимание и, прежде всего, с аналогичных позиций конкретизируем «выбор наилучшей цели».

«Наилучший выбор» в нашем случае – это такая модель национально-государственной идентичности и с таким содержанием (смыслом), которая:

– соответствует, отражает главные тенденции мирового развития, позволит стране «вписаться» в тренды этого развития (в условиях глобализации, иного не дано);

– соответствует менталитету, традициям, чаяниям и запросам большей части граждан страны, является ясной, понятной и приемлемой для них;

– для реализации которой страна, государство, общество располагают необходимыми ресурсами.

Вариантов выбора два: в рамках концепта «нация-государство» (политическая нация, гражданская нация – Ю. Хабермас; многонародная нация – И. Ильин, Т. Тишков) и в рамках концепта политэтнической цивилизации.

Исторически «воображаемое сообщество», «коллективное Мы» России формировалась как по модели нации-государства, так и особой цивилизации. При этом имперская и национальная идентичности не только не конкурировали, но и дополняли друг друга. В разные периоды на передний план выходила то одна, то другая составляющая, что можно было наблюдать даже в короткий (по историческим меркам) постсоветский период. В настоящее время акцент сделан на цивилизационной составляющей идентификации, исходя из того, что Россия – это государство-цивилизация, подобно Китаю и Индии. Она занимает особое положение между Европой и Азией, являясь не только промежуточным географическим пространством, но и политическим, социокультурным; органичным образом соединяя в единое, новые целые элементы европейской и азиатской культуры, ценностей, политико-государственного и социального устройства. Россия – страна со своей тысячелетней историей, традициями и обычаями, образом жизни и ментальностью, заданными в том числе ее географией, природой и историей, особенностями национального характера и уклада жизни. Соответственно: Россия не может быть ни Западом, ни Востоком, копируя модели той или другой стороны. У России свой путь. Многие критики указывают, и не без оснований, что достаточной ясности, в чем заключается, состоит этот особый путь ни у политической и интеллектуальной элиты, ни тем более у населения нет. Если употреблять терминологию экономистов, то сегодня «особый путь» – это не договор граждан и власти, а, скорее, декларация о намерениях. Автор статьи, тем не менее, не склонен драматизировать ситуацию по этому поводу. Нет сегодня – может появиться завтра. Оснований утверждать, что это в принципе тупиковый путь – нет. В своё время свой путь модернизации страны нашёл Сингапур, и бук-

вально за жизнь одного поколения превратил свою страну в процветающее государство. Во всяком случае, по одному из названных выше критериев – это «наилучший выбор», многолетние, многочисленные социологические исследования (включая автора) показывают поддержку такого выбора абсолютным большинством населения страны.

Опасность, риски заключаются, скорее, в другом. При всех разногласиях специалистов относительно сущности цивилизации есть единство в том, что главный смысл понятия цивилизация – это идея независимости, самодостаточности, уникальности. Нам уже приходилось и ранее отмечать, что самое уязвимое место в этой триаде применительно к России как самобытной, особой цивилизации – это самодостаточность [4]. По многим параметрам Россия действительно самодостаточна (территория, военная мощь, интеллектуальный потенциал населения). Но можно ли говорить о самодостаточности, если экономика страны в такой мере зависит от конъюнктуры цен на внешних рынках на энергоносители? Если внешние игроки буквально в течение двух-трёх недель способны обвалить курс национальной валюты и вызвать потребительскую панику в стране? Большой вопрос.

Для того, чтобы России в полной мере возродиться как великая держава, стать одним из центром геополитического притяжения, жить и развиваться в соответствии со своей внутренней логикой, диктуемой ее историей, культурой, менталитетом, ценностями надо, прежде всего, решить немало и других внутренних проблем. Притязания на особую роль, статус великой державы требует своего материального, духовного, интеллектуального и т. д. подтверждения. Чтобы быть самостоятельным центром притяжения, надо располагать привлекательными образцами, социальными институтами и технологиями решения проблем современного общества. Как отмечают специалисты, долгое, 500-летнее доминирование в мире (с XV по XX век) западной цивилизации объясняется в первую очередь тем, что она смогла освоить и предложить миру шесть инновационных социальных концептов: конкуренция, трудовая этика, экономическое потребление, современная наука, современная медицина, правопорядок [5].

Сегодня Россия за редким исключением не располагает такого рода ноу-хау (социальными технологиями), не может продемонстрировать новые оригинальные способы решения актуальных для современного мира проблем.

Для страны, претендующей на роль самостоятельного центра силы, не мене важна и духовная составляющая. Быть центром притяжения для других стран и народов, проводить самостоятельную внешнюю политику не только почетно, но и накладно, поскольку за это нужно платить тем или иным образом. Готов ли на это идти российский народ? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Пока есть осно-

вания говорить, что российский народ готов терпеть те экономические невзгоды, которые связаны с санкциями Запада против России и неблагоприятной экономической конъюнктурой. Но по настоящему-то эти невзгоды основная масса населения еще только начинает ощущать. Что будет через пару лет, не спрогнозирует никто.

Сказанное, конечно же, не призыв «заземлиться», отказаться от высоких притязаний. Пафос статьи в другом – притязания должны быть подкреплены реальными делами, а не громогласными заявлениями о своём величии и уникальности.

Следующим по значимости вызовом формирования общероссийской идентичности являются национализм и социальное отслоение. Дело в том, что национально-государственная идентичность не является ни единственной и не обязательно доминирующей в структуре идентификационных предпочтений населения, тем более отдельных его сегментов, территорий проживания. В политическую науку прочно вошло понятие многоуровневой, многосоставной идентичности. Наряду с политической – этнокультурная, региональная, религиозная. Любая из социальных идентичностей при определённых обстоятельствах вторгается в политическую сферу, претендуя на ведущую роль. Регионы России в ряде случаев резко отличаются друг от друга по целому ряду параметров, имеющих основополагающее значение для формирования единой общероссийской идентичности: национальному составу населения, религии, уровню и образу жизни, типу социальных связей, обычаям и традициям. Немалая часть жителей национальных республик идентифицируют себя прежде всего как носителей определенного этнического начала [6]. В последние годы оживились националистические настроения и среди русского населения страны, о чем, в частности, говорят демонстрации под лозунгом «Россия – для русских». Эти лозунги находят отклик у значимого сегмента русскоязычного населения. Особую остроту национальной проблеме придает тот факт, что довольно часто национальный фактор, национальные различия пересекаются с имущественными и регионально-поселенческими.

В 90-х гг. прошлого столетия известный российский ученый, академик Т. Заславская говорила о двух Россиях, живущих фактически в различных мирах. Ныне специалисты говорят уже о «четырёх Россиях» [7]. Одна из этих «четырёх России» – это республики Северного Кавказа и юга Сибири. Здесь национальные, религиозные, социальные, имущественные различия с остальной Россией столь велики, что даже общий вектор развития этих республик резко отклонился в сторону. Обратимся по этому поводу к выводам специалистов Северокавказского государственного университета, для которых эта проблематика близка как никому другому.

«На Северном Кавказе, в результате демодернизационных процессов постсоветского времени возник глубинный социокультурный раскол на сохраняющую модернизационные устремления “русские” края и области, и все более архаизирующуюся часть региона – “национальные” республики Северного Кавказа.

Архаизация региона, ...возродила многие, казалось бы уже начавшие уходить в прошлое, социальные институты, такие, как этноклановые. Резко возросла роль религии в жизни северокавказского социума... Этничность из сферы идентичности устойчиво проникла во все сферы жизни общества, превратившись в важнейший социально-политический институт на Северном Кавказе. Произошла политизация этничности, что во многом объясняет тенденцию роста национализма на фоне снижения остроты сепаратизма» [8].

Как убедительно показал профессор В. А. Ачкасов в своём докладе «Этнополитический конфликт как конфликт идентичности» на Всероссийской научной конференции РАПН (ноябрь 2014 г., г. Москва) чрезмерное «педалирование» значимости этничных различий не только не способствует консолидации общества в целом, но и приводит к формированию замкнутых на себя групп. Конструирование на этой основе негативных идентичностей, становится реальным основанием отчуждения групп друг от друга и возникновения этнополитических конфликтов. Вполне понятно, что решение проблем «четвертой России» требует реализации целого комплекса мер, обсуждение которых (экономических, к примеру) далеко выходит за рамки данной статьи, за исключением мер одного рода, связанного с разработкой и реализацией культурной политики.

Как, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечает Глава Республики Дагестан Рамазан Абдулатипов, «в нынешних условиях состояние культуры страны и культурной идентичности граждан – это еще и вопрос суверенитета России как государства, нации». И одновременно он же отмечает разрыхление общего культурного пространства страны, ослабление русского культурного кода, работы по культурно интеграции регионов и народов страны, что приводит к неопределённости культурной идентичности граждан и ослаблению культурного суверенитета государства [9].

Второй проблемный момент касается того, что такое русский культурный код. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Президентом в декабре 2012 г. употребляется другой термин «российская культура». Чрезмерное акцентирование русского начала в культуре страны (даже если к русским относить человека любой национальности, считающего себя таковым, говорящим и думающим на русском языке) как это записано в Декларации XVIII Всемирного рус-

ского собора – может вызвать негативную реакцию у представителей других народов. Особенно если подчеркивается исключительно связь этой культуры с православным христианством.

Следует исходить из того, что в идеале русская культура такой является, скорее, по форме, языку. В своём содержании она отражает многовековой опыт сотворчества всех народов страны. Немало подтверждений этому прозвучало на X Международном мусульманском форуме (Москва, 10–12 декабря 2014 г.), на котором представители различных конфессий продемонстрировали общность подходов к укреплению независимости России, взаимодействию культур и формированию национально-государственной идентичности страны. Это, конечно, не означает, что проблему взаимоотношения культур и конфессий народов России можно снять с повестки дня и не учитывать их разнонаправленное, в ряде случаев, воздействия на формирование общероссийской идентичности. Эта проблема стоит не только перед Россией, но даже таким унитарным государством, как Франция, равно, как и многими другими государствами мира [10].

Большое негативное воздействие на формирование общероссийской идентичности оказывает чрезмерное имущественное расслоение. По официальным данным Росстата, доходы 10 % самых бедных и самых богатых россиян разнятся в 15–16 раз. По неофициальным данным, – в 25–30 раз. Для сравнения: в скандинавских странах разница составляет 3–4 раза, в Великобритании – 6–7 раз. Вот как в своё время комментировали эту ситуацию специалисты Института социологии РАН: «Во многих европейских странах, если подобная цифра зашкаливает за отметку «8», собирается чрезвычайная сессия парламента и обсуждает, как сблизить края «зияющей раны» и притушить назревающий социальный конфликт. В России все спокойны... Для наших политиков ничего экстраординарного в таких цифрах нет. Почему? А потому, что взрыв действительно не происходит. Дело в том, что каждая социальная страта российского общества научилась жить своей внутренней жизнью, не обращая на остальных внимания» [11]. Но если каждая страта живет сама по себе, не обращая внимания на других, о каком ощущении себя частью целого единого общества и государства может идти речь? В подготовленном позже докладе специалисты этого института отмечают, что нынешняя система представляется большинству несправедливой, поскольку не обеспечивает социальные права граждан, заявленные в конституции, допускает возможность чрезмерного уровня неравенства, доходов между богатыми и бедными; не обеспечивает реально равных стартовых возможностей, что ведёт к утрате чувства личной связи с государством, нарастанию отчуждения, атомизации российского общества, размывает важнейшие консолидирующее, консенсусное для всех слоев и

групп начало – справедливость и восприятие государства как общего дела [12].

В заключение следует особо подчеркнуть, что разрывы материального и социального положения формируют отличающиеся образы и стили жизни, что согласно новейшим разработкам теории социологии жизни (в трактовке ряда авторов «Социологии повседневной жизни») является решающим фактором консолидации групп, общин и общества в целом, формирования атмосферы доверия, соучастия и солидарности, т. е. того, что составляет сущность «коллективного Мы» [13]. В конечном счёте, эти разрывы и сформировали «четыре России», о которых упоминалось выше со всеми вытекающими отсюда рисками и угрозами национально-государственной идентичности. Последний из наиболее значимых вызовов российской национально-государственной идентичности связан с глобализацией. Сегодня уже никого не надо убеждать, что глобализация несет для любой страны как риски и угрозы, так и открывает новые возможности. В ракурсе задач данной статьи глобализация и связанная с ней открытость миру позволяет стране включиться в процесс формирования глобальной этики, освоения культурных и иных достижений других стран и народов и т. д.

Одновременно новые коммуникационные технологии, преодолевающие национальные границы, открывают возможности целенаправленного воздействия на процессы национально-государственной идентичности и переформатирования в желательном для иностранного актора направлении. И что еще более важно в интересующем нас плане: доступность продуктов материальной и духовной культуры других стран (прежде всего западных) достаточно широким слоям населения, контакты и общение не только удовлетворяют определённые потребности населения, но и формируют в значительной мере соответствующее отношение к миру, ценностям и образу жизни [14]. Лидер КПРФ Г. Зюганов назвал недавно россиян «нацией победителей». Ему возразили: Зюганов не заметил, как нация победителей превратилась в нацию потребителей. И определённые основания для такого рода возражений имеются. Влияние Запада на формирование потребительских настроений россиян очевидно. А это, пусть и не всегда прямым образом, влияет на формирование идентичности россиян.

Заключая, нельзя не отметить: диагностика – это только первый шаг в решении проблем управления и предотвращения рисков. Нужна политическая воля, чтобы перейти от диагностики, анализа к конкретным действиям. Разве после 80-х гг. прошлого столетия у кого-то в России были сомнения, что сидеть на нефтедолларах рискованно и опасно, но продолжали сидеть, пока еще раз не грянул настоящий гром.

Литература:

1. Словарь безопасности России. – М., 2011.
2. *Рогачев С. В.* Выбор альтернатив: риски и мифы. – М., 2012. – С. 8.
3. *Осипов Г. В.* Научное управление обществом как основа стратегии достижения национальной безопасности и предотвращения рисков // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – М., 2014.
4. Политическая идентификация России: состояние, проблемы, перспективы. – М., 2010. – С. 6–11.
5. *Fergusson W.* Civilization: The West and the Rest. – N. Y., 2011.
6. *Жаде З. А., Куква Е. С., Ляушева С. А., Шадже А. Ю.* Российская идентичность на Северном Кавказе. – М.: Социально-гуманитарные знания; – Майкоп: ООО «Качество», 2010. – 247 с.
7. *Зубаревич Н.* Четыре России (электронный ресурс) // Ведомости (Vedomosti) // http://www. vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii?full#cut [дата обращения: 8 апреля 2013 г.].
8. Российская цивилизация: в поиске новой идентичности / Коллективная монография. – Ставрополь, 2014. С. 69–70.
9. *Абдулатипов Р.* Культурный код многонациональной России // Независимая газета. – 2014, 19 декабря.
10. *Тишков В. А.* Культурное и языковое разнообразие современных наций // Политические исследования. – 2012. – № 5.
11. Свобода, равенство, братство: социологический портрет современной России. – М., 2007. – С. 12.
12. *Горшков М. К., Тихонова Н. Е.* Мечты россиян и реальность демоскопии // Политические исследования. – 2013. – № 5.
13. *Штомка П.* Доверие – основа общества. – М., 2014. – С. 38.
14. См., например: *Ратников В. П.* Некоторые проблемы кроскультурных номинаций в эпоху глобализации // Вопросы национальной идентичности в контексте глобализации. – М., 2014.

Евразийская интеграция: социальные риски России

Сегодня научно-экспертным сообществом признается стратегическая значимость формирования ЕАЭС для России, заключающаяся, прежде всего, в укреплении связей с традиционными партнерами в новом формате, создании условий для эффективного противостояния, неизбежно возникающим в современных динамично раз-

вивающихся геополитических процессах, внешним угрозам, способным расколоть страну и разрушить её экономику, в повышении благосостояния граждан, конкурентоспособности экономики страны.

Как любой социально-экономический процесс, евразийская интеграция обладает своим потенциалом возможностей и рисков, от использования или преодоления которых зависит во многом будущее Союза. Важно понимать какие риски могут перерасти в угрозы, какие имеют объективный характер, а какие субъективный и что можно предпринять для того, чтобы их минимизировать. Успешное разрешение противоречий, неизбежно возникающих в таких сложных процессах, как интеграция, создаст в РФ устойчивую социальную базу евразийского интеграционного объединения, станет залогом поддержки формирования единого рынка труда, и социальной стабильности в стране, может способствовать преодолению сепаратизма национально ориентированной элиты России.

Одним из наиболее значимых рисков евразийской интеграции является снижение уровня жизни людей. Отметим, что уровень ожиданий россиян от евразийской интеграции очень высок[4]. 51 % опрошенных полагают, что создание ЕАЭС приведет к позитивным изменениям в их жизни, при 21 % затруднившихся.

Соответствие этим представлениям накладывает особую ответственность на правящую элиту страны. Обманутые ожидания, разочарования – путь к снижению доверия к власти, к апатии, конфронтации, социальному недовольству и напряжению в обществе.

К сожалению, старт Евразийского экономического союза совпал с кризисом на Украине и падением цен на нефть. По мнению ряда экспертов, «принудительное втягивание Украины в ассоциацию с ЕС – это ответ Вашингтона на евразийские интеграционные процессы». А экономические санкции в отношении России «направлены на развал евразийской интеграции» [2], поскольку новое интеграционное объединение знаменует собой изменение мировой архитектуры. В замедлении или остановке процесса евразийской интеграции, получения козырей для давления на действия В. В. Путина вплоть до его отставки заинтересованы США, в затруднении постсоветской интеграции с опорой на Россию, блокировки ЕАЭС – ЕС [1: 26–27] .

Следствием падения цен на сырьевые товары, девальвации рубля, украинского конфликта и санкций стало замедление развития экономики России. По данным Минэкономразвития, рост ВВП страны в 2014 г. составил 0,5–0,6 % [7]. В результате в 2014 г. реальные распо-

[4] Опрос проведен в апреле 2014 г. по городской репрезентативной выборке России (по городам с населением свыше 100 тыс. человек в восьми федеральных округах, 69 субъектах РФ, 138 населенных пунктах). Опрошены 1 тыс. человек в возрасте от 18 лет.

лагаемые денежные доходы населения, как свидетельствуют данные Росстата, впервые за все 2000-е гг. снизились на 1 %. По оценке Института стратегического анализа ФБК, в декабре 2014 г. реальные располагаемые денежные доходы населения (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на инфляцию) упали уже на 7,3 % (в ноябре 2014 г. было 4,7 % в годовом выражении) [8].

По прогнозам российских экономистов, в 2015 г. рост ВВП России составит 3 %, начиная с 2016 г. возможен его незначительный рост. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) прогнозирует падение российской экономики в 2015 г. на 5 % [7]. В целом, по итогам 2015 г., реальные располагаемые денежные доходы населения в соответствии с последним прогнозом Минэкономразвития снизятся на 6,3 %. По оценке ИСА ФБК, это падение составит более чем на 10 %, а за последующие четыре года кризис обернётся для россиян падением уровня их жизни примерно в два раза [8]. Это может снизить поддержку населением интеграционных процессов, привести к социальной разобщенности российского социума и населения стран – членов ЕАЭС. Социально неудовлетворенные слои и группы могут стать носителями угрозы стабильности и безопасности, а ущемленные, не включенные группы – питательной средой для экстремизма, этнических и религиозных конфликтов.

Опасения снижения уровня жизни россиян связаны также с тем, что страны, входящие и собирающиеся войти в Евразийский экономический союз, сильно отличаются друг от друга экономическим, военно-политическим, демографическим потенциалом, государственным устройством, уровнем развития и сохраняющимися между ними не сбалансированными торговыми отношениями, что само по себе говорит о сложности выстраивания в этом интеграционном объединении подлинно равноправного сотрудничества и реализуемости задачи создания евразийского единства. Вхождение каждого государства в состав ЕАЭС связано с финансовыми затратами России. Так, в соответствии с российско-армянским соглашением о техническом содействии Москвы в ходе интеграции Армении в ЕЭС, она получает от России 47 млн долл. и 130 млн руб. на реализацию «дорожной карты» по вступлению в Союз [11] По информации заместителя Министра финансов РФ С. Д. Шаталова, представленной журналистам на встрече в апреле 2014 г. новые подходы в рамках ЕАЭС к нефтегазовым ресурсам могут привести к потере Россией до 33 млрд долл. США.

Директор Института экономики, член-корр. РАН Р. С. Гринберг считает, что «исторически решение задачи по налаживанию интеграции на постсоветском пространстве крайне осложнено, что превращает интеграцию для России в затратный и длительный процесс. Но другого выбора нет. Если исходить из того, что чисто экономические

аспекты интеграции при определенных условиях перспективны, то здесь нет никакой альтернативы российской щедрости. Москва не должна быть скрягой и бороться за каждый рубль или доллар в своих действиях, газовых или негазовых войнах. Если Россия действительно хочет консолидировать постсоветское пространство, то у нее нет никакого выбора, кроме как платить за интеграцию. В краткосрочном плане – это потери, в долгосрочном – однозначный выигрыш для всех, в том числе и для России» [3]. Ему вторят национальные эксперты стран – членов ЕАЭС [10].

Но есть и другие мнения. По расчетам С. Ю. Глазьева, представленным для ежегодного доклада Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации за 2014 г., все страны будут иметь выигрыш. Наибольший суммарный интеграционный эффект, по его оценке, будет иметь экономика Беларуси, чей ВВП вырастет в 3,2 раза, по сравнению с ростом в 1,7 раза в сценарии отсутствия интеграции. Суммарный выигрыш Казахстана в 2011–2030 гг. составит более 120 млрд долл. в ценах 2011 г. Россия к 2030 г. обеспечит дополнительный прирост ВВП чуть менее 500 млрд долл. в ценах 2011 г. По его мнению, дополнительный прирост ВВП формируется не только за счет прямых эффектов, связанных с расширением кооперационных связей. Не менее важное значение приобретает постепенная гармонизация технологической базы, формирование единых требований к эффективности производства. Кроме того, им учитывались дополнительные эффекты, связанные с перераспределением доходов в рамках кооперационных связей, перетоком финансовых ресурсов.

Следовательно, необходим взвешанный подход России к построению сценария развития евразийской интеграции, постоянный контроль влияния происходящих процессов на уровень жизни россиян. В противном случае интеграционные процессы будут встречать сопротивление населения страны, могут стать причиной дезинтеграционных устремлений.

Одной из приоритетных целей евразийской интеграции является «стремление к формированию единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза» [5], что активизирует миграционные процессы в пределах нового интеграционного пространства, скажется на повседневной жизни всех поселений, особенно крупных городов, концентрирующих в себе важнейшие финансовые, экономические, политические и социальные функции. Следует отметить, что свобода движения рабочей силы в ЕАЭС открывает дополнительные возможности для человека, работодателей, посылающих и принимающих обществ.

Но есть риски, возможны негативные последствия. Как показывает наш анализ, вектор миграции, связанной с переездом на постоян-

ное место жительство и трудовой миграции направлен сегодня и, по прогнозам экспертов, несмотря на экономические сложности, будет направлен из всех государств – членов ЕАЭС в Россию. Однако 32,0 % респондентов[5] не поддерживают или, скорее, не поддерживают трудовую миграцию внутри Евразийского союза. Практически треть полагает, что межэтнические отношения, сложившиеся в районе их проживания между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза, можно охарактеризовать как напряженные или враждебные. Респонденты полагают, что привлечение значительного числа трудовых мигрантов ведет к усложнению этнокультурной и этносоциальной дисперсности, создает угрозу безопасности регионов и миграция является причиной роста преступности в стране, межнациональной напряженности. Они опасаются вытеснения местных жителей с престижных рабочих мест, роста социальной напряженности. Отметим, что ответы на эти вопросы имеют больший негативизм среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга, принимающих подавляющее большинство мигрантов.

Таблица 2

ОТВЕТЫ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОСЫ, в % от числа опрошенных

	Всего	Москва	С.-Петербург
Поддерживаете ли Вы трудовую миграцию в рамках ЕАЭС?			
Да + скорее да	53	50	33
Нет + скорее нет	32	43	46
Затрудняюсь ответить	14	7	21
Как Вы можете охарактеризовать межэтнические отношения, сложившиеся в районе Вашего постоянного проживания между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза?			
Дружеские + мирные	61	46	44
Напряженные + враждебные	29	47	45
Затрудняюсь ответить	10	7	11

[5] Опрос проведен ИСПИ РАН в феврале 2015 г. по городской репрезентативной выборке России (по городам с населением свыше 100 тыс. человек в восьми федеральных округах, 69 субъектах РФ, 138 населенных пунктах). Опрошены 1,5 тыс. человек в возрасте от 18 лет.

Объяснить это можно тем, что при всей общности исторических корней, население стран – членов ЕАЭС обладает значительными особенностями в культуре, повседневных практиках, менталите. Перемещение мигрантов в пределах нового интеграционного сообщества связано с преодолением ими состояния культурного шока, восстановлением разрушенных устойчивых бессознательных сценариев поведения и реагирования, формированием новой идентичности, приемлемой как них, так и принимающего общества. А большинство россиян ориентированы на односторонность аккультурации, ожидают «подстраивания» мигрантов к культуре принимающего общества. При этом далеко не всегда в этих рассуждениях делается акцент на этничности. Речь идет о несовпадении норм поведения старых и новых россиян, их желании навязать мигрантам свои социокультурные практики, включая ношение одежды, использование слэнга, питание, организацию досуга, нравственные нормы. Отклонения от нормативного поведения воспринимаются как угроза личной безопасности, становятся маркером деления людей на своих и чужих. Минимизация этих рисков связана с созданием социально-экономических и культурных условий адаптации приезжих, системы формирования позитивного мнения вокруг идеи интеграции, этнокомплементарных отношений в российском социуме, толерантности в отношениях различных групп населения.

Риски принимающего общества могут быть связаны и с ростом спроса на рабочие места; увеличением конкуренции рабочей силы в отдельных регионах; появлением социальной напряженности в борьбе за рабочие места в наиболее благоприятных (с позиции оплаты труда) регионах; увеличением социальной нагрузки на бюджеты принимающих регионов; ростом ксенофобии, этнокультурных противоречий, межэтнических противостояний; националистических проявлений; правонарушений; с усилением давления на власть противников либерализации миграционных процессов и противников интеграционных процессов.

Снятие этого напряжения возможно за счет построения институционального баланса, обеспечивающего представительство интересов всех заинтересованных социальных и политических слоев государств – членов ЕАЭС, гармонизации национальных правовых норм, административных актов, уточнения и согласования норм, государственных и общественных институтов стран – участниц Союза, обеспечивающих непрерывный процесс свободы движения рабочей силы; эффективное использование труда; выработку механизмов использования рабочей силы, знаний, квалификации и способностей в трудовом процессе, социальную защиту всех участников трудового процесса. Внутренняя социальная и миграционная политики России,

реализуемые в рамках евразийских компетенций, призваны активно и динамично реагировать на новые условия движения рабочей силы, изменение трудовых отношений.

Ответственность за создание условий для формирования единого рынка труда, социальную безопасность несут также региональные и городские: власть, бизнес, неправительственные организации, гражданское общество. Инструментами обеспечения безопасности выступает разумное выстраивание миграционной и социальной политик.

На региональном уровне предстоит развивать механизмы саморегулирования в области трудовой миграции, которые включают в себя: формирование сети рекрутинговых агентств для поиска работы, трудоустройства, обеспечения информацией по социальной защите, консультаций по законодательству для трудовых мигрантов; создание общей информационной базы по вопросам занятости населения и вакансий рабочих мест в РФ, сети социальных центров для поддержки трудовых мигрантов и их правовой защиты, развитие общественных объединений самих мигрантов и т. п.

Сегодня одной проблем формирования единого рынка труда ЕАЭС в России, которая может создать социальное напряжение в обществе и решаемой, прежде всего, на региональном уровне, является неразвитость социальной инфраструктуры: системы арендного жилья, нехватка детских садов, слабое развитие легальной системы доступных социальных услуг. А значит, необходимо планомерно решать и эту задачу.

Следует особо отметить, что формирование единого экономического пространства может привести к появлению новых нетрадиционных угроз безопасности России в связи с открытием границ, особенно центральноазиатских. В Россию может увеличиться приток афганских наркотиков, могут возникнуть дополнительные проблемы с нелегальной миграцией и с распространением трансграничных криминальных и террористических сетей, с проникновением на продовольственный рынок некачественных товаров, что станет угрозой здоровью населения. В этой связи приобретают особую значимость совместные действия по охране границ ЕАЭС, согласование пограничной политики и правовой базы ЕАЭС о едином порядке экспортного контроля государств – членов ЕАЭС, унификация национальных норм экспортного контроля, оценки качества и безопасности товаров, продуктов для их проведения на внешней границе ЕАЭС. Нужны: гармонизация систем администрирования и уголовной ответственности за совершение правонарушений в сферах, переданных для регулирования на наднациональном уровне, формирование правового механизма сбора, обработки и обмена статистикой о взаимной торговле, выработка эффективных механизмов информационных связей, сов-

местные действия по противодействию терроризму, экстремизму, организованной преступности, незаконной миграции, распространению наркотиков, другим вызовам и угрозам на внешних границах ЕАЭС.

Здесь очень полезным может оказаться опыт строительства ЕС. Он дает возможность учесть при выработке совместных действий государств – членов ЕАЭС наиболее удачные/неудачные практики. В Европейском союзе наряду с общей политикой по регулированию различных аспектов экономической деятельности, составным элементом компетенции союза является миграционная политика, политика обеспечения занятости и политика в социальной сфере. Миграционная политика изначально обслуживает единый рынок. Она представляет собой систему институциональных и политических рамок, в которых ключевая роль отводится совместной охране общественной границы ЕС. При этом Европейский союз прошёл долгий путь от сотрудничества на межправительственной основе к более тесному взаимодействию на наднациональном уровне по проблемам допуска и пребывания на его территории, установления одинаковых правил въезда, выезда, выдворения иммигрантов, их передвижения [4: 9].

Необходима единая для всех стран программа медийной поддержки проекта евразийской интеграции, которая может включать информацию о преимуществах интеграции для людей, подкрепленную реальными действиями; позитивной информацией о соседях по союзу, на основе использования современных методов и инструментов информационного продвижения идей: социальных сетей, экспертного сообщества, образования и т. п.

ЕАЭС нуждается в поддержке СМИ, научно-экспертного сообщества и общества в целом. К сожалению, уровень поддержки евразийской интеграции в 2014 г. по сравнению с 2013 г. снизился в Кыргызстане на 17 %, в Армении – на 3 % [6].

Одним из условий предотвращения социальных угроз, успешной интеграции является развитие общекультурного информационного пространства. Важно не торопиться, решать проблемы на основе научно обоснованной стратегии евразийской интеграции, используя общественно-одобряемые подходы и методы социально-экономической политики.

Литература:

1. *Агеев А., Логинов Е.* Новая большая война: хроники хорошо забытого будущего // Экономические стратегии. – 2014. – № 6–7. – С. 16–34.
2. *Глазьев С. Ю.* Санкции направлены на развал евразийской интеграции // http://www.ati.su/Media/Article.aspx?HeadingID=5&ID=3898] [дата обращения: 6 апреля 2015 г.].

3. *Гринберг Р. С.* Формирование Евразийского союза: шансы и риски // Аналитический вестник. – № 6 (524); О роли Российской Федерации в евразийском интеграционном процессе: перспективы развитии и углубления экономической интеграции. 350-е заседание Совета Федерации ФС РФ, 26 марта 2014 г. – С.18–30.
4. *Даргель В.* Наднациональная составляющая в иммиграционной политике Евросоюза // Власть. – 2011. – № 12. – С. 154–158.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе» (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 10 октября 2014 г., с изм. от 23 декабря 2014 г.) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ [дата обращения: 3 марта 2015 г.].
6. Интеграционный барометр-2014 // http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/integration_barometer/index.php?id_16=32343] [дата обращения: 22 апреля 2015 г.].
7. Минэкономразвития о ВВП России // http://www.interfax.ru/business/417686. – М., 2015, 19 января. INTERFAX.RU [дата обращения: 2 апреля 2015 г.].
8. *Николаев И.* Как упадет уровень жизни. – 2015, 3 февраля // http://www.echo.msk.ru/blog/nikolaev_i/1485840-echo/] [дата обращения: 16 апреля 2015 г.].
9. *Потемкина О.* Иммиграционная политика ЕС: от Амстердама до Лиссабона // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 4. – С.42–51.
10. Россия должна платить за интеграцию. В Казахстане против единой валюты // http://www.regnum.ru/news/polit/1917297.html [дата обращения: 22 апреля 2015 г.].
11. Экономика сегодня. – 2015, 26 марта // http://rueconomics.ru/47584-za-vstuplenie-v-eaes-armeniya-poluchit-47-mln-dollarov [дата обращения: 10 апреля 2015 г.].

Доверие в механизме социальной регуляции рисков в изменяющейся социальной реальности

Глобальные изменения, ознаменовавшие конец XX века, поставили мир перед лицом новой социальной реальности. Ее отличительной чертой является ускорение общественной жизни, сопровождающееся растущей неопределенностью во всех ее сферах. Неопределенность новой реальности проявляется в нестабильности среды обитания современного человека и отражается в его сознании как состояние перманентного риска. То есть риск становится общим основанием социальной реальности.

В свою очередь изменяющаяся реальность отражается в механизме социальной регуляции рисков, повышая влияние личностного фактора. В этой связи возрастает роль доверия, понимаемого в его сугубо рациональном смысле, как расчет, рациональный выбор, надежность, предсказуемость (П. Штомпка). Рассмотрим, как реализуется социально регуляционная функция доверия в данном механизме.

Большинство исследователей сходится во взгляде, что риск – это форма деятельности в условиях неопределенности, при наличии возможности оценить вероятность ее результата [1][6]. Но риск проявляется не только в деятельности, а является характеристикой состояния среды обитания. И возникает он не в условиях неопределенности, а в состоянии перехода от ситуации неопределенности к ситуации определенности (и наоборот). Поэтому риск проявляется в двух формах – объективной (средовой) и субъективной (деятельностной). Объективный риск выступает в качестве условия среды обитания индивидов и групп, формирующегося вне их деятельностного участия. Он проявляется как возможность (вероятность) возникновения неблагоприятной ситуации или нежелательных последствий изменения окружающей среды. Субъективный (деятельностный) риск реализуется в самой деятельности, когда появляется обоснованная возможность выбора при оценке вероятности достижения предполагаемого результата, с учетом действующих морально-этических норм [2].

Обе формы риска непосредственно связаны с трансформацией среды обитания современного человека. Среда, понимаемая в широком плане как окружение, условия бытия человека, подразделяется на естественную – совокупность всех природных и общественных условий конкретного места его проживания, и искусственную – созданный им материальный мир, образующий социокультурную, техногенную, информационную, экономическую инфраструктуры (субсредовые локусы[7]). Неконтролируемые последствия изменения и развития этих условий способствуют повышению неопределенности и возникновению рисков. К ним относятся: риск экологической (инвайронментальной) катастрофы, вызванный вмешательством человека в природу; все виды рисков, связанных с негативными последствиями научно-технического развития, а также с развитием глобальных информационных систем; риски, являющиеся следствием изменения и разрушения социокультурной среды жизнедеятельности человека;

[6] Многие исследователи ссылаются на определение риска, данное А. Альгиным в его работе «Риск и его роль в общественной жизни». – М.: Мысль, 1989. – С. 19.

[7] Под локусом понимается место в среде обитания человека, определяющее особенности условий его жизнедеятельности, связанные со спецификой природной, техногенной, социокультурной среды.

риски, возникающие в коммерческой, производственно-хозяйственной деятельности.

Главным их фактором становится не столько внешняя угроза, сколько сам человек, последствия его производственной, коммерческой и хозяйственной деятельности, варварского отношения к природе, к памятникам истории и культуры. Подобные риски приобрели глобальный, общепланетарный характер, затронув жизненные интересы всех людей, определяя состояние и тенденции изменения объективной действительности. Поэтому в развитии теории риска важны разработки, связанные не только с оценкой его стоимостного значения, вероятности возникновения и минимизации, но и социокультурных особенностей отношения к риску среди различных групп населения.

При появлении угрозы люди по-разному относятся к возникающему риску. Они могут игнорировать его, испытывать панические настроения, пытаться минимизировать его последствия, но нередко стремятся оптимизировать свое поведение в условиях риска. Различия связаны с тем, что в ситуации риска индивиды не являются свободными акторами, способными осуществлять рациональные действия. Они ограничены множеством неустойчивых переменных (отсутствием необходимой информации, средой риска, институциональными принуждениями, предрассудками и т. д.). Выбор той или иной модели поведения каждым, вовлеченным в ситуацию риска, носит вероятностный характер. На оценку вероятности влияет отношение к риску (приемлемость риска), которое зависит от личностных качеств людей, вовлеченных в ситуацию риска, а также от степени информированности о его источниках и возможных последствиях.

Проследив эволюцию понятия «риск», М. Дуглас одной из первых обратила внимание на неадекватность традиционных исследований риска, которые «игнорируют этические и моральные издержки несоблюдения равенства и справедливости» [3], обосновав особенности социокультурного подхода в современной рискологии. Его суть сводится к следующему положению: риск социально конструируем, а значит, его оценка не свободна от ценностей. Развивая данный подход, А. Вилдавский и К. Дэйк, систематизировали несколько теорий восприятия риска. В центре первой из них находится знание о риске и осознание опасности. То есть степень совпадения знания и осознания риска. Вторая теория указывает на то, что отношение к риску (стремление избежать или принять его) является атрибутивной характеристикой личности, а значит, главным выступает связь между структурой личности и отношением к риску. В-третьих, в обусловленности рисков ведущее место занимает борьба интересов и, поэтому, восприятие риска приобретает гендерные, возрастные и социально-классовые характеристики [4]. Следовательно, социокультурный подход состоит в рас-

крытии противоречия между социальной природой риска и культурными особенностями его восприятия, что способствует повышению эффективности механизма социальной регуляции рисков.

Неконтролируемое развитие природных, техногенных, информационных, экономических, социокультурных систем отражается в изменении социальной действительности (среды обитания), в виде средовых рисков, которые, рефлектируясь в процессе конструирования социальной реальности, приобретают форму деятельностных рисков. Таким образом, риски становятся фактором изменения социальной реальности.

По определению А. Шюца, под термином «социальная реальность» понимается «вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций» [5]. Следовательно, социология рассматривает как объективные условия социальной действительности (среды обитания человека), так и их отражение в индивидуальном и групповом сознании. Человек непосредственно воспринимает ту часть объективной действительности, о которой располагает собственными знаниями. Применительно к исследуемой проблеме, это знания о состоянии природной, техногенной, информационной, экономической, социокультурной среды, т. е. о специфике субсредовых локусов. Благодаря знанию о той или иной их стороне, возникает более или менее адекватное субъективное представление о различных объектах реальности. Изучение объективной реальности – условий среды обитания, позволяет рассматривать ее как источник познания природы возникающих рисков.

Познавая мир, человек преобразует его, формируя для себя все новую реальность. Реальными становятся те объекты, которые осознаны человеком как пространство собственной жизнедеятельности. В качестве таких социальных пространств выступают условия и отношения людей, связанные с природной, техногенной, социокультурной, экономической средой обитания. Формирующаяся таким образом субъективная реальность предполагает определенное отношение со стороны субъекта к объектам среды обитания. Причем, это отношение актуализируется в ситуации риска. Иначе говоря, объекты реальности осознаются различными группами населения в качестве реальной угрозы их жизнедеятельности. Таким образом, риск способствует актуализации тех сторон социальной реальности, которые определяют направленность жизнедеятельности человека в конкретных условиях места и времени.

Субъективное отношение к объектам осуществляется в сравнении (оценке) свойств объекта, опосредованных сознанием других людей.

Благодаря этому происходит оценка значимости объекта и степени его рискогенности, которая складывается из понимания его природы (базовый аспект отношения) и представлений о его связи с конкретными условиями жизнедеятельности (социально-ситуационный аспект). Оба аспекта взаимосвязаны и результируются в форме образа объекта.

Образное познание реальности предполагает особую форму отношения к ее объектам. «Образ – это рациональное и эмоциональное впечатление о предметах, персонажах, событиях и явлениях материального и духовного мира на основе обозначаемого устойчивого смысла (идеи). Образ вне смысла рассыпается» [6]. Раскрывая для себя смысл, содержащийся в образе природы, техники, информационных систем, объектов экономики и культуры, субъект формирует собственное отношение к ним. Итак, понятие «образ» рассматривается в качестве эмпирического референта изучаемого феномена «отношение».

Прогнозирование рисков (на научной основе или в обыденной жизни) осуществляется путем оценки вероятности изменения базовых и социально-ситуационных характеристик рассматриваемых объектов социальной реальности (субсредовых локусов). При этом не менее важным показателем является оценка возможного отношения людей к этим изменениям, т. е. к прогнозируемым рискам. Отношение к рискам выражается в ожиданиях соответствия конструируемого образа субсредовых локусов их реальному состоянию. Ожидания (экспектации) проявляются в доверии или недоверии не только к прогнозируемому риску, но и к объектам социальной реальности (среды обитания). Практически этот процесс результируется в доверии институтам, призванным обеспечивать безопасность среды обитания. Соответственно, доверие институтам повышает уровень определенности в среде обитания, а недоверие, вызванное нереализованными ожиданиями, усиливает состояние неопределенности.

При появлении новых знаний об объекте определенность в среде обитания может уступить место неопределенности или наоборот. При этом знания не возникают сами по себе, а являются результатом деятельности. Человек не остается пассивным наблюдателем происходящих изменений в среде обитания, а является деятельным субъектом. Поэтому в процессе перехода от определенности к неопределенности, и наоборот, т. е. от доверия к недоверию различным объектам среды обитания, возникают деятельностные риски, которые интегрируются в социальную реальность, усиливая или ослабляя степень ее рискогенности.

Таким образом, уровень доверия/недоверия к рискам может рассматриваться в качестве критерия рискогенности социальной реальности как интегрального показателя трансформации среды обитания. Интегральный характер данного показателя означает, что в социаль-

ной реальности отражается вся совокупность объективных (средовых) и субъективных (деятельностных) рисков.

Социальная регуляция рисков предполагает целенаправленное регулирование, осуществляемое путем непосредственного управленческого воздействия, либо саморегулирование как следствие влияния сознательного изменения условий жизнедеятельности, создания необходимых стимулов или других способов опосредованного воздействия. Наиболее общей целью управленческого воздействия и саморегуляции является снижение угроз, возникающих в субсредовых локусах. Но в каждой ситуации эта цель конкретизируется.

В качестве социокультурных составляющих механизма социальной регуляции рисков выступают потребности, интересы и ценности, во взаимосвязи которых вырабатываются критерии конкретизации цели социальной регуляции. В совокупности эти критерии призваны определить меру доверия.

Благодаря связи с потребностями, доверие приобретает активно-избирательную направленность. Подобная направленность доверия, конкретизируя цель социальной регуляции рисков, способствует их снижению и повышению уровня определенности. Но потребности, являясь источником активности, не указывают на способы ее реализации. Таким способом являются интересы, которые придают доверию деятельностную форму. Иначе говоря, в доверии проявляется заинтересованность в преодолении угрозы, когда доверяя, мы не пассивно ожидаем позитивных изменений, а стремимся активно им содействовать. Поэтому важным направлением конкретизации цели регулирования рисков является повышение доверия, как заинтересованного отношения к их преодолению. Центральное место в процессе целеполагания принадлежит ценностям. Отражая идеальные представления об образе природных, техногенных и других локусов, они являются смыслообразующим началом в постановке цели. Благодаря связи с ценностями, доверие наполняется смыслом, а его роль в оптимизации рисков приобретает ценностную форму.

Однако в изменяющейся социальной реальности потребности, интересы и ценности наполняются новыми смыслами, что не может не отражаться в механизме социальной регуляции рисков. Проследим, эти изменения в связи с распространением информационных технологий, способствующих активизации процесса виртуализации социальной реальности. Виртуализация реальности, проявляющаяся в конструировании воображаемого, искусственного мира, становится значимым признаком трансформации современной среды обитания.

Виртуальная реальность – это образ социальной действительности, в сознании субъектов социальных взаимодействий, конструируемый в символической форме. Образы природы, техники и других

локусов в среде обитания становятся результатом не отражения объективной действительности, а конструирования субъективной реальности через символы, т. е. значения, смыслы, которыми наделяются различные ее объекты. Поэтому социальная действительность одна, а социальных, в том числе и виртуальных, реальностей может быть множество.

Выделяются два типа виртуальной реальности: имитационную и симулятивную [7]. Имитационная представляет собой конструирование смысловых аналогов объектов среды обитания, претендующих на сходство с ней. А симулятивная – конструирование пространства симулякров (гиперреальности), выступающих как фальсифицированные копии этих объектов, не соответствующие оригиналу (Ж. Бодрийар).

Конструирование имитационной и симулятивной виртуальных реальностей проявляется и в доверии к реальному объекту социальной действительности, представленному в форме его виртуального образа. Если воображаемый, имитационный образ социальной действительности еще как-то может пользоваться доверием, поскольку «привязан» к реальному объекту, то доверие к симулятивному образу, не предполагающему соотношения ни с какими референтами, также превращается в симулякр. Иллюзорность доверия проявляется в доминировании неустойчивых, размытых, спонтанно возникающих ожиданий (экспектаций), лежащих в основе доверия. Таким образом, переход от неопределенности к иллюзии определенности в процессе конструирования виртуальной реальности становится источником риска, в связи с непредсказуемостью последствий данного процесса. А виртуализация – фактором повышения рискогенности социальной реальности.

Возникновение и формирование виртуальной реальности в основе своей – саморегулируемый процесс. Погружение в виртуальные образы, по М. Кастельсу, является процессом, в котором фальсифицированные отображения реального мира сами становятся социальным опытом, влияющим на взаимодействия в искусственном мире. Соответственно, не только фальсификаты, копирующие окружающую действительность, но и риски, возникающие в этом процессе, способны выполнять саморегуляционную функцию. Следовательно, в виртуальном пространстве изменяющейся реальности принципиально меняется отношение к рискам. Они воспринимаются не как негативные последствия утраты определенности, а как форма рационализации состояния неопределенности.

В этой связи важная роль принадлежит недоверию. Являясь антиподом доверия, оно, с одной стороны, повышает уровень неопределенности, усиливая, тем самым, рискогенность социальной реальности, а с другой – выполняет функцию «болевого синдрома», спо-

собствует осознанию рисков, реальной опасности их последствий, превращаясь в фактор рационализации неопределенности. Поэтому недоверие способствует не только корректированию отношения к объекту в направлении обеспечения его безопасности, но и приданию отношению нового смысла (стимулирования инновационной рефлексии).

Среда риска, образующаяся в виртуальном пространстве изменяющейся реальности, фиксируется в системе установок, определяя поведенческую готовность действовать сообразно данным условиям. В сознании людей, относящихся к этой среде, складывается определенный тип ценностно-нормативной системы и целерационального поведения, в которых риск является интегральным компонентом. Формируется особый тип культуры – «культура риска», принадлежность к которой требует постоянной готовности к вероятностным изменениям и калькуляции возможностей, открытости к различным действиям и событиям, позитивным и негативным, возникающим в повседневном взаимодействии на индивидуальном или групповом уровне. Как пишет Э. Гидденс, «главная задача в том, чтобы, научиться жить в условиях риска, анализируя различный опыт, позволяющий делать собственную жизнь более или менее стабильной» [8]. Поэтому в виртуальном пространстве изменяющейся реальности культура риска становится способом саморегуляции взаимодействий, а ее формирование – целью социорегуляционного воздействия.

Таким образом, в условиях изменяющейся социальной реальности, культура риска проявляется в способности людей оптимизировать в каждой конкретной ситуации соотношение доверия и недоверия во взаимодействиях с ее объектами, не превышая калькулируемого уровня приемлемого риска.

Литература:

1. *Альгин А.* Риск и его роль в общественной жизни. – М.: Мысль, 1989. – С. 19.
2. *Зубок Ю. А.* Риск // Социология молодежи / Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. – М.: Academia, 2008. – С. 401; *Зубок Ю. А.* Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. – М.: Мысль, 2007. – С. 136–137.
3. *Douglas M.* Risk and Blame: Essays in Cultural Teory. – Rout-ledge, London, 1992. – P. 5.
4. *Wildavsky A and Drake K.* Theories of risk perception: who fears what and why? Daedalus, Spesial issue on Risk. – Fall, 1990. – P. 42–44.
5. *Шюц А.* Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 485.
6. *Аверинцев С.* Собр. соч. / Словарь. – София: Логос, 2006. – С. 386–387.
7. *Лубский А. В.* Социальные науки и социальная реальность: к вопросу о погружении в виртуальность // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 4. – С. 24.
8. *Giddens A.* Modernity and self-Identity. Self and society in the late modern age. – Oxford: Polity, 1991. – P. 28.

Бедность населения – угроза социальной безопасности

Исходя из логики жизнедеятельности индивида и общества, типологии источников опасности и угроз, различных факторов безопасности, различают множество видов (сфер, элементов) безопасности как таковой.

Социальная безопасность в современном мире – это комплекс мер, охватывающий, практически, весь спектр гражданской деятельности, направленных на достижение устойчивого и справедливого мироустройства. Это взаимоотношения отдельных людей, групп людей, построенные таким образом, чтобы в процессе их развития не создавалась опасность для каждого. Социальная безопасность понимается как *устойчивое функционирование социальных институтов страны, которые обеспечивают стабильное развитие общества.*

При этом в обществе поддерживается максимально возможное соответствие потребностей и условий существования человека. Социальная безопасность гарантируется улучшением качества жизни для удовлетворения потребностей людей, своевременным и адекватным реагированием государства и общества на неизменно заостряющиеся кризисные явления и противоречия. Осуществляется она, прежде всего, модернизацией обветшавших социальных структур и институтов посредством адаптации их к новым условиям, повышением профессиональной, управленческой, социально-психологической компетентности властных органов и всего общества, преодолением деформаций системы отношений.

Сейчас Россия как раз переживает период активной модернизации, прежде всего, своей экономической модели. Серьёзные усилия управленческих структур направлены на скорейшее освобождение экономической и финансовой сфер страны от экспортной зависимости в продажах нефти и газа, а также уровня мировых цен на это топливо и сырьё для химических производств.

Верное и очень своевременное содержание модернизации!

Плохо, что взялись мы за реформы вынужденно, под влиянием тех экономических санкций, которые введены США и их послушными союзниками против РФ.

Особую надежду наши недруги возлагают на пресловутую «пятую колонну», на латентную, как правило, маргинальную оппозицию правящему режиму. На неё возлагается роль своеобразного усилителя санкционного пресса. Но ведь «пятая колонна» – это не только персоналии, действующие внутри страны в интересах её противников, это

не в меньшей мере и социальные явления разрушительного для социума свойства. Бедность среди них – во главе самого опасного для нас реестра.

Комплексные исследования и постоянный мониторинг бедности в Российской Федерации проводится в ИСПИ РАН на протяжении длительного времени. Бедность – не только социальное явление, постыдное для развитого общества сверхдержавы, но и одна из причин повышенной опасности для функционирования самого государства.

Под перманентным наблюдением социологов постоянно находятся:

– факторы, определяющие уровень жизни в целом по России и в её регионах;

– оплата труда по её фактическому уровню, динамике, дифференциации по стратам и в региональном разрезе;

– влияние реформирования пенсионной системы на уровень жизни пенсионеров как постоянно увеличивающейся страты населения;

– денежные доходы: их уровень, структура и дифференциация;

– масштабы, профиль и риски бедности российского населения;

– потребление населением товаров и услуг в определяющих факторах: 1) оборот розничной торговли; 2) потребительские цены; 3) покупательская способность; 4) потребительские расходы домохозяйств; 5) потребление основных продуктов питания;

– жилищная обеспеченность и доступность благоустроенного жилья;

– фактическое конечное потребление домохозяйств.

В первую очередь, полезно для последующего анализа выяснить среднедушевые составляющие денежных доходов населения России в пиковый для действия санкций период и сопоставить их динамику с предыдущим периодом благоприятного развития экономики страны.

В этих условиях среднедушевые денежные доходы населения РФ (табл. 1) не показали критического падения, хотя, судя по иным индикаторам, уровень жизни россиян снизился. Пик падения доходов пришелся на сентябрь 2014 г. и составил по сравнению с августом того же года 6,7 %.

Сказались своевременно принятые Правительством и Центробанком РФ меры по стабилизации экономической и финансовой ситуации, что, в свою очередь, явилось следствием творчески усвоенного истеблишментом страны опыта преодоления предыдущего кризиса 2008 г.

Так, директивными документами Правительства РФ ежеквартально корректировалась величина официального прожиточного минимума, от которого, как известно, и проводятся все расчёты компенсационных выплат представителям наименее защищённых групп населения. Динамика этого показателя отражена в табл. 2.

Таблица 1

СРЕДНЕДУШЕВЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ РФ

Период исследования, *годы*	Доход, *руб./месяц*	К предыдущему периоду, *%*
2008	14863,6	108,5
2009	16895,0	113,7
2010	18958,4	112,6
2011	20780,0	109,6
2012	23921,1	111,7
2013	25928,2	111,7
2014	27887,4	102,0

Источник: Росгосстат РФ / Стат. сб. – М., 2015.

Таблица 2

ИЗМЕНЕНИЯ ВЕЛИЧИНЫ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА, РФ, 2014 г.

Квартал 2014	На душу населения, в руб.	Для трудоспособного населения	Для пенсионеров	Для детей
I	7688	8283	6308	7452
II	8192	8834	6717	7920
III	8086	8731	6656	7738
IV	8234	8885	6785	7899

Источник: Постановления Правительства РФ. – М., 2014 г.

Из табл. 2 видно, что пик кризисных явлений пришёлся на второй квартал 2014 г., когда Правительство страны значительно подняло величину прожиточного минимума в целях компенсации понесённых населением денежных убытков. Впоследствии такое увеличение продолжалось, но его абсолютные величины уступали показателю второго квартала.

Как следствие своевременных эффективных мер, по данным Госстата РФ, реальные располагаемые доходы населения России (доходы за вычетом обязательных платежей и скорректированные на Индекс потребительского рынка) за 2013 г. выросли на 6,9 % по сравнению с 2013 г.

Не нужно при этом быть социальным исследователем, чтобы различить падение уровня жизни основной массы населения страны в результате применённых против России санкций и обвала рынка углеводородного топлива. И дело тут не только в лукавстве и зачастую тенденциозности статистики, в первую очередь – государственной. Сам по себе показатель среднедушевой доходности в отношении населения Российской Федерации уже давно не соотносится с уровнем бедности. В первую очередь, из-за неприемлемо высокого уровня коэффициента Джинни, при котором основные доходы в России достаются мизерной страте богачей и сверхбогачей, а миллионам бедняков остаётся тяжелая каждодневная борьба за выживание в ситуации стремительного роста потребительских цен.

Если типичное значение индекса Джинни в развитых странах колеблется между показателем в 0,2 в скандинавских странах с их традиционным тяготением к модели так называемого «шведского» социализма и 0,35 в США, а для развивающихся стран он составляет 0,4–0,5, то для России в 2014 г. он превысил планку в 0,48!

На долю 110 российских миллиардеров приходится 35 % всего личного богатства граждан, тогда как в США, где миллиардеров в 4 раза больше, их совокупное богатство составляет лишь 7 % от всех богатств американцев. Сопоставимо с Россией количество миллиардеров в Китае. Но там им принадлежит всего 1–2 % от совокупного богатства.

Пока в России будет сохраняться такое неравенство в уровне доходов, пока подавляющее большинство россиян будут продолжать жить от зарплаты до зарплаты, фактически без «подушки безопасности» в виде накоплений и доходов от ренты и ценных бумаг, задача преодоления массовой бедности в России останется иллюзорной.

Значительно ближе к воссозданию реальной картины установившегося на начало 2015 г. уровня жизни населения РФ показатели потребления основных групп продуктов питания в соотнесении с рекомендованной нормой и аналогичными показателями 2013 г. (табл. 3).

Приведенные в табл. 3 данные подтверждают эмпирические и опросные наблюдения за уровнем потребления россиянами жизненно необходимых групп товаров для биологического воспроизводства жизни. В основном, мы наблюдаем существенное падение объёмов потребления, особенно сильное в разделе «Рыба и рыбопродукты». (Заметим в скобках, что эту беду мы во многом организовали сами, введя плохо просчитанные санкции на экспорт норвежской и другой европейской океанической и садковой рыбы. Надежда на импортозамещение рыбной продукции силами своих внутренних промысловиков и производителей не оправдалась. Цены в условиях возникшего дефицита подскочили в разы, тем самым сделав недоступными для массового потребителя рыбную продукцию, содержащую ценнейший для организма легкоусвояемый белок.)

Таблица 3
ПОТРЕБЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ГРУПП ПИТАНИЯ, РФ, 2014 г.

Продуктовая группа	В отношении к норме, в %	В отношении к 2013, в %
Мясные продукты	50,6	-16,3
Молочные продукты	50,8	-7,0
Масло животное	34,4	-4,6
Сахар	82,9	+3,3
Масло растительное	71,5	+6,1
Рыба и рыбопродукты	53,2	-24,7

Источник: Минсельхоз РФ, http://www.mcx.ru/news/news/show/21955.htm.

Осталось, как не раз до того в аналогичных случаях, компенсировать недостаток калорий и микроэлементов в меню сравнительно дешёвыми углеводами и глюкозой, потребление которых возросло.

Кризис, как всё в человеческом сообществе, в конце концов завершится. Отменят рано или поздно малоэффективные, как показал минувший год и подтверждают наши дни, санкции против принципиальной, гордой своей независимостью России, не желающей следовать в фарватере Америки, и, будем надеяться, жизнь войдёт в свои берега не с потерями, а долгожданными успехами в виде активизации экономических реформ, в виде наконец-то усвоенных уроков в отношении беспринципности наших западных партнёров.

Для того, чтобы радикально изменить к лучшему образ жизни большинства граждан современной России и избавить миллионы соотечественников от позорной участи бедняков, необходимы консолидированные усилия созидательных сил по становлению и успешному развитию гражданского общества. Его задача – взять под контроль деятельность государства и его управленческих структур, нацелить энергию активной части национально ориентированной элиты и широких гражданских масс на сложную работу по переналадке общественного механизма на справедливое социальное созидание. Такая работа возможна лишь при условии утверждения в обществе устойчивого режима *социальной безопасности* и выработки механизмов его поддержания и укрепления. В противном случае протуберанцы общественного недовольства и спровоцированные ими социальные бури разрушат, сметут незавершённые конструкции общества социальной справедливости, отбросив беспечных к требованиям безопасности строителей на стартовые позиции начальных усилий.

Социальная безопасность необходима нашей стране ещё и по причине особой «пожароопасности» российского социума. Мы вовсе не имеем в виду некую «особую» предрасположенность к бунтарству наших соотечественников.

Реальная опасность социального взрыва в России связана, в первую очередь, с особо активной во все времена провокативностью извне, усиленной действиями пресловутой «пятой колонны». Нам веками не дают расслабиться, сосредоточиться на себе, на решении насущных проблем общества, раз за разом поджигая огромную страну с разных концов, пытаясь натравить населяющие Отечество «племена и языки» друг на друга, коварно ссоря нас с соседями и историческими союзниками, стремясь внедрить представления о своем превосходстве в каждое новое поколение россиян. И то, что раз за разом деяния такого рода не приносят желаемых результатов, вовсе не останавливает наших внешних и внутренних недругов.

Говоря о безопасности, мы в данном контексте имеем в виду и безопасность от всякого рода экстремальных действий. В том числе, на первый взгляд, даже благородных, которые, отчасти, знакомы нам по временам воинствующего коммунизма, когда стремление облагодетельствовать население своей страны и всё человечество зачастую осуществлялось с таким фанатизмом, что приводило к прямо противоположным результатам.

Поэтому, призывая к активизации общественных усилий по социальному созиданию, мы считаем необходимым и далее всячески поддерживать субсидиарность, т. е. самообеспечение. Активные граждане страны, используя широкие возможности частного предпринимательства и частной инициативы, умеют достойным образом обеспечить существование для себя, своих родных и близких. Тем самым они снижают в отношении значительной части населения нагрузку социальных служб и институтов. Освободившиеся таким образом ресурсы можно эффективно использовать для пользы тех обездоленных, кто не в состоянии сам решать свои имущественные, жилищные, медицинские, образовательные, рекреационные и подобные им проблемы.

Нам необходимо осознать (и тут разъяснительная помощь в научно-популярных публикациях государственных СМИ отнюдь не лишняя), что патерналистское государство исчерпало себя. Что и по окончанию кризиса, комфортные цены на энергоносители, которые держались на мировом рынке последнее «золотое» для России десятилетие, уже не восстановятся на прежнем уровне, позволявшем Российской Федерации решать многие свои насущные проблемы не путем диверсификации отечественной экономики, не путем повышения производительности труда и наращивания выпуска конкурентоспособных и актуальных товаров и услуг, а за счёт экспорта нефти и газа.

Но социальная безопасность, при всей её важности, не более, чем часть проблемы общественной бедности. Проблемы, к стыду нашему, закоренелой, наследуемой каждым новым поколением россиян.

Ещё первые русские социологические исследования отмечают не только массовую бедность, но и наличие неплохо организованного, жестко структурированного *профессионального сообщества нищих*, которое оказывало значительное влияние на бытование «низа» и «подполья» Москвы, Санкт-Петербурга и других русских городов. Влияние нищеты на всё население Российской Империи нарастало столь стремительно и последствия этой экспансии оказывались столь угрожающими, что 18 мая 1898 г. в заседании Комиссии, учреждённой при Министерстве юстиции для разработки мер борьбы с нищенством и бедностью, было признано необходимым «озаботиться собиранием материалов, могущих выяснить причины бедности и нищенства в России, а также указать средства для его уменьшения» [1].

Бедность как социальный феномен исследуется во всех странах на всех континентах, но для российского учёного тема эта в наибольшей мере актуальна и, я бы сказал, по-особому трепетна.

Оттого, главным образом, что исследовательский подход русских социологов отличает высокая степень ответственности перед обществом, перед своим народом в следовании постулатам нравственного императива [2][8].

Развитое нравственное начало apriori предполагает нетерпимость к такой форме социальной поляризации, когда на одном полюсе – нищета на грани физиологического выживания, а на другом – вызывающая роскошь, обретённая к тому же, как правило, нетрудовыми способами.

Академические исследования феномена российской бедности предлагают не только создание работ по истории и теории предмета, но и разработку конкретных управленческих действий и мер, направленных на решение проблемы. Прежде всего, необходимо понимать, что *принятая в нашей стране оценка бедности по существующим показателям не соответствует современным реалиям.*

---

[8] Вот только часть публикаций, подтверждающих изложенный тезис: *Гусев А. Ф.* Нравственность как условие истинной цивилизации и специальный проект науки. – М., 1874. – Т. 1, 2.; *Градовский А. Д.* Значение идеала в общественной жизни // Вестник Европы. – 1877. – № 1 (145); *Мечников Л. И.* Вопросы общественности и нравственности // Дело. – 1879. – № 7; *Оболенский Л. Е.* Нравственность и общественные чувства // Свет. – 1879. – № 3; *Языков Н.* Психология счастья // Дело. – 1877. – № 5 (157); *Голосенко И. А.* Нищенство как социальная проблема: из истории дореволюционной социологии бедности // Социологические исследования. – 1996. – № 6, 7.

В современном обществе бедность должна рассматриваться не как состояние человека или семьи на грани выживания, а как показатель их относительного положения в обществе. Работы российских и зарубежных учёных и специалистов, исследующих эту проблему, показывают тесную взаимосвязь показателей трудовой активности, здоровья, репродуктивного поведения населения именно с относительными, а не абсолютными показателями уровня жизни.

Упор же на абсолютные показатели не позволяет выработать эффективную стратегию снижения масштабов бедности. Экономический рост без активной перераспределительной государственной политики не может автоматически привести к успешному решению социальных проблем и повышению уровня жизни большинства населения.

Можно было бы согласиться с оценкой бедности по величине прожиточного минимума (ВПМ), если бы он в России не был искусственно занижен. Идеология такого метода уходит корнями в советскую действительность, когда многие необходимые потребности населения удовлетворялись за счёт общественных фондов потребления, чего нет сейчас.

Недофинансируя социальную сферу и перекладывая на плечи населения оплату услуг, которые в социальном государстве (каким согласно Конституции является Российская Федерация!) должны быть бесплатными, сохраняя низкий уровень оплаты труда в бюджетной сфере, сельском хозяйстве и т. д., государство все бóльшие слои населения погружает в состояние относительной бедности.

Как это ни прискорбно, но финансово-промышленно-бюрократическая олигархия заинтересована в сохранении бедности как средства получения сверхприбылей. Погоня за высокими доходами вынуждает её сопротивляться реальным шагам по снижению как относительной бедности, так и рекордного по сравнению с остальным миром неравенства между высокодоходными и бедными слоями населения.

Драматизм ситуации заключается в том, что бедными в нашей стране в первую очередь являются не пенсионеры, а работающие и дети. Такое положение работающих объясняется тем, что минимальная зарплата в России ниже прожиточного уровня и много ниже уровня бедных стран Евросоюза.

Мировой и отечественный опыт свидетельствуют, что бедность, раз возникнув, независимо от того, каковы были её первичные причины, начинает самовоспроизводиться. Если большая доля населения страны находится за чертой или около черты бедности, возникает своего рода порочный круг.

Одним из важнейших рычагов для уменьшения масштабов бедности является преодоление резкого неравенства между различными группами населения в оплате труда, доходах, уровне потребления, и в конечном итоге – уровне жизни.

Исследования, проведенные в ИСПИ РАН на основе эконометрического анализа, дали более чёткую статистическую оценку интуитивным представлениям о роли и механизмах воздействия социально-экономического неравенства и бедности на показатели рождаемости и смертности.

При оптимальном перераспределении доходов, снижающим величину коэффициента дифференциации до 7–10, создаются наиболее благоприятные условия для экономического и демографического роста. Следовательно – для реального укрепления и последующего роста могущества Отечества, что и является основополагающей задачей каждого Гражданина, ответственного перед своим народом.

Для успешного и более энергичного продвижения по пути преодоления бедности, российскому истеблишменту жизненно необходимо решить в самое ближайшие время ряд задач.

1. Переформулировать и переформатировать основную концепцию социальной помощи государства в отношении наиболее нуждающихся в ней граждан с патернализма на субсидиарность.

2. Провести исключительно в правовых рамках ревизию российской приватизации, которая породила главное противоречие в умах и душах россиян, разделила страну на два непримиримых лагеря – грабителей и ограбленных.

Длительное бездействие властей в этом плане единственно можно объяснить надеждой наших руководителей, что со временем ситуация сама собой «рассосётся». Что «забудутся» народные обиды и унижения от масштабного и циничного ограбления тружеников, во множестве поколений создававших могучую общенародную, государственную собственность, которой буквально в мгновенье ока завладела кучка ловких приватизаторов.

3. Продолжить при целеустремлённом наращивании усилия по борьбе с коррупцией. Должно добиться возвращения в Уголовный кодекс нормы конфискации доказанных по суду нетрудовых доходов, вне зависимости от того, каким хитрым способом оформлено право собственности.

4. Завершить восстановление властной вертикали и системы государственного контроля за экономическими, финансовыми и иными жизненно важными процессами управления. В нынешней кризисной ситуации, во многом вызванной санкциями против РФ, такое централизованное управление воочию показало свою эффективность. Следует ввести её в постоянную практику наряду с дальнейшим развитием частного предпринимательства, в первую очередь – в сфере малого и среднего бизнеса.

5.Активизировать законодательную и административную инициативность по введению прогрессивной шкалы налогообложения.

6. Усовершенствовать систему пенсионного обеспечения, обратив первоочередное внимание на эффективное взаимодействие принципов коллективной солидарности поколений и индивидуального накопления.

7. Завершить все принятые программы возведения социального жилья, усовершенствовать систему его распределения и навести порядок в практике ипотечного кредитования на длительные сроки под доступный населению процент.

8. Навести должный порядок в жилищно-коммунальном хозяйстве, унифицировав основные параметры отрасли и разработав эффективную и прозрачную систему контроля.

Литература:

1. *Левенстим А. А.* Нищенство в России по отзывам начальников губерний. – СПб., 1899. – С. 1.

2. *Гусев А. Ф.* Нравственность как условие истинной цивилизации и специальный проект науки. – М., 1874. – Т. 1, 2.; *Градовский А. Д.* Значение идеала в общественной жизни // Вестник Европы. – 1877. – № 1 (145); *Мечников Л. И.* Вопросы общественности и нравственности // Дело. – 1879. – № 7; *Оболенский Л. Е.* Нравственность и общественные чувства // Свет. – 1879. – № 3; *Языков Н.* Психология счастья // Дело. – 1877. – № 5 (157); *Голосенко И. А.* Нищенство как социальная проблема: из истории дореволюционной социологии бедности // Социологические исследования. – 1996. – № 6, 7.

Раздел 3.

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В УПРАВЛЕНИИ РИСКАМИ

Регулирование финансового рынка как основной элемент конкурентоспособности и упреждения финансовых рисков

Развитие финансового рынка России нацелено на создание эффективной конкурентоспособной на мировом уровне финансовой системы, способной обеспечить высокий уровень инвестиционной активности в экономике.

Прозрачная, гибкая и эффективная система регулирования финансового рынка является важным условием успешного функционирования финансового рынка и основой создания международного финансового центра (МФЦ) в России. Конкурентоспособность МФЦ в Москве в сфере регулирования финансового рынка должна быть обеспечена по сравнению с действующими мировыми финансовыми центрами по следующим основным направлениям:

– законодательство (охват, прозрачность, гибкость системы регулирования, соответствие принципам открытости и конкуренции);

– регулирующие органы (сфера ответственности, степень централизованности, независимость, репутация, эффективность);

– налогообложение (уровень налоговых ставок, наличие налоговых льгот и двусторонних соглашений с другими странами, сложность налоговой системы, степень эффективности и коррумпированности налогового администрирования);

– судебная система и практика правоприменения;

– противодействие инсайдерской торговле;

– корпоративное управление (защита прав миноритарных акционеров, финансовая прозрачность и раскрытие информации, наличие независимых директоров).

Целями развития системы регулирования являются достижение высоких стандартов защиты инвесторов, снижение транзакционных издержек торговли на фондовом рынке, содействие внедрению финансовых инноваций, поддержание доверия к финансовым рынкам.

Остановимся подробнее на некоторых ключевых элементах регулирования финансового рынка.

Законодательство и правоприменение

Российское законодательство основано на романо-германской (континентальной) системе права и ориентировано на максимально возможно четкую фиксацию правовых норм, а не общих принципов допустимого поведения участников рынка. Специфика российского законодательства характеризуется тем, что принцип «разрешено все, что не запрещено» и в корпоративном праве, и в законодательстве о рынке ценных бумаг замещен принципом «запрещено все, что не разрешено». Стремление четко кодифицировать все правила и меры регулирования приводит к отставанию законодательства от практики и не позволяет быстро внедрять финансовые инновации (например, развивать рынок деривативов). Наличие многих специализированных законов и нормативных актов делает законодательную систему сложной и неповоротливой. При этом глобальные финансовые центры (Лондон, Нью-Йорк) отличаются развитой системой регулирования, основанной на англо-саксонской (прецедентной) системе права. Финансовое законодательство США предусматривает достаточно четкую кодификацию правил и мер регулирования, а также прописывание финансовых инструментов и рынков.

В то же время законодательство Великобритании раскрывает только общие принципы работы финансовых рынков, которые должны соблюдать участники рынка или объяснять причины отклонения от требований закона. Требования часто сознательно формулируются нечетко, и многое зависит от практического применения этих принципов со стороны регулятора. Такая система является более гибкой и может быстрее адаптироваться к инновациям на финансовых рынках, способствует открытости и конкуренции среди участников МФЦ.

Ориентируясь на успешную практику Лондона, гибкую законодательную систему, аналогичную британской, выбрали Гонконг (приняв единый Закон о ценных бумагах и фьючерсах), Дубай (отдельная юрисдикция на территории МФЦ, которая функционирует согласно особым, близким к британским стандартам права), Сингапур и Мумбаи.

Законодательная база рынка ценных бумаг в Российской Федерации образована законами, которые определяют общие правила, действующие на рынке ценных бумаг («О рынке ценных бумаг», «Об ак-

ционерных обществах», «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг», «Об инвестиционных фондах», «Об ипотечных ценных бумагах»), а также многочисленными подзаконными нормативными правовыми актами (главным образом постановлениями Правительства Российской Федерации и приказами ФСФР России). Последние определяют порядок эмиссии и обращения ценных бумаг, требования к деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг и коллективных инвесторов, стандарты раскрытия информации. Функционирование отдельных институтов регламентируется специальными законами: «Об инвестиционных фондах», «О негосударственных пенсионных фондах», «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии».

Сложившаяся сегментированная система законодательства Российской Федерации по финансовым рынкам в целях формирования МФЦ требовала принятия новых законов, совершенствования и дополнения российского законодательства за счет внесения изменений в действующие законы. Необходимо признать серьезные положительные сдвиги в формировании правовой основы для развития финансового рынка в России, осуществленные в 2009–2011 гг. В настоящее время приняты такие основополагающие федеральные законы, как «О клиринге и клиринговой деятельности», «Об организованных торгах», «О центральном депозитарии», «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Положение Банка России от 11 августа 2014 г. №428-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг, порядке государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг, государственной регистрации отчетов об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг и регистрации проспектов ценных бумаг.

При этом важным элементом конкурентоспособного финансового рынка являются адекватная практика правоприменения, эффективная и прозрачная судебная система, приспособленная к быстрому и справедливому разрешению споров по финансовым сделкам.

Регулирующие органы на финансовом рынке

Практика применения финансового законодательства во многом зависит от эффективности деятельности регулирующих органов, которая связана с их функционалом, независимостью, репутацией, а также степенью централизации функций регулятора. Российская система регулирования фондового рынка создавалась параллельно со ста-

новлением самого рынка. Главной ее особенностью в последние годы являлось сложное распределение регулятивных и надзорных полномочий в сфере финансового рынка между несколькими ведомствами (Минфин России, Банк России). Такая система регулирования и надзора на финансовом рынке характеризовалась раздробленностью, недостаточной гибкостью в отношении потребностей рынка, отсутствием контроля за системными рисками.

Для построения конкурентоспособного финансового рынка необходимо формирование унифицированной и прозрачной регулятивной системы, которая основана на единых принципах регулирования и надзора для экономически идентичных отношений и функций, осуществляемых на различных секторах финансового рынка, и обеспечивает мониторинг всех сегментов финансового рынка, а также создание условий для эффективной работы регуляторов, саморегулируемых организаций и участников рынка, для реализации механизма коллегиального принятия решений.

В настоящее время предприняты меры по совершенствованию регулирования финансового рынка. При этом система надзора на финансовом рынке остается неоднородной в различных ее сегментах: в банковском секторе, на фондовом рынке, в системе страхования. Несовершенство системы надзора как инструмента предварительного контроля на фондовом рынке связано с ее фрагментарностью (минимальный контроль со стороны регулятора в отношении некоторых участников при избыточном контроле в отношении других); отсутствием необходимой информативности для осуществления эффективного контроля существующих форм предоставления отчетности; формальностью надзора, связанной во многом с отсутствием комплексного подхода к оценке всех рисков участников рынка.

Основной задачей системы пруденциального надзора на рынке ценных бумаг является прогнозирование и предупреждение как рисков отдельно взятых финансовых организаций, так и системных рисков с целью обеспечения устойчивости и надежности всего рынка в целом. Важно обеспечить реализацию принципов и целей осуществления пруденциального надзора: постоянный характер надзора, поддержание стабильности финансовой системы Российской Федерации, защита интересов инвесторов и клиентов на рынке ценных бумаг.

Реализация мер, направленных на формирование единых требований к профессиональным участникам рынка ценных бумаг с закреплением следующих обязанностей:

– соблюдать требования по ограничению совмещения профессиональных видов деятельности на рынке ценных бумаг;

– предоставлять полную информацию о структуре собственности;

– уведомлять федеральный орган исполнительной власти по рынку ценных бумаг об изменениях в составе совета директоров (наблюдательного совета), единоличного исполнительного органа;

– соблюдать в целях обеспечения своей финансовой надежности обязательные нормативы, устанавливаемые федеральным органом исполнительной власти по рынку ценных бумаг.

Российский финансовый рынок нуждается в построении системы пруденциального надзора, которая могла бы предоставлять регулятору и рынку адекватную информацию о состоянии отдельных участников и рынка в целом. В связи с этим необходимо продолжить работу по формированию методики оценки системного риска, присущего всему рынку (пруденциальный надзор на макроэкономическом уровне), механизма сбора и обобщения информации, получаемой от участников финансового рынка.

Важным аспектом регулирования финансового рынка является степень его централизации. В настоящее время решен вопрос создания единого регулятора, осуществляющего регулятивные и надзорные функции в отношении участников и финансового рынка в целом, включая банки, страховые компании, институты коллективных инвестиций, брокерские/дилерские компании.

Эффективность этого решения подтвердил директор Федеральной службы по финансовому мониторингу Ю. А. Чиханчин на рабочей встрече с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным. В частности он сказал:

«На наш взгляд, очень правильно было принято решение о создании мегарегулятора во главе с Центральным банком, и это позволило нам совместно значительно оздоровить финансовые институты, не только банки.

Просто несколько цифр. Сократилось количество операций, связанных с выводом денег за рубеж по сомнительным операциям почти в два раза. Обнальные операции сократились где-то примерно в полторы тысячи раз.

Надо сказать, что возник больший интерес у правоохранительных органов к нашим материалам. В общей сложности мы провели почти 40 тыс. финансовых расследований, и по материалам службы нам удалось совместно с правоохранительными органами возбудить около полутора тысяч уголовных дел, 300 уже ушло непосредственно в суды.

Сдвинулась ситуация в борьбе с финансированием терроризма, считаем, что очень важный результат – 62 уголовных дела, это один момент. И запущен механизм замораживания активов террористов. Мы заморозили в общей сложности где-то порядка 3,5 тыс. счетов лиц, имеющих отношение к террористической деятельности и нахо-

дящихся в перечне лиц, имеющих отношение к терроризму и экстремизму.

Если пойти по цифрам, которые нам в результате удалось получить совместно, то непосредственно в этом году пресечено (подтверждено документами) причинение ущерба государству на 300 млрд руб., возмещены активы – 265 млрд руб., конфисковано имущество на три с лишним миллиарда рублей, доначислено и возвращено налогов – 16 млрд руб. Эти цифры говорят, что действительно результативность начала двигаться.

Нужно сказать, что в прошлом году было ликвидировано 15 очень крупных теневых площадок, порядка 90 млрд через них прокручивалось. Есть вопросы, правда, связанные с тем, что часть теневых средств стала уходить на другие рынки. Механизм 134-го закона, который был поддержан Вами, позволил банкам приостанавливать операции в случае сомнительности. Мы приостановили операции на 137 млрд, т. е. не пустили в тень.

Куда сместились денежные потоки, мы сегодня это обсуждаем совместно с Центральным банком, – это, конечно, безусловно, рынок ценных бумаг. К сожалению, нужно сказать, что примерно 50 % операций – это сомнительные операции, и это очень серьезно.

Второй блок, который у нас вызывает вопросы, – это страховые компании. К сожалению, нужно сказать, что лишение лицензий страховых компаний и особенно тех, которые находятся в сфере медицинского обслуживания, может привести к тому, что мы лишим часть населения медицинского обслуживания. Здесь очень внимательно мы отслеживаем, чтобы они не попадали в такие схемы. Аналогичная ситуация с пенсионными фондами, особенно там, где идёт работа с материнским капиталом.

В последнее время стали обращать внимание и на драгоценные металлы, тоже вопросов много, неурегулированность. Это наша задача в ближайшее время».

Международный опыт также свидетельствует, что унификация и централизация регулирования позволяют решить такие проблемы, как конфликты между различными регулирующими органами, низкая эффективность надзора в условиях осуществления деятельности на финансовом рынке финансовыми группами, в состав которых входят банки, брокерские, страховые компании и другие профессиональные участники рынка, недостаточная прозрачность регулирования и надзора, и создают дополнительные конкурентные преимущества.

В то же время последний мировой финансовый кризис выявил уязвимость систем регулирования финансовых рынков практически во всех странах. Так, например, в Великобритании с 1997 г. действует

единый финансовый регулятор – Управление по финансовому регулированию и надзору, независимый неправительственный орган. Однако по итогам кризиса его работа была признана неэффективной. Управление планируется упразднить, ему на смену придут три регулятора.

В Германии, напротив, созданное в 2002 г. Федеральное агентство по финансовому надзору – независимый регулятор финансовых рынков и институтов – сохранил и даже расширил свои полномочия по регулированию финансовых рынков. Денежно-кредитная администрация Сингапура осуществляет функции центрального банка и единого регулятора финансовых рынков. В Дубае единым регулятором является Ведомство по финансовым услугам Дубая – независимое агентство, использующее международное право. Централизация функций регулятора позволила всем вышеперечисленным финансовым центрам добиться прозрачности регулирования и эффективности надзора за участниками рынка.

В США регулированием финансовых рынков занимается ряд органов: Комиссия по торговле ценными бумагами, Комиссия по срочной биржевой торговле, Федеральная резервная система, Офис контролера казначейства, Федеральная корпорация страхования вкладов, Федеральное агентство жилищного финансирования и др. Кроме того, регулирование страхового рынка в США – прерогатива штатов, в связи с чем в каждом штате действует свое законодательство в страховой сфере, единого национального регулятора не существует.

Совершенствование налогообложения

Создание МФЦ требует совершенствования налоговой системы Российской Федерации как в целях устранения в законодательстве неясностей и пробелов, которые могут препятствовать развитию финансовой инфраструктуры, инструментария финансового рынка и/или расширению круга участников финансового рынка, так и в целях обеспечения конкурентоспособности по сравнению с иностранными финансовыми центрами. Конкурентоспособности необходимо добиваться по следующим параметрам:

– оптимальный общий уровень налоговой нагрузки на инвесторов (в процентах от прибыли компании);

– эффективность налогообложения операций с ценными бумагами и других финансовых операций;

– простота, прозрачность и стабильность законодательства в сфере налогообложения;

– эффективность налогового администрирования;

– заключение и применение международных соглашений об избежании двойного налогообложения.

Общая налоговая нагрузка на компании в России составляет, по разным оценкам, от 32 % до 51 % прибыли компании, что уже выше, чем в США (24 %) и примерно соответствует уровню налогообложения в развитых странах Европы, где он в некоторых странах (например, в Германии) превышает 40 %.

Необходимо также отметить, что реальная фискальная нагрузка на бизнес в России существенно превышает аналогичный показатель в таких МФЦ, как Гонконг, Сингапур и Дубай, представляющих собой рынки с льготным налогообложением.

Налоговые ставки приблизились к критической величине, их дальнейшее повышение приведет к подавлению развития экономики и сокращению налоговой базы. Кроме того, в качестве серьезных недостатков налоговой системы России, согласно исследованиям международной консалтинговой компании Oliver Wyman Finance Services, инвесторы называют сложность составления отчетности и осуществления налоговых расчетов, неоднозначность толкования правил налогообложения, нестабильность налогового законодательства.

При формировании подходов к налогообложению операций на финансовом рынке необходимо учитывать специфику указанных операций, которая связана со следующими факторами:

– высокая мобильность финансового капитала;

– валовый объем операций значительно превышает показатели прибыли, в связи с чем обоснованным является налогообложение сальдированных результатов;

– сложность финансовых инструментов, особенно производных, что требует наличия квалифицированных специалистов в сфере применения налогового законодательства, а также единообразного толкования спорных вопросов.

Совершенствование налогового законодательства в сфере финансового рынка необходимо осуществлять по следующим основным направлениям:

– стимулирование долгосрочных инвесторов, в том числе частных и институциональных;

– стимулирование эмитентов к размещению и обращению финансовых инструментов в рамках МФЦ;

– создание благоприятных условий для профессиональных участников финансового рынка;

– поддержка связанных с МФЦ финансовых секторов, таких как управление активами, лизинг, факторинг, платежные системы;

– повышение эффективности налогового администрирования.

Дальнейшее совершенствование налогообложения операций на финансовом рынке должно осуществляться на основе баланса между стимулированием развития финансового рынка и соблюдением мак-

роэкономической стабильности, обеспечивающей развитие всех секторов экономики страны.

РОССИЙСКИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ. РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Политика агрессивного экономического давления в виде прямых ограничений, главным образом экономического и политического характера, для постсоветской России – это новая веха противостояния между стремительно набирающей темпы экономического роста и политического единства России и Соединенными Штатами Америки.

Такая радикальная форма реакции на участие России в разрешении кризиса в Украине и на недопущение его дальнейшей эскалации не оставила больше никаких сомнений в том, что это исторически сложившееся блоковое противостояние никогда не прекратит своего существования. Оно способно только лишь к изменению степени своего накала, что в конечном итоге выражается в масштабах и чувствительности мер воздействия друг на друга во всех областях межгосударственных сношений. На современном этапе наблюдается крайняя степень напряженности, требующая «переоценки ценностей» и осознания необходимости диверсификации экономики не только с позиции фундаментальной экономической науки, – о чем знали и говорили все, кто имеет отношение к экономике уже давно, – но и реального понимания, что Россия как мировая держава должна быть готова в любой момент обеспечить основные жизненно необходимые потребности своего населения без любой формы участия США и их политических сателлитов. Иной путь – это путь вассала, о неприемлемости которого неоднократно заявляло высшее руководство страны.

Как известно, транснациональные корпорации являются крупнейшими налогоплательщиками, работодателями, импортерами валюты, потребителями инвестиционных товаров и услуг. Используя данные преимущества, крупнейшие российские компании оказывают значительное влияние на весь воспроизводственный процесс в национальной экономике. Российские транснациональные корпорации (далее – ТНК) все больше и больше влияют на функционирование

транснациональной системы хозяйствования. Они являются основными поставщиками природных ресурсов для ряда экономик, мотивируя развитие внутринациональных хозяйственных отношений данных стран, а в ряде случаев непосредственно обеспечивая их энергобезопасность.

Российские ТНК преимущественно нефтегазовой и металлургической отраслей российской экономики на современном этапе её развития и, особенно в сложившихся условиях внешнеполитического и внешнеэкономического разлома, оказались в роли не просто представителей крупного российского бизнеса, они стали квазисубъектами российской внешнеэкономической политики. Безусловно, такой взгляд на роль и значение отечественных ТНК известен российской науке [24], но вместе с тем в условиях политической стабильности их задача в таком амплуа состоит только лишь в координации своей деятельности как на внутреннем, так и на внешних рынках со стратегическими интересами страны в целом. Несмотря на уплату ренты за право разработки недр в виде налога на добычу полезных ископаемых (далее – НДПИ) и экспортной пошлины за право продажи природных ископаемых на внешних рынках, компании остаются в определенном смысле «торговыми представителями» России на мировых рынках полезных ископаемых. В условиях же экономического давления на национальную экономику ТНК приобретают статус стратегического партнера национального правительства и проводника его решений в сферах своего влияния.

Вместе с тем, принимая во внимание зависимость российской экономики от экспорта энергоресурсов и продуктов черной и преимущественно цветной металлургии, от эффективности деятельности национальных ТНК зависит пополняемость доходной части федерального бюджета. Во многом данная зависимость определяет эффективность западных санкций и, соответственно, актуальность настоящей статьи.

НДПИ и экспортная пошлина занимают лидирующее место в системе российских налогов с точки зрения их значения для федерального бюджета.

До введения экономических санкций в 2013 г. доля экспортной пошлины в структуре налоговых доходов консолидированного бюджета составляла 19 %, а доля НДПИ 40 % (см. табл. 1, 2).

Для российских ТНК энергетического сектора экономики эти два вида налогов образуют основную налоговую нагрузку. Средняя доля расходов ТНК на их оплату равна 30 %, (см. табл. 3).

Под воздействием санкций Правительство Российской Федерации провело реформу налогообложения компаний, добывающих полезные ископаемы, которая получила название «налоговый маневр».

Таблица 1
ДОЛЯ НДПИ В НАЛОГОВЫХ ДОХОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА (ФБ) РФ

Доходы ФБ	2010	2011	2012	2013
Налоговые доходы, *млрд руб.*	3172	4477	6759	4458
НДПИ, *млрд руб.*	1376	2007	2420	1640
Удельный вес, *%*	43,4	44,9	35,8	36,8

Источник: таблицасоставлена автором на основе данных Министерства финансов Российской Федерации // http://budget.gov.ru [дата обращения: 20 июня 2015 г.].

Таблица 2
ДИНАМИКА НЕФТЕГАЗОВЫХ ДОХОДОВ ФБ РФ

Показатель	2011	2012	2013	2014
НДПИ при добыче нефти, *млрд руб.*	1 799,63	1 779,65	1 826,23	2 003,27
НДПИ при добыче природного газа, *млрд руб.*	138,28	275,84	339,46	372,87
НДПИ при добыче газового конденсата, *млрд руб.*	8,21	11,18	11,80	12,80
Вывозные таможенные пошлины на нефть, *млрд руб.*	2 211,36	2 088,65	2 034,57	2 191,12
Вывозные таможенные пошлины на газ, *млрд руб.*	394,10	485,84	534,46	593,11
Вывозные таможенные пошлины на нефтепродукты, *млрд руб.*	910,47	933,70	899,30	954,06
Итого:	5 461,96	5 574,87	5 645,82	6 127,22

Источник: таблица составлена автором на основе данных Министерства финансов Российской Федерации. URL: http://budget.gov.ru [дата обращения: 20 июня 2015 г.].

Таблица 3

НАЛОГ НА ДОБЫЧУ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ И ЭКСПОРТНАЯ ПОШЛИНА, УПЛАЧЕННАЯ РОССИЙСКИМИ НЕФТЯНЫМИ ТНК В 2013 Г., в млрд руб.

Компания	НДПИ	Экспортная пошлина
«Роснефть»	750,5	567,2
«Лукойл»	520,8	459,01
«Газпромнефть»	347,3	295,3
«Татнефть»	105,2	199,3
«Славнефть»	50,6	119,3
«Башнефть»	63,7	81,2

Источник: таблица составлена автором на основе: веб-сайт ОАО «Роснефть» // http://www.rosneft.ru [дата обращения: 16 июня 2015 г.]; веб-сайт ОАО «Лукойл» // http://www.lukoil.ru [дата обращения: 16 июня 2015 г.]; веб-сайт ОАО «Газпромнефть» // http://www.gasprom-neft.ru [дата обращения: 16 июня 2015 г.]; веб-сайт ОАО «Славнефть» // http://www.slavneft.ru [дата обращения: 16 июня 2015 г.]; веб-сайт ОАО «Башнефть» // http://www.bashneft.ru [дата обращения: 16 июня 2015 г.].

Как отмечают эксперты, главные изменения структуры налоговых доходов федерального бюджета связаны с реализацией начиная с 2015 г. налогового маневра, а именно быстрого роста поступлений налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) при существенном снижении поступлений доходов от внешнеэкономической деятельности – экспортной пошлины.

Прогнозируется, что поступление НДПИ ежегодно будет возрастать с 3,8 % ВВП в 2013 г. до 6,2 % ВВП в 2017 г., при этом доля НДПИ в налоговых доходах бюджета будет увеличиваться с 22,3 % в 2014 г. до 36,4 % в 2017 г. Такие прогнозы связаны, прежде всего, с повышением ставок НДПИ на нефть и газовый конденсат. Вместе с тем на фоне увеличения налоговых поступлений от добычи энергоносителей прогнозируется сокращение поступления экспортной пошлины с 7,5 % ВВП в 2013 г. до 3,7 % ВВП в 2017 г., что приводит к снижению их доли с 40,3 % в 2014 г. до 21,7 % в 2017 г. Это происходит главным образом вследствие снижения вывозных таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты как за счет снижения ставок, так и за счет сокращения объемов экспорта. Начиная с 2015 г. прогнозируется значительный рост поступлений НДПИ за счет повышения базовой ставки НДПИ на нефть и газовый конденсат, а также за счет разницы валют-

ных курсов на фоне ослабления курса рубля по отношению к доллару. Негативным фактором для поступлений НДПИ является уменьшение объемов добычи нефти и снижение экспортной цены на нефть и газ. В результате доходы федерального бюджета по итогам января – апреля 2015 г. составили 21,2 % ВВП (4548,0 млрд руб.), что на 0,6 % ВВП ниже их значения за аналогичный период 2014 г.

В номинальном выражении доходы федерального бюджета за четыре месяца текущего года по сравнению с январем – апрелем предыдущего года сократились на 206,3 млрд руб. или на 4,3 %. Снижение произошло за счет нефтегазовой составляющей доходов: за четыре месяца 2015 г. относительно соответствующего периода 2014 г. на 2,1 % ВВП до 9,4 % ВВП (2018,5 млрд руб.) или в абсолютном выражении на 498,1 млрд руб.

В структуре доходов федерального бюджета от внешнеэкономической деятельности отмечается существенное сокращение поступлений от вывозных пошлин на сырую нефть на 44,3 % в январе – апреле 2015 г. относительно соответствующего периода предыдущего года (или на 1,7 % ВВП), при общем сокращении объема поступлений от экспортных пошлин на 37,7 %.

Поступления НДПИ в долях ВВП продолжили рост относительно соответствующего периода предыдущего года: если по итогам трех месяцев 2015 г. доходы федерального бюджета по НДПИ выросли на 0,2 % ВВП или на 8,6 % по сравнению с январем – мартом предыдущего года, то по итогам четырех месяцев текущего года прирост составил 0,6 % ВВП или 10,1 % относительно января – апреля предыдущего года. Возросла и значимость НДПИ для федерального бюджета: если в январе – апреле 2014 г. поступления НДПИ составляли 20,5 % в общем объеме доходов федерального бюджета, то за январь – апрель 2015 г. – уже 23,5 %.

Эксперты мотивируют наблюдаемое сокращение доходов федерального бюджета по вывозным таможенным пошлинам от нефти и нефтепродуктов и увеличения поступлений НДПИ налоговым маневрированием, предусматривающим снижение предельной ставки вывозной таможенной пошлины на нефть с 59 % в 2014 г. до 30 % в 2017 г. при постепенном повышении налога на добычу полезных ископаемых с 493 руб./т в 2014 г. до 919 руб. в 2017 г. По расчетам Института Гайдара, цены на нефть будут варьировать в диапазоне 60–100 долл./барр., доля экспортной пошлины в цене на нефть сократится с 41–48 % в 2014 г. до 31–36 % в 2015 г. и 24–27 % в 2017 г., в то время как НДПИ станет выполнять основные функции налогового регулирования в секторе [14].

Также отмечается, что по итогам четырех месяцев текущего года:

– компенсирующего эффекта для доходной части федерального бюджета от увеличения ставок НДПИ при сокращении экспортных

пошлин пока не наблюдается; при снижении поступлений от экспортных пошлин на нефть в январе – апреле 2015 г. на 1,7 % ВВП поступления по НДПИ выросли только на 0,6 % ВВП по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года;

– в условиях снижения мировых цен на нефть, и из-за особенностей расчетов экспортных пошлин на нефть, нефтепродукты и НДПИ, налоговая нагрузка у ведущих российских компаний нефтяного сектора увеличится. По данным финансовой отчетности Роснефти, за 1-й квартал 2015 г. доля налогов, включаемых в себестоимость продукции (в том числе НДПИ) в общем объеме себестоимости выросла до 13,39 % с 10,2 % за первый квартал предыдущего года [14].

Вместе с тем следует отметить, что налоговое маневрирование дает свои определённые плоды при сохранившихся уровнях присутствия российских ТНК на рынках США и Западной Европы. Мирохозяйственные связи лидеров нефтегазовой и горнодобывающей отраслей России пока ещё имеют в структуре своего экспорта преобладающее участие заокеанских партнеров, благодаря которым ТНК обеспечивали и продолжают обеспечивать высокие показатели экспортной пошлины и налога на добычу полезных ископаемых в структуре налоговых доходов консолидированного бюджета страны.

Так, лидер нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего сектора российской экономики – компания «Роснефть» в 2014 г. увеличила объем экспорта сырой нефти на 46,5 %, который составил 97,3 млн т, на 50,1 % вырос объем экспорта нефтепродуктов и составил 50,6 млн т. Выручка от реализации нефти и нефтепродуктов выросла на 52 % и составила 4 694 млрд руб. [18]. Основной экспорт осуществлялся в страны Европы и США.

Нефтяная компания «Лукойл» – крупнейшая частная нефтяная компания России – помимо иных лидирующих позиций, является наиболее глобальной, с позиции географии своего присутствия, транснациональной компанией России. В 2013 г. компания экспортировала нефти 31,8 млн т, при этом за последние пять лет в общем объеме продаж нефтепродуктов компании наблюдается отрицательная динамика. Так, в 2012 г. объем экспорта был равен 34,8 млн т. В предыдущие периоды этот показатель был еще меньше. Рынки США и Европы являются основными потребителями продукции компании [17].

Объединенная компания «РУСАЛ» – лидер мировой отрасли цветной металлургии. Компания с трудом смогла выйти из состояния глубокой рецессии, в которой оказалась после финансового кризиса 2008–2009 гг. Только по итогам календарного 2014 г. компания получила чистую прибыль в размере 293 млн долл. против 3,3 млрд долл. убытка в 2013 г. [18].

В 2011 г. ОК «РУСАЛ» приобрела 27,8 % обыкновенных и привилегированных акций ОАО «ГМК «Норильский никель», что позволило

компании, во-первых, стать частью крупнейшего мирового холдинга в своей отрасли и, во-вторых, за счет доходности от владения акциями покрывать колоссальные размеры своей кредиторской задолженности. В настоящее время компания восстановила свои макроэкономические позиции. В 2014 г. выручка компании составила 9,357 млн долл., из которых 7,564 млн долл. – доля от экспорта своей продукции. География продаж компании очень обширна (см. табл. 4).

Вместе с тем, несмотря на положительное сальдо компании, начиная с 2011 г. общий объем продаж и объем экспорта, в частности, снижаются, и за период с 2011 г. по 2014 г. экспорт компании сократился на 22 % [19].

ОАО «ГМК «Норильский никель» – мировой лидер по производству никеля и палладия – после финансового кризиса избавился от некоторых зарубежных активов в Австралии и Южной Африке, и до настоящего времени руководство компании ведет политику выхода из непрофильных зарубежных активов.

В январе текущего года была продана золоторудная компания в Австралии – SaracenMetalsPtyLtd. На сегодняшний момент компания владеет заводом по рафинированию никеля в Финляндии – Norilsk Nickel Harjavalta – и контрольными пакетами акций компаний в Ботсване – TatiNickelMiningCompany (85 % акций) и компании в ЮАР – Nikomati (50 % акций).

Таблица 4

ОБЪЕМ ЭКСПОРТА ГРУППЫ КОМПАНИЙ «РУСАЛ» ЗА 4-Й КВАРТАЛА 2014 Г.

№	Страна – импортер компании	Доля выручки компании на отчетный период, %	Доля выручки компании на отчетный период, млн долл.
1.	Голландия	17	1,285
2.	Германия	2	0,151
3.	Греция	3	0,226
4.	Италия	2	0,151
5.	КНР	1	0,075
6.	Норвегия	2	0,151
7.	Польша	3	0,226
8.	США	10	0,756
9.	Турция	10	0,756
10.	Швеция	2	0,151
11.	Южная Корея	6	0,453
12.	Япония	9	0,680
13.	Остальные страны	12	0,907

Источник: веб-сайт ОАО «РУСАЛ» // http://www.rusal.ru/upload/uf/ 27b/ RUSAL% 204Q%20results%20final%20_rus_.pdf [дата обращения: 10 мая 2015 г.].

В январе текущего года была продана золоторудная компания в Австралии – SaracenMetalsPtyLtd. На сегодняшний момент компания владеет заводом по рафинированию никеля в Финляндии – Norilsk Nickel Harjavalta – и контрольными пакетами акций компаний в Ботсване – TatiNickelMiningCompany (85 % акций) и компании в ЮАР – Nikomati (50 % акций). В 2014 г. объем выручки компании по сравнению с 2013 г. вырос и составил 11 869 млн долл. Особо следует отметить, что 90 % продаж компании пришлось на внешние рынки. Структура экспорта «Норильского никеля» в отчетном периоде была следующая: 50 % – европейские рынки, 32 % – рынки Азии, 9 % – рынки Северной Америки [16].

ОАО «Северсталь» – представитель российской металлургической отрасли промышленности, с наименьшими потерями прошедшая испытание финансового кризиса, и миновавшая глубокие, структурные корпоративные реформы, что ей позволило планомерно развиваться, минуя корпоративные конфликты.

Основные иностранные активы компании расположены в США, и небольшая часть в Западной Африке – Либерии.

По итогам 2014 г. доходность компании снизилась по сравнению с предыдущим отчетным периодом на 1,138 млрд долл. и составила 8,296 млрд долл., при этом также снизилась доля экспорта, которая составила 30 %. В 2013 г. эта доля была равна 55 %. Падение экспорта обусловлено экономическими санкциями, из-за которых резко сократились продажи компании на рынках Северной Америки. Падение по сравнению с 2013 г. составило 27 %.

География продаж компании распространяется на европейский (21 %), североамериканский (3 %), центральновосточный (3 %) и иные регионы (7 %) [20].

Группа компаний «ЕВРАЗ» – крупный российский металлургический холдинг, – владеющий иностранными профильными активами в Северной Америке и Южной Африке. Общий объем выручки компании в 2014 г. составил 13,1 млрд долл. и по сравнению с показателями прошлого года сократился на 9 %. Доля экспорта в объеме продаж компании составила 30 %. В структуре экспорта компании большую часть занимают европейский рынки – 45 %, на североамериканских рынках было продано 33 %, на рынках Азии – 12 % и на долю Африки пришлось 7 % от всего объема продаж [15].

«Новолипецкий металлургический комбинат» – 4-я в мире компания – производитель трубной продукции и металлопроката. Компания имеет профильные активы в США, Германии, Бельгии, Франции, Италии. В 2014 г. компания получила выручку от реализации продукции в размере 10,396 млрд долл., что меньше показателя 2013 г. на 0,513 млрд долл.

Доля экспорта компании в структуре доходов в отчетном периоде составила 57 %. Основными потребителя продукции компании в 2014 г. были страны Европейского союза (19 %), Северной Америки (18 %), средневосточного региона (7 %), Юго-Восточной Азии (3 %), остальные страны (10 %) [21].

ОАО «Трубная металлургическая компания» – ведущая российская ТНК по производству трубной продукции для предприятий нефтегазового сектора мировой экономики. Компания имеет производственные активы и торговые дома в: США, Канаде, Германии, Италии, Швейцарии, Румынии, Сингапуре, Омане, Китае, Южной Африке, Казахстане, Туркменистане и Азербайджане.

Общая выручка компании в 2014 г. составила 6,009 млрд долл., что на 10 % меньше показателей 2013 г., из которой экспортная выручка – 2,036 млрд долл. (43 %). Структура экспорта имела следующую сегментацию: на долю США пришлось 29 % продаж, в Европе было продано – 7 %, в Центральной Азии – 3 %, на Дальнем Востоке – 3 %, в остальных странах – 1 % продукции компании [4].

Российские ТНК первыми среди остальных представителей российского бизнес-сообщества ощутили на себе последствия экономических санкций. Как отмечают эксперты, ведущие российские компании, которые до последнего пытались продемонстрировать хладнокровие перед лицом санкций, в конце концов, вынуждены были признать их действие. Так, заместитель гендиректора «Лукойла» Леонид Федун сделал откровенное признание в интервью Financial Times: под влиянием санкций велика вероятность сокращения добычи нефти в России, она может упасть на 7 % в год. До такого уровня она опустится не сразу, а в течение четырех-пяти лет, но сокращение начнется уже со следующего года [26].

«Роснефть» также вынуждена была признать влияние санкций. В конце лета Игорь Сечин попросил выделить 1,5 трлн руб. из Фонда национального благосостояния. Официальное обоснование – освоение газа в Восточной Сибири и строительство нефтехимического комплекса на Дальнем Востоке. Про санкции тогда не было сказано ни слова. Но уже в октябре тональность поменялась. Увеличилась и запрашиваемая сумма: на этот раз 2 трлн руб. (это половина имеющихся в ФНБ средств), необходимые из-за действия санкций и невозможности рефинансировать долг компании в западных банках [26].

Ряд экспертов не исключают введения санкций и в отношении российских представителей металлургической промышленности. Как отмечается, учитывая, что крупнейшие российские металлургические компании – НЛМК, «Северсталь», «Мечел», Evraz, ТМК, ОМК владеют активами за рубежом, в частности, в США, на первый взгляд, эффект от возможных санкций может показаться ощутимым. Вместе

с тем аналитики Morgan Stanley спешат успокоить инвесторов: санкции против российских металлургических компаний, занимающих лидирующие позиции на рынке никеля и платиноидов маловероятны, поскольку если все-таки санкции будут введены, то российские металлурги смогут уйти на другие рынки и заработать на ценах, которые вырастут в такой ситуации. С ними могут заработать и инвесторы [22].

Кроме этого, в случае новых санкций неизбежно значительно вырастут цены, что выгодно для российских компаний, а свои поставки они перенаправят на другие направления – в Азию, Китай, на Ближний Восток и в Латинскую Америку. Такой сценарий полностью не устраивает западных инициаторов санкционной политики в отношении России.

Таким образом, совершенный «налоговый маневр» эффективен только лишь при сложившихся фундаментальных факторах. Вместе с тем не стоит тешить иллюзии, что принятый третий энергопакет санкций – это апогей возможного давления на энергетический сектор национальной экономики. Конечная цель – исключить Россию из числа возможных партнеров запада в этом и других направлениях. Энергетический сектор, а особенно нефтяной, наиболее уязвим. Лишение России своей доли на западных рынках нефти и нефтепродуктов не влечет прямой угрозы мировой и даже европейской энергобезопасности. Соответственно, с высокой долей вероятности можно утверждать, что давление продолжится, и тогда налоговое маневрирование станет малоэффективным.

В качестве генеральной линии развития экономической экспансии на внешние рынки российские ТНК взяли курс на дальнейшее покорение стран с формирующимися рынками (далее – рынки СФР). Таких, в частности, как рынков Юго-Восточной Азии, Южной Америки и Южной Африки.

Товарооборот России со странами данных регионов по основным показателям имеет положительную динамику. Так, например, в 2014 г. российско-китайский товарооборот увеличился на 6,8 % до 95 284,98 млн долл., в том числе экспорт России в КНР – 41 607,41 млн долл.(+4,9 %), импорт из КНР – 53 677,57 млн долл. (+8,2 %). Темпы прироста товарооборота в сравнении с 2013 г. увеличились на 5,7 п.п., в основном за счет российского экспорта (+15,2 п. п.).

Двусторонний товарооборот с Индией составил 9,5 млрд долл. США и уменьшился на 5,6 % по сравнению с 2013 г., при этом экспорт России в Индию – 6,3 млрд долл. США (9,2 %), импорт из Индии – 3,2 млрд долл. США (+2,6 %). Положительное сальдо России составило 3,1 млрд долл. США.

Российско-вьетнамский товарооборот увеличился на 8,5 % по сравнению с 2013 г. и составил 3,971 млрд долл., при этом российский

импорт во Вьетнам сократился на 1,1 %, а экспорт вьетнамских товаров в Россию увеличился на 14,3 %. Положительно сальдо Вьетнама в торговле с Россией составило 1,224 млрд долл. – рост на 38,4 % по сравнению с аналогичным показателем 2013 г.

Российская Федерация занимает 11-е место по объему товарооборота в общем торговом балансе Республики Корея, а её удельный вес, по данным Корейской ассоциации международной торговли (KITA), соответственно, составляет 2,1 %. Российский экспорт сохраняет сырьевую направленность, в нём доминируют энергоресурсы, в первую очередь нефть и нефтепродукты (77,2 %). Значительную часть экспорта составляют металлы и изделия из них (9,4 %) – в основном черные металлы, а также продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (8,3 %), при этом их основная доля приходится на рыбу и морепродукты. Объём российского импорта из Республики Корея за 2014 г. увеличился на 1,3 % и в стоимостном выражении составил 11,5 млрд долл.

Товарооборот России и ЮАР увеличился по сравнению с 2013 г. на 66,4 % и составил 965,1 млн долл. США, в том числе экспорт составил 278,7 млн долл. США (рост в 2,4 раза), импорт – 686,3 млн долл. США (прирост на 47,5 %). Отрицательное сальдо России в торговле с ЮАР составило 407,6 млн долл. США [12].

Недавно прошедший Международный экономический форум в Санкт-Петербурге прошел под лозунгом: «Идем на Восток». Представители практически всех российских ТНК презентовали общественности свои проекты на Юго-восточном и Ближневосточном направлениях, и особо следует отметить лидеров российского бизнеса компании: «Газпром» «Роснефть», «Лукойл», которые в отчетах о деятельность за 2014 г. обнародовали свою политику развития сотрудничества с партнерами из данной группы стран. Так, компания «Газпром» подписала долгосрочный контракт на поставку газа в Китай с компанией China National Petroleum Corporation (CNPC). Контракт сроком на 30 лет предусматривает экспорт в Китай 38 млрд куб. м российского газа в год [1].Также представители компании утвердили технико-экономическое обоснование проекта по строительству Тяньцзиньского НПЗ.

«Лукойл» планирует нарастить свои усилия в направлении освоения месторождения в Ираке – Западная Курна-2. «Роснефть» подписала с компанией Petróleos de Venezuela, Sociedad Anonima (PDVSA) из Венесуэлы соглашение о создании совместного предприятия с целью оказания инжиниринговых и строительных услуг по созданию объектов нефтяной инфраструктуры.

Таким образом, актуальным и даже судьбоносным для экономики России становиться вопрос о перспективах увеличения присутствия

российских ТНК на формирующихся рынках. Получит ли бюджетная система страны в результате диверсификации инвестиционной политики природоресурсной отрасли равный или больший объем налоговых доходов или же уровень нефтегазовых доходов существенно сократится, а пополняемость будет обеспечиваться посредством главного приоритета национальной внутренней экономической политики – импортозамещения?

Вторая часть вопроса выходит за рамки данного исследования, но принимая во внимание заявления Президента Российской Федерации, сделанные в рамках послания Федеральному Собранию Российской Федерации [13] и Председателя Правительства Российской Федерации в недавнем отчете перед депутатами Государственной Думы Российской Федерации [10], именно на развитие внутренней экономики возлагаются большие надежды.

На вопрос о диверсификации ряд ведущих экспертов дают утвердительный ответ. Так, глава «Газпрома» Алексей Миллер, выступая на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге, заявил: «Без сомнения, надо понимать, что в самой ближайшей перспективе фактором ценообразования на европейском рынке станет азиатский рынок как таковой. Это объективная реальность, и это надо понимать» [8].

По мнению профессора Кузнецова А. В., развязанная США, ЕС и их союзниками «война санкций» против России резко усилила актуальность задачи географической диверсификации торгово-инвестиционных связей нашей страны. Наряду с активизацией азиатского вектора внешнеэкономических отношений следует оценить перспективы увеличения товарооборота с Латинской Америкой. Однако в анализе потенциала хозяйственных связей России с этим регионом нельзя ограничиваться лишь внешней торговлей – пока российские компании явно недооценивают инвестиционную привлекательность стран Латинской Америки и Карибского бассейна [7].

Рынки развивающихся стран давно стали объектом не только пристального внимания со стороны национальных монополистов, но и внешнеэкономической экспансии. С позиции стратегических интересов, первым направлением деятельности российских ТНК являются страны АТЭС. Рынки этих стран давно заявили о себе как о перспективных участниках мировой торговли. Торговый оборот России с данной группой стран в 2014 г. составил 208 466,3 млн долл. Доля экспорта в нем составила 99 314,6 млн долл. [12].

Основные представители российского крупного бизнеса имеют опыт работы на данном направлении и пытаются укрепить свои позиции.

Говоря о конкретных проектах, следует отметить деятельность следующих национальных ТНК.

Компания «Лукойл» наращивает объемы запасов нефти за счет реализации международных проектов в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, Египте, Венесуэле и Ираке (см. табл. 5).

Таблица 5

ДОКАЗАННЫЕ ЗАПАСЫ УГЛЕВОДОРОДОВ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОЕКТАМ, в млн баррелей

Территория реализации проекта	2010	2011	2012	2013	2014
Азербайджан	65	54	61	66	148
Казахстан	797	721	594	492	463
Узбекистан	828	795	792	860	939
Египет	8	7	6	6	7
Венесуэла	–	–	2	6	–
Ирак	62	64	165	184	202

Источник: таблица составлена автором по данным: http://www.lukoil.ru/ materials/doc/AGSM_2015/DB_Book_rus_2505.pdf

Анализ данных табл. 5 позволяет сделать вывод о том, что в общей массе международных проектов ТНК в странах с развивающимися рынками около 90 % сосредоточены в среднеазиатском регионе. Из них около 50 % – доля на рынке Узбекистана, около 27 % – доля на рынке Казахстана и около 9 % – доля на рынке Азербайджана.

Следует отметить, что объем запасов, принадлежащих компании, в несколько раз меньше объемов на территории России, но вместе с тем на территории развитых рынков Европы и Северной Америки компания вообще не владеет правами на разработку месторождений.

Компания «Роснефть» представлена на развивающихся рынках таких стран, как Венесуэла, Бразилия и Индия. На территории Венесуэлы компания обладает правами на геологоразведку и добычу углеводородов. Объем добычи нефти на территории данного государства в 2014 г. составил 1,6 млн т. К 2019 г. компания планирует довести уровень добычи до 8 млн т [18].

В 2014 г. компания приобрела восемь компаний, входящих в группу Weatherford, занимающихся бурением и ремонтом скважин в России и Венесуэлы. По мнению экспертов компании, реализация дан-

ного соглашения позволит «Роснефти» укрепить позиции на мировом рынке буровых услуг. Также «Роснефть» подписала с компанией Petróleos de Venezuela, Sociedad Anonima (PDVSA) из Венесуэлы соглашение о создании совместного предприятия с целью оказания инжиниринговых и строительных услуг по созданию объектов нефтяной инфраструктуры [18].

«Норильский никель» не занимается добычей руды на территории развивающихся рынков, однако, имея очень широкую географию продаж – более, чем в 40 странах, через свои дочерние компании: NorilskNikelAsia (Гонконг) и NorilskNikel КНР (Пекин) реализует свою продукцию на рынке Юго-Восточной Азии. Также компания поставляет свою продукцию в Австралию и Ботсвану [16]. Вместе с тем прослеживается отрицательная динамика объемов продаж продукции компании (никеля, меди, палладия, платины) на данных рынках. Так, например, в 2014 г. на рынок Австралии поставок не было, тогда как в 2013 г. было поставлено 2 тыс. т никеля, а в 2012 г. – 6 тыс. т.

В общем объеме продаж компании «РУСАЛ» поставки на рынки СФР занимают незначительную долю. С позиции географии продаж в СФР, в 2014 г. компания продавала алюминий в Китай (1 %) и Южную Корею (6 %). Справедливости ради надо отметить, что 12 % продаж относится к остальным странам, среди которых, вероятно, присутствуют страны с формирующимися рынками. Общий объем продаж компании хоть и незначительно, но сократился – выручка компании в 2014 г. сократилась по сравнению с прошлым годом на 0,27 млн долл. Выручка от внешнеторговой деятельности сократилась на 0,133 млн долл. [19].

«Новолипецкий металлургический комбинат» в 2014 г. отчитался об увеличении внешней выручки на 20 %. Динамика роста в тоннах продукции составила 0,47 млн т. Всего в 2014 г. на внешних рынках компанией было продано 15,13 млн т продукции, из них на рынках Юго-Восточной Азии около 1 млн т, на рынке стран ближневосточного региона – 1,01 млн т, на иных рынках – 1,43 млн т. Львиная доля продаж продукции компании относится к рынкам США и ЕС [21].

В 2013 г. продажи компании, на фоне меньшего общего объема продаж в целом, на рынках Юго-Восточной Азии и ближневосточного региона были больше [43].

Для одного из национальных лидеров по производству металлопроката – холдинговой группы «ЕВРАЗ» – рынок Азии является вторым (после рынка США) зарубежным рынком по объему реализации своей продукции. Его доля в прошлом году была равна 15 %. На рынки Африки компания поставила 3 % своей продукции. С 2012 г. у компании наблюдается незначительное сокращение прибыли по итогам года. В 2014 г. консолидированная выручка составила 13,061 млн долл., что на 1,35 млн долл. меньше показателей 2013 г.

«Магнитогорский металлургический комбинат» в 2014 г. увеличил долю экспорта своей продукции по сравнению с показателями 2013 г., которая составила 18 %. К числу рынков СФР, на которых представлена компания, относятся рынки СНГ, Средней Азии и Африки.

Следует отметить, что доля этих рынков в общем объеме экспорта компании составляет 93 %. Из них 45 % – рынки Средней Азии, 45 % – рынки стран СНГ и 10 % – рынки Африки [2].

«Трубная металлургическая компания» в 2014 г. существенно увеличила объемы экспорта на рынки СФР. По некоторым товарным позициям рост поставок составил более 100 % (см. табл. 6).

Таблица 6

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСТАВОК ОАО «ТМК» В 2013–2014 ГГ., в т

Завод – поставщик группы ТМК	Местонахождение покупателя	2013	2014	% увеличения
ОАО «Волжский трубный завод» (ВТЗ)	Вьетнам	6 854,96	15 544,32	126 %
	Мьянма	942,47	1 282,31	36 %
	Нигерия	2267,22	1404,41	-68 %
Итого ВТЗ		10 064,65	18 231,04	94 %
ОАО «Синарский трубный завод» (СИНТЗ)	Куба	109,43	0	–
	Вьетнам	0	1 182,63	100 %
Итого СИНТЗ		109,43	1 182,63	980%
ОАО «Таганрогский металлургический завод» (ТАГМЕТ)	Вьетнам	1 100,70	220,06	-80 %
	Нигерия	54,49	159,27	292 %
	Мьянма	0	1 666,16	100 %
	Тайланд	0	377,19	100 %
Итого ТАГМЕТ		1155,19	2422,68	94 %
ОАО «Орский металлургический завод» (ОМЗ)		146,01	0	–
Итого ОМЗ		146,01	0	
Итого по группе		114 75,28	218 36,35	103,6 %

Таким образом, подводя итог, следует сделать следующие выводы. Диверсификация внешнеторговой деятельности российских игроков глобальных рынков в условиях политики экономического «выдворения» национальных компаний с мировых торговых площадок является логичной и необходимой реакцией. Более того, такое изменение ориентиров дальнейшего усиления макроэкономических позиций было начато до введения экономических санкций, причиной которого является современная геополитическая ситуация в мире. Не для кого не секрет, что мировые гегемоны исчерпали свои ресурсы экономического роста, в связи с чем нуждаются в получении новых территорий для пополнения своей ресурсной базы и организации там торговых правил, понятных и, самое главное, подконтрольных их воле. Россия, понимая происходящее, за последние 10 лет эффективно решала свои стратегические задачи, чем очень сильно раздражала своих западных партнеров, как показал опыт, не способных «сдерживать эмоции» в процессе международных сношений по ключевым вопросам структуры мирохозяйственных связей.

В результате мы наблюдаем ситуацию обиженного Запада, который на зло России и в ущерб своим интересам бросает начатые совместные проекты, находящиеся на разных стадиях своего развития и забирает свои технологии с целью лишить Россию возможности самостоятельно закончить начатое и не допустить начала новых российских проектов – третий энергопакет санкций.

Вместе с тем проведенный анализ показал, что российские ТНК, обратившиеся к партнерам с Юго-Восточной Азии и Южной Америки, стран Карибского бассейна, имеют большие шансы на успех, но ответ на главный вопрос о перспективах бюджетной системы в связи с таким маневром представляется не столь однозначным. Анализ структуры экспорта «голубых фишек» российской экономики показывает, что США и особенно страны Европейского союза остаются основными донорами налоговых доходов консолидированного бюджета России, что не позволяет хлопать дверью в процессе энергодиалога и иных переговоров стратегического характера. ТНК как «агенты внешнеэкономической политики» России должны выполнять свою роль последовательно, несмотря на менторский тон западных коллег. Развитие отношений со странами СФР приносит свои плоды, а ряд компаний даже практически полностью переориентировали свои торговые связи на партнеров из данных стран. Но говоря о стратегических интересах России по максимизации национальных доходов, нет поводов впадать в эйфорию полного замещения Запада Востоком.

Литература:

1. «Газпром» и CNPC заключили тридцатилетний договор на поставку газа // http://russian.rt.com/article/32888 [дата обращения: 25 июня 2015 г.].

2. Веб-сайт ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» // http://www.mmk.ru [дата обращения: 6 июня 2015 г.].
3. Веб-сайт ОАО «Объединенная металлургическая компания» // http://www.omk.ru/ОМК [дата обращения: 14 апреля 2015 г.].
4. Веб-сайт ОАО «Трубная металлургическая компания» // http://www.tmk-group.ru [дата обращения: 13 апреля 2015 г.].
5. Заключение Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара на Проект федерального бюджета на 2015 г. и на плановый период 2016–2017 гг. www.ranepa.ru/news/.../4210_e35a8cf84d99d42dfb9e8c1fcd319af0.ht [дата обращения: 20 июня 2015 г.].
6. *Клычев Т. Ю.* Перспективы развития транснациональных корпораций на мировом рынке // Российское предпринимательство. – № 13(259). – С. 86–92.
7. *Кузнецов А. В.* География российских прямых инвестиций в Латинской Америке // Проблемы развития мирового хозяйства. – 2014. – № 3 (45). – С. 65.
8. Миллер: азиатский рынок газа станет ценообразующим для европейского // http://ria.ru/economy/20150413/1058274424.html [дата обращения: 25 июня 2015 г.].
9. Отчет о международных инвестициях в 2013 г. Международного валютного фонда // http://www.imf.org/external/pubs/ft/gfsr/2013/02/index.htm [дата обращения: 10 марта 2015 г.].
10. Отчет Правительства о результатах работы в 2014 г. // http://government.ru/news/17768 [дата обращения: 23 июня 2015 г.].
11. *Пономарев В.* Экспансия за рубеж // ExpertOnline. – 2012, 22 сентября [дата обращения: 8 мая 2015 г.].
12. Портал внешнеэкономической информации // http://www.ved.gov.ru/exportcountries/kr/kr_ru_relations/kr_ru_trade [дата обращения: 25 июня 2015 г.].
13. Послание Президента Федеральному Собранию // http://kremlin.ru/events/president/news/47173 [дата обращения: 23 июня 2015 г.].
14. Поступления НДПИ в долях ВВП продолжили рост // http://www.iep.ru/ru/postupleniia-ndpi-v-doliakh-vvp-prodolzhili-rost.html [дата обращения: 20 июня 2015 г.].
15. Результаты деятельности компании EVRAZ plc за 2014 г. // http://www.evraz.com/investors/interactive_pdf/indexPop.htm [дата обращения: 12 мая 2015 г.].
16. Результаты деятельности ОАО «ГМК «Норильский никель» за 2014 г. // http://www.nornik.ru/assets/files/GODOVOJ-OTChET-2014_Norilskij-nikel.pdf [дата обращения: 14 мая 2015 г.].
17. Результаты деятельности ОАО «Лукойл» за 2014 г. // http://www.lukoil.ru/materials/doc/Books/2014/DB_Book_rus.pdf [дата обращения: 12 мая 2015 г.].
18. Результаты деятельности ОАО «Роснефть» за 2014 г. // http://www.rosneft.ru/ attach/0/12/99/Rosneft_Q4_2014_IFRS_RUS.pdf [дата обращения: 10 мая 2015 г.].
19. Результаты деятельности ОАО «РУСАЛ» за 2014 г. // http://www.rusal.ru/upload/uf/27b/RUSAL%204Q%20results%20final%20_rus_.pdf [дата обращения: 12 мая 2015 г.].

20. Результаты деятельности ОАО «Северсталь» за 2014 г. // http://www.severstal.com/files/11460/Severstal%20-%20Q1%202015%20Presentation.pdf [дата обращения: 12 мая 2015 г.].
21. Результаты деятельности ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» за 2014 г. // http://nlmk.com/docs/tree/nlmk-presentation-cmd-2015---30-march-2015for-screen.pdf?sfvrsn=2 [дата обращения: 14 мая 2015 г.].
22. Санкции для металлургов: ответные действия не заставят себя долго ждать // http://gr-news.ru/branch/metallurgy [дата обращения: 21 июня 2015 г.].
23. Революционное десятилетие развивающихся рынков // веб-сайт ProgectSyndicate // http://www.project-syndicate.org/commentary/santiso1/Russian [дата обращения: 12 мая 2015 г.].
24. *Чуку Е. М.* Транснациональные корпорации как акторы международных энергетических отношений: автореф. дис. канд. полит. наук. – Москва: МГЛУ, 2013. – 24 с.
25. *Kunhardt J. B., Gutiérrez-Haces M. T.* Taking Advantage of the Crisis: The Performance of Mexican Multinationals during 2011. Report dated January 11, 2013 // http://www.vcc. columbia.edu. [дата обращения: 6 мая 2015 г.]
26. Financial Times // http://www.ft.com/home/europe [дата обращения: 21 мая 2015 г.].

Инновационные подходы к снижению рисков нерегулируемой трудовой миграции в контексте интеграции в евразийском экономическом сообществе

Место трудовой миграции в Евразийской миграционной подсистеме

Экономическая интеграция ЕВРАЗЭС является одним из основных ресурсов стратегического взаимодействия стран ЕЭП, а также Киргизии, Армении и Таджикистана. В 2013 г. Президент В. В. Путин также предложил включить в группировку Вьетнам. Экономическая интеграция служит базисом для развития трудовой миграции между странами – членами объединения. Трудовая миграция возникла и развивается на основе действия комплекса факторов: культурно-исторического; инфраструктурно-географического; экономического; социального и демографического. В масштабах группировки Россия и Казахстан являются реципиентами (принимающими странами), ос-

тальные государства – доноры трудовых мигрантов. Трудовая миграция является формой реального социально-экономического взаимодействия стран постсоветского пространства, способствует объединению стран (интеграции) [Ludema D., 1997; Рязанцев С. В., 2007]. Экономической интеграции стран также способствует либерализация внешней торговли, которая, в свою очередь, приводит впоследствии к усилению миграционного обмена между странами – членами группировки.

Между Россией и Казахстаном, с одной стороны, а также странами Центральной Азии, с другой стороны, сформировалась миграционная подсистема, характеризующаяся масштабными миграционными потоками и устойчивой географической направленностью. Из государств Центральной Азии происходит в последние десятилетия основной поток трудовых мигрантов в Россию и Казахстан. Кроме того, трудовая миграция «переплетается» и трансформируется в другие формы (миграцию на постоянное место жительства, брачную миграцию, учебную миграцию). Все чаще временные трудовые мигранты из стран Центральной Азии получают российское гражданство, остаются на постоянное место жительство в Российской Федерации.

В России и Казахстане отмечается сокращение численности и старение населения, что будет иметь ряд демографических, социально-экономических и геополитических последствий. Можно предполагать, что обострится дефицит на рынках труда, усилится конкуренция за трудовые ресурсы, активизируется трудовая миграция. Демографическая ситуация в странах Центральной Азии выглядит кардинально противоположной. До 2050 г. численность населения трудоспособного возраста будет увеличиваться: в Узбекистане – на 6,4 млн, Таджикистане – на 2,8 млн человек, Туркменистане – на 900 тыс., Кыргызстане – на 600 тыс. человек. Даже при ускоренном развитии экономики в этих государствах все трудоспособное население не может быть трудоустроено. Поэтому в ближайшей перспективе страны Центральной Азии будут оставаться наиболее вероятными миграционными донорами для России и Казахстана.

Миграционная активность населения в странах Центральной Азии в 2000–2010-е гг. Возросла и трансформировалась. Прежде всего, расширилась социальная база трудовой миграции – в миграционные потоки включились новые социально-демографические группы населения (жители сельских районов, небольших населенных пунктов, женщины, молодежь). Среди молодежи в странах Центральной Азии формируются жизненные стратегии на успех исключительно на основе трудовой эмиграции за границу. По данным официальной статистики в 2011 г. в России работали около 400 тыс. граждан Узбекистана, около 170 тыс. граждан Таджикистана, 65 тыс. граждан Кыр-

гызстана. Примерно 1–1,5 млн трудовых мигрантов работают у частных лиц на основе патентов. Большая часть из них также происходит из стран Центральной Азии. Исследования показывают, что также порядка 5–6 млн недокументированных трудовых мигрантов может находиться на российском рынке труда и от 500 тыс. до 1 млн на казахстанском рынке труда. Основная часть этих людей также выходцы из стран Центральной Азии, не прошедшие некоторых регистрационных процедур (регистрации по месту пребывания или не получившие разрешения на работу).

Социально-экономические последствия трудовой миграции для посылающих и принимающих стран

Страны Центральной Азии остаются основными поставщиками трудовых мигрантов в Россию, Казахстан и некоторые другие государства постсоветского пространства. Примерная численность трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, находящихся за пределами своих государств, составляет от 2,6 до 4 млн человек, что равно 10–15 % экономически активного населения этих стран. Значительные масштабы имеют денежные переводы, которые трудовые мигранты направляют в страны своего постоянного проживания. За период с 2007 г. по 2012 г. в Таджикистан было переведено трудовыми мигрантами 14,875 млн долл. США, в Армению – 7,494 млн долл. США, в Киргизию – 7,466 млн долл. США. При этом расходование полученных денежных переводов в странах приема является нерациональным – основная доля денежных средств в основном тратится на текущее потребление: питание, приобретение и ремонт жилья, товары широкого потребления, свадьбы и похороны. В редких случаях деньги вкладываются в развитие местной инфраструктуры (водопроводы, газопроводы, дороги и т. п.), малый бизнес, предпринимательство, инвестируются в производство, откладываются в виде сбережений. Таким образом, денежные переводы пока, к сожалению, не играют существенной роли в среднесрочном развитии экономик стран – доноров рабочей силы. Их эффекты носят краткосрочный характер (эффект «коротких денег»).

В результате трудовой миграции в России и Казахстане как в принимающих странах проявляются неоднозначные социально-экономические последствия. С одной стороны, мигранты заполняют многие непрестижные ниши на рынке труда с тяжелыми условиями работы, на которые не всегда соглашаются местные жители. За счет трудовых мигрантов развиваются целые отрасли экономики. Наглядным примером является строительная отрасль в крупных городах России, рост которой связан с использованием дешевой рабочей си-

лы из-за рубежа. В 2011 г. директор ФМС России К. О. Ромодановский отметил, что трудом рабочих-мигрантов создается 8 % ВВП России. Согласно экспертным оценкам, в Казахстане доля ВВП, создаваемого трудовыми мигрантами, составляет до 1 %. В то же время трудовая миграция имеет ряд негативных последствий для принимающих стран: стимулирует рост теневой экономики, демпинг уровня заработной платы, трансформирует этнический состав населения, формирует этнические анклавы, способствует росту межнациональной напряженности. Исследования показывают, что труд рабочих – мигрантов из различных стран широко распространен в разных секторах экономики России, их труд применяется практически повсеместно. Во многих отраслях экономики сложился механизм, когда на предприятиях официально числятся российские работники, а фактически работают иностранные рабочие-мигранты. Наглядный пример – жилищно-коммунальное хозяйство. Поскольку оплата труда мигрантов обходится гораздо дешевле, разница между этими затратами представляет собой чистую прибыль владельцев предприятий. Существует серьезный социальный, или гуманитарный, аспект проблемы. Рабочие-мигранты живут в плохих условиях, получают гораздо меньшую заработную плату, подвергаются эксплуатации со стороны работодателей, повсеместно нарушаются их трудовые и человеческие права. Фактически можно говорить о формировании сегмента принудительного труда в некоторых отраслях российской экономики. Из-за демпинга цены на труд часть местных работников не хотят искать работу в этой отрасли, а работодатели теряют интерес к их найму.

Регулирование трудовой миграции: современные тенденции и новые подходы

В настоящее время регулирование трудовой миграции в странах группировки осуществляется изолированно, а иногда асинхронно. Каждая страна пытается регулировать миграцию исключительно в своих собственных интересах. Посылающие страны стараются отправить за границу максимально возможное количество трудовых мигрантов, чтобы получить от них больше денежных переводов. В лучшем случае, посылающие страны пытаются защитить права своих граждан за рубежом. Они отнюдь не стимулируют развитие экономики за счет «цунами денежных переводов». Принимающие страны (Россия и Казахстан) пытаются привлекать дешевую рабочую силу, периодически пытаясь ограничивать ее количество и влиять на ее качество. Однако в условиях широкого распространения эксплуатации трудовых мигрантов, коррупционных схем выдачи квот и разрешений на работу, отсутствия четкой потребности в трудовых ресурсах,

шаги принимающих государств часто политизированы, направлены на необоснованные ограничения, не всегда логичны, последовательны и понятны. Если следовать идее и логике интеграции между странами группировки, то одной из задач должно стать создание рынка труда, регулирование которого должно происходить исходя из общих интересов и согласованных договоренностей. Трудовая миграция может быть одним из средств регулирования рынка труда Евразийского экономического союза.

Для усиления эффективности занятости и трудовой миграции в ЕВРАЗЭС предлагается применить подход к их регулированию, дифференцированный по отраслям экономики. Его суть состоит в том, чтобы разделить политику в отношении как минимум двух секторов: «торгуемых» и «неторгуемых» товаров/услуг. Например, применительно к России это разделение может выглядеть следующим образом. В 2011 г. в Российской Федерации было выдано 1 641 тыс. разрешений на работу иностранным трудовым мигрантам. На «торгуемые» товары/услуги приходится около 380 тыс. разрешений, в том числе на обрабатывающие производства – 221,5 тыс.; сельское и лесное хозяйство – 148,6 тыс.; добыча полезных ископаемых – 33,2 тыс.; рыболовство – 1,4 тыс. разрешений. На «неторгуемые» товары/услуги приходилось 1 240 тыс. разрешений, в том числе в строительстве – 595,2 тыс., оптовой и розничной торговле – 272,1 тыс., недвижимости и геологических работах – 163,2 тыс., транспорте – 70,6 тыс.; коммунальных услугах – 43,2 тыс.; отдыхе, культуре, спорте – 7,2 тыс.; финансовых услугах – 6,4 тыс.; здравоохранении – 4,8 тыс.; образовании – 3,7 тыс. разрешений.

Регулирование трудовой миграции и занятости населения в секторе «торгуемых» товаров/услуг должно быть максимально связано с торгово-инвестиционным сотрудничеством. Например, Россия и Казахстан могут «побороть» незаконную миграцию и занятость, прежде всего, в сфере производства и переработки сельскохозяйственной продукции, причем не путем депортации незаконных мигрантов, а методом увеличения инвестиций в агропромышленный комплекс стран Центральной Азии и Закавказья, который является традиционной сферой приложения труда жителей этих регионов, которая пришла в упадок после распада СССР. В настоящее время Россия вследствие своей зависимости от импорта сельскохозяйственной продукции в основном стимулирует создание рабочих мест в странах ЕС, Турции, Израиле и др. При этом основной поток незаконных трудовых мигрантов, занятых в сельском хозяйстве на территории России происходит из Центральной Азии. Можно утверждать, что при увеличении и эффективном использования российских инвестиций для создания сельскохозяйственного производства в основных странах –

донорах рабочей силы возможно сокращение притока незаконных мигрантов на территорию России и Казахстана.

Для регулирования трудовой миграции в секторе «неторгуемых» товаров/услуг (преимущественно строительство, транспорт, сектор коммунальных услуг, торговля) должны применяться методы непосредственного регулирования трудовой миграции. Поскольку потребность в трудовых мигрантах в этих отраслях экономики, очевидно, будет сохраняться в перспективе. Однако стратегия развития экономики, в целом, и этих секторов экономики, в частности, должна строиться на основе идеи роста производительности труда и сокращения неэффективной занятости. В настоящее время в России и Казахстане занятость в этих секторах остается крайне неэффективной, а производительность труда низкой. Работодателям гораздо выгоднее использовать труд дешевых и бесправных недокументированных трудовых мигрантов, чем вкладывать в передовые технологии.

Непосредственный механизм регулирования трудовой миграции может выглядеть следующим образом. Во-первых, необходимо рассчитать потребности принимающих стран (России и Казахстана) в рабочей силе на основе баланса трудовых ресурсов. Во-вторых, определить собственные возможности (потенциал трудоустройства безработных, учащейся молодежи, пенсионеров, возможности внутренней миграции трудовых ресурсов) и четкие потребности в иностранных трудовых мигрантах. В-третьих, обозначить приоритеты миграционной политики в отношении стран-партнеров в контексте политической и экономической интеграции и подписать межгосударственные соглашения об организованных поставках рабочей силы.

Литература:

1. *Акрамов Ф. Ш.* Демографическая ситуация и трудовая миграция из Таджикистана в Россию // Практика привлечения и использования иностранной рабочей силы в России: тенденции, механизмы, технологии / Материалы научно-практической конференции (16–17 октября 2006 г.) / Отв. ред. д-р эконом. наук, проф. С. В. Рязанцев. – М., 2006.
2. *Байжигитов Н.* Трудовая миграция // http://rus.kg/news/policy/8923-pyat-problem-kyrgyzsko-kazahskih-otnosheniy.html) [дата обращения: 5 января 2013 г.].
3. «Большая тройка» СНГ потеряла половину денежных переводов из России / Сообщение агентства Newsru.com // http://www.newsru.com/finance/25may2009/gastarbeiters.html) [дата обращения: 1 декабря 2012 г.].
4. В связи с кризисом число трудовых мигрантов в России уменьшилось на 13 % / сайт Work.ua // http://www.work.ua/news/world/269/ [дата обращения: 1 декабря 2012 г.].

5. Данные Центрального банка Российской Федерации // http://cbr.ru [дата обращения: 12 января 2012 г.].
6. Данные Федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru [дата обращения: 21 июня 2013 г.].
7. Двадцать лет Содружеству независимых государств: 1991–2010 / Стат. сб. / Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2011.
8. *Джураева Г.* Таджики в России // http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Tadzhiki-v-Rossii [дата обращения: 21 января 2013 г.].
9. Жизнь рабов: как трудовые мигранты становятся пленниками / Заявление Московского бюро по правам человека в связи с использованием рабского труда мигрантов через информационное агентство REX от 26 ноября 2012 г. // www.iarex.ru/articles/31509/html [дата обращения: 25 июня 2013 г.].
10. *Иванова Т. Д.* Иммигранты в Москве / Под ред. Ж. А. Зайончковской. – М.: «Три квадрата», Институт Кеннана, 2009.
11. Региональный рынок труда в условиях социально-экономической трансформации российской экономики (на материалах Южного Федерального округа) / Под ред. П. В. Акинина, С. В. Степановой. – Ставрополь: Сервис-школа, 2002.
12. *Рязанцев С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – М.: Формула права, 2007.
13. *Рязанцев С. В., Маньшин Р. В., Нгуен Кань Тоан.* Сравнительный анализ вьетнамской и китайской миграции в Россию // Миграционное право. – 2013. – № 1.
14. *Рязанцев С. В., Хорие Н.* Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию / Экономико-социологическое исследование. – М.: Научный мир, 2011; Миграционные мосты в Евразии / Сб. докладов и материалов участников международного симпозиума / Под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева. – М.: Экон-информ, 2012.
15. *Рязанцев С. В., Хунмэй Я.* Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия, подходы к регулированию. – М.: Экономическое образование, 2010.
16. Как организовать и защитить трудовых мигрантов в сельском хозяйстве и смежных отраслях. – Женева: Международный союз работников пищевой и табачной промышленности, сельского хозяйства, гостиничного и ресторанного обслуживания, общественного питания и смежных отраслей. – Женева, 2008 // www.fpkk.ru/text/migrantsbook.pdf [дата обращения: 27 июня 2013 г.].
17. Капиталистическая Корея: война против мигрантов // www.communist.ru [дата обращения: 12 января 2012 г.].
18. Киргизия просит помощи в миграции, зовет Россию в Ош и экономику // www.migracia.ru [дата обращения: 21 января 2013 г.].
19. *Лелюхин С. Е.* Китайская организованная преступность на Дальнем Востоке России / Заключительный отчет от 10 октября 2011 г. // http://forums.drom.ru/garazh/t115185899.html [дата обращения: 22 июня 2013 г.].
20. *Митрохин Н.* Трудовая миграция из государств Центральной Азии // www.strana-oz.ru [дата обращения: 10 января 2012 г.].

21. Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции за 2007–2008 гг. – М.: ФМС, 2009.
22. На казахстанско-узбекистанской границе скопились узбекские мигранты / Сообщение информационного агентства Kazakhstan Today от 20 февраля 2013 г. // http://kt.kz/?lang=rus&uin=1253258757&chapter=1153569000 [дата обращения: 10 января 2012 г.]
23. Население России – 2000 / Восьмой ежегодный демографический доклад. – М., 2011.
24. *Олимова С., Боск И.* Трудовая миграция из Таджикистана. – Душанбе: МОМ, 2003.
25. *Скоков И.* Кто станет вторым по численности этносом в Казахстане? // http://news.headline.kz/chto_v_strane/kto_stanet_vtoryim_po_chislennosti_etnosom_v_kazahstane.html [дата обращения: 20 января 2013 г.].
26. Труд и занятость в России 2011 / Стат. сб. – М.: Росстат, 2011.
27. *Турдиев Т. И.* Миграционный аспект устойчивого развития Кыргызстана// Миграционные мосты в Евразии / Сб. докладов участников международного симпозиума (6–7 ноября 2012 г.) / Под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С. В. – М.: Экон-информ, 2012.
28. Экспорт рабочей силы из Узбекистана // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / Отв. ред. Ж. А. Зайончковская. – М., 2003.
29. *Юлдашев Т.* Трудовые мигранты из Узбекистана // http://www.proza.ru/2009/06/03/933 [дата обращения: 12 января 2012 г.].
30. Две тысячи кыргызских мигрантов будут легально работать в Пензенской области // www.gazeta.kg [дата обращения: 21 января 2013 г.].
31. 300 таджиков ждут депортации из России // Аргументы и факты. – 2011, 11 ноября // http://www.aif.ru/society/news/99795 [дата обращения: 19 января 2013 г.].
32. Analysis of Institutional and Legal Frameworks and Overview of Cooperation Patterns in the Field of Counter-Trafficking in Eastern Europe and Central Asia: Research Report. – Vienna, IOM, 2003.
33. Kil-Sang Yoo, Korea: Country Report, Migration and the Labour Market in Asia: Recent trends and policies. – Tokyo, The Japan Institute of Labour.
34. Migration trends in Eastern Europe and Central Asia: 2001–2002 Review. – Geneva, IOM, 2002.
35. Migration and Remittances Fact book 2011 / 2hd Edition. – Washington DC, The World Bank, 2011.
36. *Pickup F.* The Impact of Transition and the Afghanistan Crisis on Employment and Decent Work Concerns in Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan // WP. – № 13, Geneva, ILO, 2003.
37. 2003 Year Book on Illegal Migration, Human Smuggling and Trafficking in Central and Eastern Europe: A Survey and Analysis of Border Management and Apprehension Data from 19 States. – Vienna, International Centre for Migration Policy Development, 2004.

О подходах к формированию системы управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе

Обеспечение устойчивости финансовой системы государства является одной из задач Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В решении этой задачи важную роль играет стабильная бюджетная система. Следовательно, формированию системы управления бюджетными рисками, направленной на обеспечение стабильности бюджетной системы, в настоящее время в государстве отводится приоритетное место.

Программой повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 г., утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 320, отмечается ответственность федеральных органов исполнительной власти за эффективность формирования и использования системы противодействия рискам. Одним из мероприятий по обеспечению устойчивости бюджетной системы определено создание системы управления бюджетными рисками, включающей формирование перечня рисков, оценку рисков по вероятности их наступления, степени их влияния, возможности управления рисками, а также комплекс мер по минимизации рисков, предотвращению и устранению их последствий.

В связи с вышеизложенным перед Федеральным казначейством, которое является одним из основных участников бюджетного процесса Российской Федерации и осуществляет операции с бюджетными средствами, встает вопрос об организации эффективной системы управления рисками, возникающими в сфере его деятельности. А с учетом территориальной разветвленности казначейской системы России и применения Казначейством России в своей деятельности современных информационных технологий подверженность Федерального казначейства различным угрозам и вызовам многократно возрастает.

В рамках мероприятий по созданию системы управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе была проведена аналитическая работа по изучению Стандартов по управлению рисками Европейской федерации ассоциаций риск-менеджмента (Federation of European Risk Management Association – FERMA), рекомендаций Комитета спонсорских организаций Комиссии Тредуэя (Committee of Sponsoring Organizations of Treadway Commission (COSO) по организации системы управления рисками, материалов Базельского комитета по банковскому надзору (Базель-II и Базель-III), Национального

стандарта Российской Федерации «Менеджмент риска. Принципы и руководство» (ГОСТ Р ИСО 31000-2010). Также изучена и обобщена сложившаяся практика управления рисками различных зарубежных и российских органов власти, кредитных учреждений и коммерческих структур.

Так, в Великобритании государственное казначейство осуществляет главную роль в поддержке и методическом обеспечении риск-менеджмента в государственных органах.

Риск-менеджмент в качестве одного из главных компонентов современного государственного управления применяется в Канаде более 10 лет. «Структура для менеджмента рисков», подготовленная в 2010 г. Советом казначейства Канады, объединяет основные принципы и подходы к риск-менеджменту, которые использовало Правительство Канады с 2001 г., и положения международных и национальных стандартов, связанных с управлением рисками, в том числе международного стандарта риск-менеджмента ISO 31000:2009.

Внедрение риск-менеджмента в практику органов государственной власти США начиналось в финансовом секторе с рекомендаций Казначейства США относительно распоряжения бюджетными средствами. Если в Великобритании и Канаде использование методологии риск-менеджмента направлено на усовершенствование управления государственными проектами и программами, а также на повышение качества государственных услуг, то в США фокус смещается на обеспечение государственной безопасности.

В органах власти Российской Федерации система управления рисками находится в стадии становления и функционирует только в некоторых из них, для которых данное направление является в основном функциональным направлением и регламентировано нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» полномочия по созданию системы управления рисками, обеспечивающей осуществление эффективного таможенного контроля, возложены на Федеральную таможенную службу. Функции по координации работы внедрения системы управления рисками, автоматизации и методологическому обеспечению данного процесса осуществляет соответствующее структурное подразделение Федеральной таможенной службы.

В Министерстве РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий снижение рисков чрезвычайных ситуаций и уменьшение их последствий является одним из направлений деятельности и осуществляется посредством проведения профилактических мероприятий.

Функционирует система управления рисками и в Федеральной службе по регулированию алкогольного рынка.

В Федеральном казначействе реализованы отдельные элементы управления рисками:

– создан Ситуационный центр;

– внедрена система риск-ориентированного внутреннего контроля и внутреннего аудита;

– приняты отдельные нормативные правовые акты.

В то же время на сегодня отсутствует комплексная система управления рисками, при этом наличие многочисленных угроз в сфере деятельности Казначейства России требует организации эффективной системы управления рисками.

Формированию системы управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе способствовало также расширение полномочий Федерального казначейства в части управления средствами на едином казначейском счете, в том числе по размещению бюджетных средств на банковских депозитах, предоставлению бюджетных кредитов бюджетам субъектов Российской Федерации, которые являются достаточно рискоемкими процедурами.

Основной целью управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе является обеспечение устойчивого непрерывного бесперебойного функционирования и развития органов Федерального казначейства с помощью осуществления комплекса мер, направленных на выявление и минимизацию возможных событий, оказывающих отрицательное воздействие на результаты деятельности органов Федерального казначейства, организацию постоянного мониторинга казначейских рисков и оперативное принятие управленческих решений, способствующих минимизации казначейских рисков.

Для этого в Федеральном казначействе предполагается выполнение следующих задач:

– регламентация управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе;

– осуществление на постоянной основе процедур выявления, оценки, анализа, обработки, мониторинга и контроля казначейских рисков, возникающих при реализации полномочий в установленной сфере деятельности органами Федерального казначейства;

– оценка эффективности и совершенствование функционирования системы управления рисками в Федеральном казначействе;

– разработка и сопровождение прикладного программного обеспечения для автоматизации процессов по управлению казначейскими рисками в Федеральном казначействе.

Управление рисками в Федеральном казначействе осуществляется посредством построения соответствующей системы, которая, как и

любая другая система, представляет собой множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство.

Координация мероприятий по управлению казначейскими рисками в Федеральном казначействе осуществляется Управлением ведомственных проектов в части внешних рисков и Управлением внутреннего контроля (аудита) и оценки эффективности деятельности в части внутренних рисков.

Основными элементами системы управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе являются:

– культура управления казначейскими рисками, охватывающая все осуществляемые Федеральным казначейством процессы;

– идентификация и оценка казначейских рисков, которая заключается в использовании системы классификации казначейских рисков, основанной на анализе казначейских рисков, возможных в деятельности Федерального казначейства;

– связь с процессами планирования и принятия решений, которая выражается в планировании деятельности Федерального казначейства, а также принятии решений в сфере деятельности Федерального казначейства с учетом возможных казначейских рисков и результатов их анализа и оценки;

– отчетность о функционировании системы управления казначейскими рисками для руководства и структурных подразделений Федерального казначейства, на основании которой, в том числе, производятся анализ и оценка текущего состояния системы управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе.

В рамках организации управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе будут реализованы следующие мероприятия, такие, как:

1) планирование мероприятий по управлению казначейскими рисками;

2) идентификация казначейских рисков, включающая проведение:

– выявления казначейских рисков;

– определения источников возникновения казначейских рисков;

– определения объектов казначейских рисков;

– установления факторов казначейских рисков;

– выявления условий проявления казначейских рисков;

– классификации выявленных казначейских рисков;

– определения структурных подразделений, ответственных за управление казначейскими рисками;

3) анализ и оценка казначейских рисков, проводимая на основании данных, полученных по результатам их идентификации;

4) мониторинг казначейских рисков, представляющий собой наблюдение за динамикой изменения характеристик казначейских рисков с целью оценки вероятности их наступления и своевременной подготовки управленческих решений по их предупреждению и минимизации воздействия на деятельность органов Федерального казначейства;

5) мониторинг выполнения мероприятий по управлению казначейскими рисками;

6) формирование отчетности о функционировании системы управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе;

7) оценка эффективности функционирования системы управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе.

В Федеральном казначействе предусматривается использование четырех основных способов реагирования на казначейские риски – это принятие риска, его избежание, передача риска или его контроль (снижение).

Принятие риска предполагает, что все допустимые способы его снижения не позволяют минимизировать указанный риск или являются экономически не целесообразными по сравнению с ущербом, который может нанести наступление казначейского риска. При этом руководство Федерального казначейства должно быть осведомлено о наличии данного казначейского риска и его характеристиках. К принимаемым Федеральным казначейством рискам можно отнести внешние риски, такие, как риски наступления чрезвычайных ситуаций техногенного или природного характера, при которых вероятность наступления указанных рисков не зависит от Федерального казначейства.

Избежание риска обеспечивается путем корректировки способа реализации полномочий Федерального казначейства. Примером избежания риска может служить доработка соответствующего прикладного программного обеспечения с целью исключения возможности реализации операционного риска.

Передача риска зависит от характера деятельности, важности связанной с казначейским риском операции и ее финансовой значимости. Возможным механизмом передачи казначейских рисков является аутсорсинг.

Контроль (снижение) риска подразумевает осуществление комплекса организационных, методологических и информационно-технологических мероприятий, направленных на сокращение вероятности наступления определенного риска, а также сокращение размера потерь в случае наступления риска. Примером контроля риска являются мероприятия по противопожарной безопасности, целью которых является как раз снижение вероятности наступления данного риска.

Для обеспечения полноценного управления рисками в Федеральном казначействе система их управления охватывает как внутрен-

нюю среду, т. е. риски, возникающие в процессе деятельности органов Федерального казначейства, так и внешнюю – целый комплекс разнообразных рисков техногенного, экологического, биологического, природного и социального характера, которые могут оказать отрицательное воздействие на результаты деятельности органов Федерального казначейства. В целях обеспечения эффективного управления рисками в Федеральном казначействе полномочия по управлению внешними и внутренними рисками распределены между соответствующими структурными подразделениями центрального аппарата Федерального казначейства. При этом для обеспечения достижения стратегической цели управление внешними и внутренними рисками в Федеральном казначействе осуществляется на совокупной основе.

Рассмотрим немного подробнее процесс управления внешними рисками.

Управление внешними рисками в Федеральном казначействе представляет собой последовательный поэтапный замкнутый процесс, который начинается на этапе планирования и предусматривает постановку перед системой управления внешними рисками Федерального казначейства стратегических задач и определение плана мероприятий, подлежащих реализации в течение определенного срока (рис. 1).

Эти задачи определяют нормативную базу системы управления внешними рисками в Федеральном казначействе, которая представлена такими основополагающими документами, как:

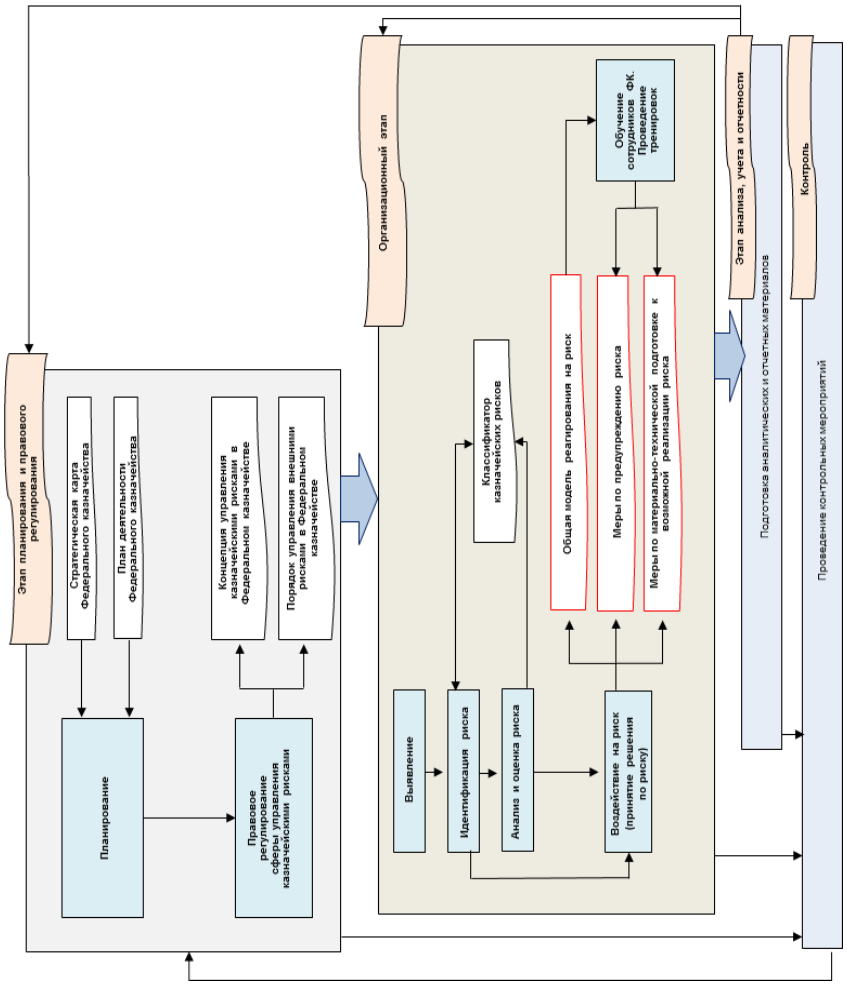
– Концепция управления казначейскими рисками в Федеральном казначействе – документом, определяющим концептуальные основы управления рисками в Федеральном казначействе;

– Порядок управления внешними рисками в Федеральном казначействе, в котором детально прописаны процедуры по управлению внешними рисками, начиная с момента их обнаружения и заканчивая принятием решения по ним и организацией контроля за деятельностью всей системы управления внешними рисками.

В рамках организационного этапа, включающего в себя стандартные процедуры по выявлению, идентификации, анализу и оценке рисков, по результатам которых информация о них аккумулируется в Классификаторе казначейских рисков, обеспечивается принятие решений по риску, предполагающее использование соответствующих моделей реагирования на риски.

Наличие мер по материально-технической подготовке к возможной реализации риска и мер по предупреждению риска, в том числе осуществление систематических и комплексных мероприятий по обучению сотрудников Федерального казначейства и проведению тренировок, направлено на обеспечение максимальной готовности Федерального казначейства к качественному выполнению своих функций во внештатной ситуации.

Рисунок 1
СХЕМА УПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНИМИ РИСКАМИ В ФЕДЕРАЛЬНОМ КАЗНАЧЕЙСТВЕ



Процесс управления внешними рисками также включает в себя этап анализа реализовавшихся рисков, учета информации по ним и направлению информации руководству Федерального казначейства, а также этап контроля функционирования работы системы управления внешними рисками Федерального казначейства, по результатам которого происходит уточнение и корректировка ее работы в дальнейшем.

Следует отметить, что процесс управления рисками должен характеризоваться упреждающими мерами. Управление рисками – это, скорее, процесс определения того, что может произойти, и одновременно обеспечение состояния готовности к этому, а не реакционное

управление деятельностью. Понимание этого позволяет создать систему управления рисками, направленную на предупреждение различных вызовов и угроз.

Таким образом, управление казначейскими рисками в Федеральном казначействе, основанное на хорошо развитой культуре управления казначейскими рисками, пронизывающей все направления деятельности Федерального казначейства, а также учитывающей угрозы, исходящие из внешней среды, обеспечит устойчивое бесперебойное непрерывное функционирование и развитие органов Федерального казначейства, в том числе путем рассмотрения возможных казначейских рисков до принятия управленческих решений, минимизируя тем самым вероятность принятия неэффективных решений.

Риски и вызовы российскому бизнесу в условиях глобализации цивилизационных кризисов

Развитие российского бизнеса идет в сложной социальной среде. Сущностной характеристикой ее становится глобализм цивилизационных кризисов, вызовов и рисков, которые во многом предопределяют нестабильность сферы мировых экономических отношений и процесс функционирования бизнеса внутри национальных государств. Мир становится свидетелем нарастания глобальных межцивилизационных противоречий, формирующих ситуацию неопределенности и непредсказуемости. Зарождаются новые формы мирового взаимодействия, новые ценностные ориентиры и принципы, которые выступают как факторы риска, так и как факторы реагирования на вызовы и угрозы, формирующиеся в сфере геополитики и мировых хозяйственных связей. «Нет ни одной стороны жизнедеятельности мирового сообщества, ни одной системы цивилизационных ценностей, которая не была бы вовлечена в глобальный кризис, не переживала бы болезненные спазмы глубоких трансформаций» [1].

Кардинально важным в этом отношении является то, что формирование и развитие общепланетарного рыночного механизма совпало с глобальным процессом перехода мирового сообщества от индустриального к постиндустриальному этапу развития человечества, а это, в свою очередь, привело к глобализму конкурентной борьбы за

свое выживание не только между странами, но и между цивилизациями. Прежде всего между западной цивилизацией, носителями которой выступают США и Евросоюз, и странами развивающего мира, а также странами, выступающими в качестве крупных, самодостаточных цивилизаций (Китай, Россия и др.).

Противопоставление мировых цивилизаций, противоречия между ними и определяют суть современного глобализма, остроту конкурентной борьбы в мировом сообществе.

В условиях обострения конкурентной борьбы цивилизаций значительно осложняется процесс функционирования российского бизнеса в общепланетарной системе экономических отношений. Положение усугубляется тем, что бизнесу России приходиться встраиваться в уже сложившийся общепланетарный экономический механизм и расчеты на занятие в нем достойной и самостоятельной ниши не могут не встречать противодействия. Особенно это касается процесса вхождения в инновационно-технологическую сферу. Система транснациональных компаний отторгает появление новых субъектов, способных оказать ей серьезную конкуренцию.

Ситуация для российского бизнеса обостряется и тем, что мировая экономика вошла в этап динамичных изменений геополитической карты мира, обусловленного усилением цивилизационно-концептуальной военно-политической и информационно-идеологической конфронтаций. Все это ведет к столкновению цивилизационных интересов, к снижению в мире уровня экономического сотрудничества, к росту влияния транснациональных корпораций, ориентированных на США, к усилению политического и экономического влияния мировых финансовых центров, учитывающих, прежде всего, американские гегемонистские интересы. В условиях новой геополитической реальности, возникшей в связи с кризисом на Украине и введением санкций против России, перед российским бизнесом возникли дополнительные вызовы и риски. Все это обусловливает необходимость комплексной оценки вызовов и угроз российскому бизнесу, исходящих как извне, так и изнутри, в результате идущих в российском обществе процессов.

Внешние вызовы и риски

Наибольшая опасность для российского бизнеса извне исходит от скоординированного курса трансатлантического альянса на изоляцию России, на ослабление ее позиций в мировом сообществе. Используется целый набор политических и экономических санкций, обеспечивающих закрытие доступа к долгосрочным кредитам, к новейшим технологиям, запрет зарубежным бизнес-структурам на уча-

стие в российских бизнес-проектах, предполагающих использование их опыта и инновационных разработок. Осуществляется политическое давление, шантаж в отношении стран, допускающих российский бизнес в свое экономическое пространство. Используются также меры судебного и административного воздействия. **Практически реализуется стратегия, направленная на уничтожение внешнеэкономического потенциала российского бизнеса или полное подчинение его глобальным интересам транснациональных компаний.**

Исходя из этого, бизнесу России приходится решать множество неотложных задач, имеющих геополитический, геостратегический и геоэкономический характер. Основная задача заключается в том, что бы предельно эффективно использовать все потенциальные возможности в глобальной экономике с тем, чтобы обеспечить стабильное и устойчивое развитие страны в жестком, конкурентном мире глобального взаимодействия цивилизации. Главное в этих условиях «не отгораживаться железным занавесом от мирового рынка, а найти в нем свою нишу, отвечающую историческим традициям и менталитету нации» [2][9].

Отыскать и удерживать собственную нишу в планетарном сообществе цивилизаций важно для любой страны, но для России это особенно актуально. К этому обязывает необходимость не только противостоять масштабному политико-экономическому давлению Запада, выступающего в качестве единого военно-политического и экономического субъекта, но и необходимость обеспечения своего суверенного развития. Вопрос стоит не просто о самостоятельности российского бизнеса, а о существовании России как самостоятельного культурно-исторического образования, о сохранении в межцивилизационном пространстве русского мира.

Реально противостоять такой стратегии Запада можно лишь при опоре на перманентно развивающийся экономический потенциал страны. Все это выдвигает на передний план проблему обеспечения экономической безопасности страны, выступающей в качестве фундамента, материальной основы функционирования страны в качестве самостоятельного субъекта международного взаимодействия. В условиях острой конкуренции за ресурсы, когда одни страны стремятся подчинить своим интересам экономику других стран, для обеспечения национальной безопасности уже недостаточно иметь мощную

[9] К этому призывал великий русский мыслитель XX века Н. Н. Моисеев, математик высочайшего уровня, работы которого по моделированию «ядерной зимы» реально повлияли на общепланетарное восприятие абсурдности идеи ядерной войны. См. *Моисеев Н. Н.* Закон средневековью / Сб. – М.: Тайдекс К°, 2003. – С. 59.

армию и высокотехнологичную оборонную промышленность. Нужны еще многие слагаемые эффективной экономики. Все это актуализирует необходимость анализа факторов, тормозящих экономическое развитие страны и успешности реализации политики нейтрализации внутренних вызовов и угроз российскому бизнесу.

Вызовы и угрозы, обусловленные процессами, формирующимися внутри российского общества

Данные социологических исследований, раскрывающие характер восприятия респондентами ситуации в российском обществе, позволяют сделать вывод, что самым главным вызовом для современной России является состояние ее экономики. Социологические опросы, проводимые в режиме социологического мониторинга, показывают, что в стране на протяжении многих лет не решаются социальные проблемы, непосредственно влияющие на повседневную жизнь человека. Прежде всего, это дороговизна жизни, рост цен так считают 50 % респондентов, высокие цены на услуги ЖКХ – 35 %, постоянный рост цен на продукты питания – 27 % и др. [3].

Сравнение результатов общероссийских опросов с данными опросов, проводимых по региональным выборкам [в Красноярске подобные исследования проводятся с 2000 г., в Пермской области (г. Березники) – с 2001 г.] свидетельствует, что в своей основе перечень проблем в наибольшей мере волнующих население на протяжении более 10 лет остается одним и тем же. Объясняется это тем, что решение их зависит не столько от действий муниципальных властей, сколько от состояния в целом российской экономики, от реализуемого в стране социально-экономического курса.

В современный период положение еще более усложнилось разразившимся в 2014 г. экономическим кризисом. Кризис поразил большинство отраслей и предприятий, включая средний и малый бизнес. Произошло резкое повышение цен, сокращение финансирования бюджетной сферы, увеличение безработицы, общее снижение жизненного уровня населения. Ситуация осложняется тем, что в силу провала инвестиционной стратегии, которая была провозглашена в период бурного роста цен на сырьевые ресурсы в 2000-е гг., Россия вступила в период массового вывода из эксплуатации устаревшего оборудования, даже целых предприятий. Острота нерешенных проблем в экономике достигает такого уровня, при котором в обществе начинается процесс осознания того, что страна вступает в опасное время своего экономического развития.

В экспертном сообществе отмечается, что основные вызовы российской экономике исходят не от экономического кризиса, антирос-

сийских санкций со стороны трансатлантического альянса, кризиса на Украине, обвала цен на нефть и другие сырьевые ресурсы. Их истоки находятся внутри российского общества и обусловлены они реализуемой в стране экономической политикой. Не случайно, поэтому трудности в развитии экономики начали ощущаться уже с середины второго десятилетия 2000-х гг. Показательны в этом плане данные социологических опросов экспертов, в качестве которых выступили участники:

– Русского научного и экономического собрания «Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации» (Москва, октябрь 2007 г.);

– Первого Российского экономического конгресса (Москва, декабрь 2009 г.).

– Общероссийского форума «Разумная экономическая программа» (Москва, ноябрь 2011 г.).

Высокий уровень компетентности участников социологического опроса обусловливает необходимость повышенного внимания к их оценкам состояния дел в российской экономике (см. ниже данные табл. 1).

Таблица 1

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СИТУАЦИЮ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ?

в % от числа опрошенных[10]

Год проведения социологического опроса	В целом удовлетворительная	Напряженная	Кризисная	Катастрофическая	Затрудняюсь ответить
Опрос 2007	19	48	24	9	0
Опрос 2009	7	39	39	13	2
Опрос 2011	6	30	30	32	2

[10] Опросы проведены руководителем сектора социологии прав человека ИСПИ РАН Савиным М. С.

Из приведенных в табл. 1 данных обращает на себя внимание тенденция к возрастанию критических оценок состояния российской экономики. Особенно это касается такой оценки как «катастрофическая». Если в 2007 г. такую оценку дали 9 % опрошенных, то, по результатам опроса 2011 г., их число возросло до 32 %. Заслуживает самого серьезного внимания сопоставление оценок экспертов об иерархии рисков, представляющих наибольшую опасность для российской экономики (см. табл. 2.).

Таблица 2

КАКИЕ РИСКИ В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ?[11]

В % от числа опрошенных

Риски	Опрос 2007	Опрос 2009	Опрос 2011
Связанные с коррупцией	66	56	86
Связанные с некомпетентностью властей	61	49	75
Демографические	43	33	51
Социальные	36	21	47
Инвестиционные	21	17	23
Политические	20	18	41
Мировые финансовые	17	14	32
Техногенные	14	19	28
Кредитные	12	12	27
Экологические	12	11	16
Финансовые	9	9	22

Приведенные в табл. 2 данные подтверждают вывод, что **наибольшая угроза для российской экономики исходит от рисков, формирующихся внутри российского общества, а не от рисков извне.** Мировые финансовые и мировые экономические и инвестиционные риски, во многом связанные с зарубежными инвесторами, находятся на втором плане. Обращает на себя внимание рост

[11] Сектор социологии прав человека ИСПИ РАН.

рисков, обусловленных коррупцией и некомпетентностью властей. Нашли они отражение и в перечне факторов в наибольшей степени сдерживающих развитие российской экономики (см. табл. 3).

Таблица 3

***ЧТО В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ СДЕРЖИВАЕТ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ?*[12]**

в % от числа опрошенных

Перечень сдерживающих факторов	Опрос 2007	Опрос 2009	Опрос 2011
Большой масштаб коррупции	76	71	81
Преимущественно сырьевой характер экономики	75	63	65
Нехватка качественных трудовых ресурсов	44	33	39
Неолиберальный курс	17	30	30
Социально-политическая нестабильность в обществе	11	14	30

Из приведенных в табл. 3 данных обращают на себя внимание оценки респондентами коррупции в качестве основного фактора сдерживающего развитие экономики. Характерна также тенденция к возрастанию числа экспертов, указывающих на негативную роль неолиберального курса в развитии российской экономики.

Исходя из этого, важнейшими направлениями в развитии российского бизнеса, в оптимизации вызовов и рисков, несущих угрозу его развитию является, во-первых, значимое снижение масштабов коррупции, во-вторых, внесение существенных корректировок с целью снижения влияния неолиберальной идеологии на экономическую политику, осуществляемую властными структурами в стране.

Социологические исследования свидетельствуют, что в современных условиях преобладающая часть бизнес-сообщества готова содействовать максимально возможному снижению коррумпированности процесса взаимодействия власти и бизнеса и активно участвовать в законотворческой деятельности в данном направлении.

Важное значение в этом плане имеет совместная деятельность законодательной и исполнительной ветвей власти при активном участии представителей бизнеса, ориентированная на совершенствование механизмов и оптимальное определение сфер государственного

[12] Сектор социологии прав человека ИСПИ РАН.

присутствия в экономической и финансовой деятельности. Эти механизмы призваны сужать почву, на которой паразитирует коррупция.

Отражая современное отношение предпринимательской среды к коррупции, большинство (58 %) экспертов из числа участников Всероссийской конференции «Безопасность бизнеса» (Национальный проект. Антикризисные программы) отметили, что коррупция – это абсолютное зло, которому не может быть оправдания[13].

Новая философия взаимодействия власти и бизнеса – объективная необходимость

Масштабность задач, которые встают перед российским обществом в условиях геополитических вызовов, обострения конкурентной борьбы цивилизаций, реализации Западом курса на отбрасывание, изоляцию российского государства, совпавшего с экономическим кризисом внутри страны, показывает, что Россия вошла в особый этап своего развития. Главная его особенность – это необходимость не только отстоять свою суверенность в мировом сообществе, но и кардинально изменить положение в экономике таким образом, чтобы обеспечить для своих граждан достойное качество жизни. Все это резко актуализирует потребность перестройки концептуального видения роли власти и бизнеса, осмысление и нейтрализацию препятствий для экономического роста страны, смещение смыслового центра российской политики с внешних проблем на внутренние.

Потребность нового видения роли власти и бизнеса, выдвижения новой философии их взаимодействия вызвана тем, что в современной России есть только две реальные силы, от которых зависит направленность процессов в экономике. Во-первых, это верхний слой политико-административного аппарата (**«высшая бюрократия»**) [4][14]. Во-вторых, «олигархический сегмент частных корпораций российского бизнеса» (**«бизнес-олигархия»**).

«Высшая бюрократия» напрямую контролирует корпорации с полным или существенным участием в них государственного капитала («ГАЗПРОМ», «РЖД», «РОСНЕФТЬ», «ТРАНСНЕФТЬ», «СБЕРБАНК», «ВТБ» и др.), а также госкорпорации, образуя **государственно-бюрократический капитал.**

---

[13] Сектор социальных показателей и индикаторов политических процессов ИСПИ РАН, 2014 г.

[14] К ней относятся лица, занимающие ключевые позиции во властных структурах, принимающих важнейшие политические решения общенационального уровня. Это верхушка государственно-бюрократического аппарата, верхний слой правящего политического класса. См. подробнее: *Лапина Н.* Российские элиты и проблемы интеграции на пространстве СНГ // Общество и экономика. – 2002. – №10–11. – С. 293.

«Бизнес-олигархия», владея контрольными пакетами акций и контролируя крупнейшие в стране частные компании («Норильский никель», «Северсталь», «ЕВРАЗ», «НЛМК», «ММК», «ТНК», «Лукойл», АФК «Система» и др. частные бизнес-структуры), играет ключевую роль в ведущих отраслях российской экономики. Симбиоз этих двух частей бизнеса представляет основной потенциал экономики страны, определяя ее сегодняшнее состояние и перспективы на будущее.

Такая система функционирования российской экономики, исторически сложившаяся по мере разгосударствления социалистических предприятий и становления в стране крупного бизнеса, носит двойственный характер. С одной стороны, обеспечивает централизованное начало в отстаивании общегосударственных интересов в сфере взаимодействия власти и бизнеса. С другой – несет в себе потенцию серьезных противоречий рисков, угроз нестабильности в системе экономических и политических отношений.

Сращивание высшей бюрократии с государственно-бюрократическим капиталом и оказание ему поддержки через административный ресурс, создает для него условия стабильности, атмосферу уверенности в конкурентной стихии. Это объективно ведет к ослаблению позиций других бизнес-структур, их роли в системе властных отношений и в структуре экономики.

Олигархический сегмент крупного капитала стремится потеснить бюрократию, ее влияние на государственно-бюрократический капитал, ограничить его воздействие на экономику страны. Отсюда требование приватизации крупных корпораций с государственным участием, призывы к ликвидации госкорпораций.

За 2000-е гг. государственно-бюрократический капитал, выступая в качестве выразителя общегосударственных интересов («Газпром – национальное достояние»), значительно укрепил свой потенциал в бизнес-сообществе и свой политический вес в обществе.

Бизнес-олигархический капитал олицетворяется с носителями ценностей либеральной идеологии в экономике, со сторонниками либерального курса в социально-политической сфере.

В стремлении потеснить бюрократию, ослабить позиции государственно-бюрократического сегмента крупного капитала, **бизнес-олигархии выгодно оказывать поддержку протестной, оппозиционной силе в обществе, которую можно использовать для давления на власть, на высший, бюрократический слой бюрократии, ослабляя тем самым возможности сросшегося с властными структурами государственно-бюрократического капитала.** Наличие таких противоречий внутри бизнес-элиты вынуждает Президента страны «быть над схваткой» между этими силами влияния, не допуская их столкновения. Это укрепляет политичес-

кий вес института президента в стране, в тоже время вносит дисбаланс в процесс выработки и реализации единой стратегии экономического развития страны.

За последние 10–15 лет было озвучено огромное количество стратегий и планов развития России, но существенных сдвигов в экономике не произошло. Во многом это результат противодействия, рассогласования интересов власти и бизнеса, конкурентной борьбы внутри элиты, их внутреннего несогласия с официально провозглашаемой моделью будущего России и стратегии ее воплощения в реальной жизни.

Сторонники экспортно-сырьевой модели противостоят модели инновацинно-технологического развития, отстаивающим необходимость опоры на вновь создаваемые инновационные сектора экономики. С ними конкурируют предпринимательский и управленческий слой властных структур, выступающий за новую индустриализацию, за перевооружение промышленного потенциала через проведение органами государственной власти активной промышленной политики в ведущих отраслях экономики страны.

Наблюдается также противостояние по вопросу о месте и роли государства в экономике. Носители идеологии либерализма, ориентирующиеся на то, чтобы рынок делал свое дело, а государство лишь способствовало наиболее полной реализации возможностей рынка, выступают за невмешательство государства в хозяйственно-экономическую деятельность, отдавая приоритет сфере экономике и бизнесу, а не государству.

Таким воззрениям противостоят так называемые государственники из среды бизнеса и управленческих структур власти, отстаивающие приоритет государства в сфере экономики, курс на проведение активной промышленной политики и регулирующую роль государства над бизнесом. Все это ставит вопрос: «На что делать ставку? На предпринимательскую инициативу или же на активную экономическую политику государства?».

Разделение бизнес-сообщества и представителей управленческо-бюрократического аппарата по мировоззренческим позициям дополняется расслоением и противопоставлением позиций внутри социума.

Социологические исследования, раскрывающие особенности современного российского общества свидетельствуют, что в России сосуществуют и взаимодействуют, как минимум, три различных общества со своими собственными институциональными матрицами. Сложились значимые социальные слои населения с противоположенным видением и восприятием мира, принципиально несовпадающими взглядами на роль государства в их жизни, с различной системой базовых ценностей.

Значимая часть социума ориентируются на общество индивидуальной свободы, на развитие личной ответственности, на сужение сферы присутствия государства в системе отношений «личность – государство – власть – общество». Противостоит этим мировоззренческим позициям часть общества рассчитывающая, в основном, на поддержку и заботу со стороны государства. Последняя (промежуточная группа) ориентирована на достижение для себя лучшего будущего, как за счет своей личной активности, так и за счет социальной поддержки со стороны государства. По большинству значимых мировоззренческих позиций эта группа склоняется к сторонникам патерналистской ориентации, в большей мере рассчитывая на поддержку государства нежели на себя. Все это обуславливает то, что большинству социума по направленности их мировоззренческих позиций ближе патерналистское общество, чем общество, в основе которого находится психология индивидуализма.

Система рисков, обусловленных отсутствием единства мировоззренческих позиций в отношении моделей социально-экономического развития страны, дополняется наличием противостоящих позиций в отношении модели федерального устройства государства, затрагивающих проблему отношений федерального Центра и регионов, политического веса регионального бизнес-сообщества и значимости региональных элит, их влияния на социум в регионах.

Наблюдаются в обществе и серьезные расхождения в отношении к Западу. С одной стороны, большинство разочаровано в «западном пути» и в отношении Запада к России. С другой стороны проявляется активность либеральной части общества, придерживающейся прозападнических позиций. Все это свидетельствует о социальной и политической неустойчивости российского общества, порождает систему рисков и угроз успешной реализации политики на создание в России конкурентоспособной экономики.

В сложившихся условиях особую актуальность приобретает необходимость смены философии взаимодействия бизнеса и власти, отход от соперничества государственно-бюрократического и бизнес-олигархического капитала, разворачивание его в сторону России.

Важно, чтобы новая философия взаимодействия бизнеса и власти обеспечивала превращение страны в безопасный и привлекательный для бизнеса геополитический субъект экономических отношений, возвращающий к себе не только вывезенный из страны собственный капитал, но и притягивающий финансовые потоки из вне, из сферы глобального бизнеса. Данная задача осуществима лишь на основе консолидации власти и общества, сплочения правящего класса, деловых кругов бизнес-сообщества вокруг реализации стратегической цели сохранения и укрепления России в качестве самостоятельной циви-

лизации, устойчиво и динамично развивающегося государственного образования.

Исходя из этой задачи, **стержневой основой новой философии взаимодействия бизнеса и власти может стать консолидаризационная концепция, предполагающая отход от негативной консолидации, в основе которой объединение по принципу «свой – чужой» на позитивную консолидацию, основанную на партнерстве власти и бизнеса.**

Необходим качественно новый этап – этап конструктивного взаимодействия и сотрудничества власти и бизнеса, этап равного отношения власти как к государственно-бюрократическому сегменту бизнеса, так и к бизнес-олигархическому слою в бизнес-сообществе. Все это обусловливает потребность российского предпринимательства в функционировании сильных институтов власти, способных устанавливать и жестко обеспечивать реализацию правил экономического поведения как со стороны чиновничьего аппарата, так и со стороны хозяйствующих субъектов. Собственник стремится к тому, чтобы он рисковал своими средствами лишь на уровне возможных собственных ошибок, а не на уровне непредсказуемых действий и недобросовестной конкуренции. В реальном секторе производства, где вложения окупаются годами, капиталу необходима определенность и надежные гарантии того, что его вложения окупятся. Это может обеспечить только сильная власть, способная возглавить процесс выработки общесистемных целей, их согласование с целями и возможностями хозяйственно-корпоративных групп.

В современных условиях на фоне цивилизационных кризисов антироссийской политики Запада необходима максимальная концентрация возможностей страны на решении приоритетных задач формирования эффективной системы хозяйствования, преодоления экономического кризиса.

Форсированный экономический рост возможен лишь на основе стратегического объединения усилий государства и бизнеса. Поэтому необходимость опоры на новую философию взаимодействия бизнеса и власти, в основу которой положена консолидаризационная концепция, объективно отвечает не только насущным потребностям российского бизнеса, но и стратегическим целям экономического развития российского государства, укреплению его экономической безопасности.

Содержательной основой такой консолидации мог бы стать «национальный мегапроект», в котором бы выразился образ будущего России, отвечающий представлениям граждан о благой жизни и вызовам XXI века, в котором использование социальной энергии обще-

ства примет характер «общего дела». **Главной объединяющей целью такого «мегапроекта» может выступить «сбережение народа России», обеспечение качества жизни, привлекательного не только для граждан страны, но и для народов других государств. Отсутствие такого проекта и привело к кризису в Украине. Сейчас главное преодолеть разобщенность в обществе, деление на тех, кто «за Путина», и тех, кто «против Путина». Отсюда самый серьезный вызов, на который должен ответить Президент России – это не допустить раскола в обществе, сплотить и консолидировать его вокруг общенациональных интересов.**

Без консолидации всех ветвей власти и интеллектуально-духовной элиты, а также социально активных слоев населения, олицетворяющих собой «новую Россию», не может быть успешным развитие страны. Если раскол между обществом и властью будет углубляться, не помогут никакие модернизационные проекты. Поэтому весьма актуальной становится необходимость качественного изменения общественного сознания, направление его в русло позитивных изменений. Для большинства граждан реальным стимулом для консолидации становится достижение характеристик качества жизни, которые свойственны среднему классу. Это относительно высокий уровень материальной обеспеченности, высокий социально-профессиональный статус (в основе которого профессиональная компетентность, основанная на качественном высшем и среднем профессиональном образовании), самоидентификация в качестве успешного человека (предполагающая ощущение самодостаточности, принадлежности к активной части российского общества). Это предполагает необходимость решения в качестве первоочередных двух важнейших социальных проблем.

Первое – формирование у всех слоев населения социально положительных потребностей, ценностей и целей, ориентирующих на достижение комфортных условий жизнедеятельности человека.

Второе – создание реальных и равных условий для реализации индивидом своего потенциала как личности.

В целом же, **потребность в новой философии взаимодействия власти и общества, власти и бизнеса, основу которой составляет концепция консолидации, есть свидетельство того, что в обществе сформировался запрос на серьезные перемены в системе политических отношений, во взаимоотношениях власти и общества, запрос на смену экономической политики, обеспечивающей сегодня, главным образом, интересы крупного олигархического бизнеса и связанной с ним коррумпированной части чиновничьего аппарата.**

Литература:

1. *Яковец Ю. В., Кузык Б. Н.* Ответ на вызовы XXI века – становление интегральной цивилизации / Научный доклад. – М.: Институт экономических стратегий, 2009. – С. 22
2. *Моисеев Н. Н.* Закон средневековью / Сб. – М.: Тайдекс К°, 2003. – С. 59.
3. *Левашов В. К., Афанасьев В. А., Новоженина О. П., Шушпанова И. С.* Экспресс-информация «Как живешь, Россия?». / XLI этап социологического мониторинга, декабрь 2014 г. – М.: ИСПИ РАН, 2015. – С. 6.
4. *Лапина Н.* Российские элиты и проблемы интеграции на пространстве СНГ // Общество и экономика. – 2002. – №10–11. – С. 293.

Системный подход к управлению рисками в бизнесе

Любой бизнес-проект – это деятельность целенаправленная на получение прибыли (результата) с привлечением известных сил, средств и технологий (ресурсы). Реализация бизнес-проекта протекает в условиях неопределенности общеэкономической и конкурентной среды, влияние которой определяется на основании имеющегося у руководителя опыта в реализации подобных бизнес-проектов. Здесь можно говорить о наличии у руководителя некой «вербальной» модели, сконструированной из набора условий вида, – «если такой-то фактор среды примет такое значение, то такой-то параметр бизнес-проекта изменится на столько-то, что приведет к изменению на столько-то ожидаемого результата». В данной статье предпринята попытка формализовать подход к составлению модели бизнес-проекта и показать безусловную необходимость создания при этом системы управления рисками.

Подход, который рассматривается в данной статье, по большому счету, базируется на представлении «вербальной модели» в виде двух неразрывно взаимодействующих основных моделей с обязательной обратной связью, а именно:

а) модель бизнес-проекта, представленной в виде системы, что предполагает его декомпозицию на основные взаимодействующие подсистемы с выделением для них параметров, которые необходимо оп-

ределяют это взаимодействие, и значимо влияют на конечный результат будь то сроки, качество или используемые технологии;

б) модель среды, внешней по отношению к бизнес-проекту, составленной из набора возможных сценариев реализации факторов внешней среды. Перечень сценариев должен, с одной стороны, содержать, желательно, наиболее полный перечень факторов, которые имитируют среду «вербальной модели» и оказывают значимое влияние на параметры подсистем и, в конечном счете, на степень реализации запланированных результатов проекта, а, с другой стороны, отражать весь спектр ожидаемых воздействий через сочетание этих значимых факторов среды;

в) обратная связь, представленная в виде процедур управления рисками, возникающими в процессе взаимодействия бизнес-проекта со средой.

Рассмотрим по порядку эти основные модели и обозначим возможные подходы к их созданию.

Сценарии событий

В условиях неопределённости анализ бизнес-проекта всегда проводится для набора возможных сценариев развития внешней среды. Как правило, перечень сценариев должен позволить проанализировать как наиболее реальный, так и наихудший, «стрессовый» варианты, с тем, чтобы убедиться в устойчивости запланированных действий при реализации бизнес-проекта.

При описании возможных сценариев необходимо выделить значимые параметры бизнес-проекта.

Для оценки возможной степени влияния каждого параметра на конечный результат и, соответственно, отбора значимых, целесообразно представить бизнес-проект, используя *системный подход* как систему, а именно – как совокупность взаимодействующих элементов, образующих целостность, вследствие чего создается системный эффект, т. е. способность достижения поставленной цели.

Процедуру такого отбора, основанную на методике системного анализа, можно представить следующим образом:

1) определяется цель изучаемого бизнес-проекта как системы в целом;

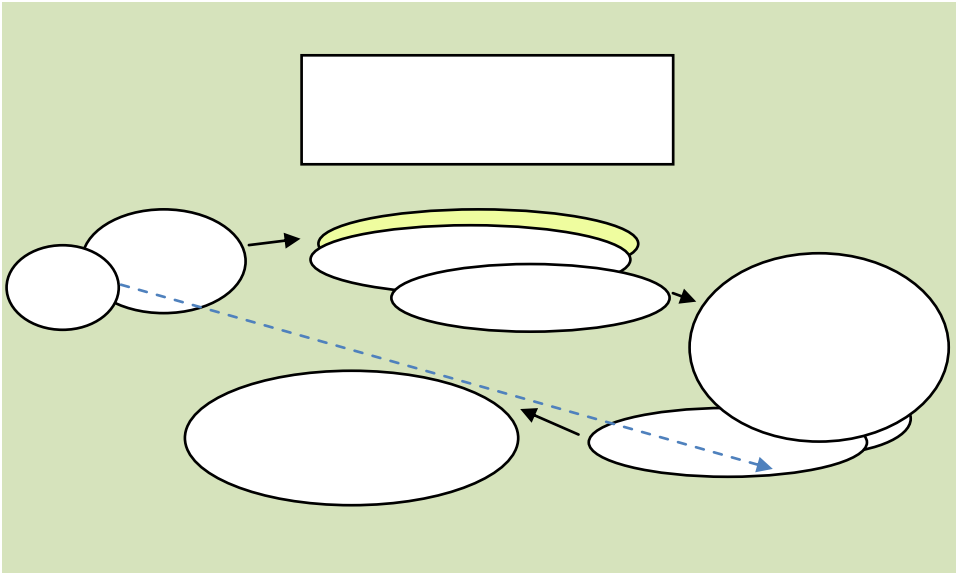
2) исходя из цели, формируется показатели и критерии оценки эффективности системы в целом. Как правило, под эффективностью понимается количественная оценка степени соответствия значения показателей, заданным критериям;

3) представление бизнес-проекта в виде системы, т. е. его декомпозиция на основные взаимодействующие подсистемы, описание процессов, лежащих в основе функционирования подсистем;

4) изучение процессов, лежащих в основе функционирования подсистем, с тем чтобы определить такие основные параметры подсистем, которые обеспечат ожидаемый конечный результат для системы в целом, но изменяются под воздействием неблагоприятных факторов среды определенной силы. По степени влияния изменения параметров на конечный результат определяется значимость тех или иных параметров подсистем.

Выбор значимых параметров для построения модели бизнес-проекта (рис. 1).

Рисунок 1
СТРУКТУРА БИЗНЕС-ПРОЕКТА



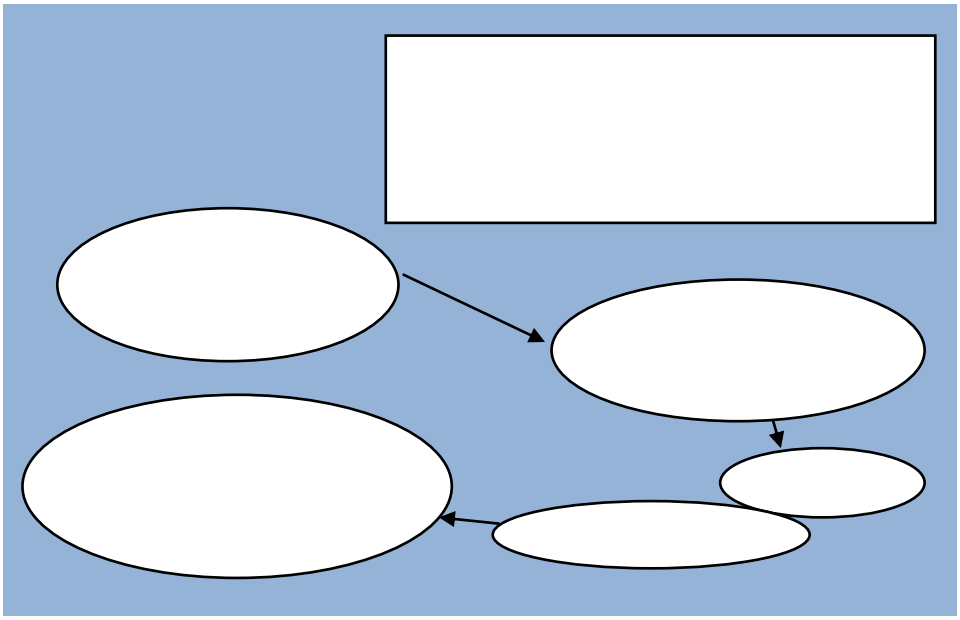
Выше описанная методика (подход) является тем инструментом, который позволяет воссоздать модель бизнес-проекта на базе основных параметров его подсистем для поддержки принятия решений в условиях сценарного подхода оценки системного результата. Глубина формирования решений, в свою очередь, определяет глубину представления подсистем и, в конечном счете, конечный перечень «значимых» параметров для учета при моделировании и соответственно событий, определяющих сценарные варианты. Изучение системы, как правило, основано на описании, формализации (моделировании) и последующем модельном изучении возможных состояний в процессе функционирования.

Имитационная модель среды

Описание внешней среды тоже можно представить как модель, составленную из некоей совокупности событий/факторов, которые необходимо учесть, как в силу содержательного описания среды, так и их существенного влияния на бизнес-проект. При этом выбор таких событий производится методом изменения уровня каждого отдельного события в диапазоне значений, действующих сценариев, что дает возможность определить те события/факторы, изменение которых оказывает воздействие на «значимые» параметры бизнес-проекта и, соответственно, на отклонения в его результатах. События, способные привести к ущербу – это перечень факторов риска или факторов подверженности риску. Выделенные таким образом события – совокупность факторов риска, формируют модель среды, а в зависимости от принимаемых значений своей силы – конкретные сценарии среды.

Выделение событий/факторов среды для последующего обязательного учета при формировании сценариев развития (рис. 2).

Рисунок 2
УПРОЩЕННАЯ МОДЕЛЬ БИЗНЕС-ПРОЕКТА



Обратная связь

Для принятия решения руководителем, недостаточно представить только модели среды и бизнес-процесса, поскольку для успешного выполнения бизнес-проекта простого учета воздействия среды на бизнес-проект недостаточно. Необходимы соответствующие знания и навыки руководителя по учету возникающих последствий такого воздействия, иными словами опыт.

Ориентированность руководителя на полезный результат формирует избирательный поиск и извлечение информации из его памяти о так называемых «мелочах», которые подчас могут стоить слишком дорого в случае их игнорирования.

Опыт руководителя необходим и, безусловно, определяет принятие решения на выбор варианта будущего действия, снижает степень неопределенности, сокращая число возможных сценариев, и вносит определенность в то, что и как делать. На основе избранного направления действия формализуется связь программ действия и результатов действия, т.е. представления о том, что должно быть достигнуто в итоге и каким образом это может быть достигнуто.

При этом обязательным условием является наличие обратной связи – получение информации о ходе реализации бизнес-проекта и промежуточных результатах действия.

За счет получения обратной связи руководитель приобретает способность оценивать степень достижения желаемого результата, вносить коррективы в предстоящие действия и, возможно, формировать промежуточные задачи и ориентиры, мотивирующие на достижение конечного результата. Здесь можно говорить о бизнес-проекте как «функциональной системе», для которой характерно рассматривать мотивацию как основной фактор запуска человеческой деятельности, направленной на достижение некоего полезного, с точки зрения бизнеса, результата.

Оценка на несоответствие фактического промежуточного результата ожидаемому, вновь порождает мотивацию пропорционально степени несоответствия ожидаемому результату в ходе выполнения контрольного цикла (рис. 3). Если фактически полученные показатели, в том числе промежуточных этапов, не соответствуют ожидаемым, необходимо рассмотреть в связи с чем это происходит.

Среди возможных причин следует выделить:

– изменением общеэкономической и коммерческой среды, которое не предусмотрено в сценарном наборе функционирования модели;

– модельными ошибками, а именно: не учет какого-то значимого параметра подсистемы или фактора среды, отсутствием взаимосвязи каких-либо подсистем иными ошибками в представлении структуры;

– параметрические ошибки в описании процессов, лежащих в основе функционирования подсистем, обусловленные некорректностью допущений.

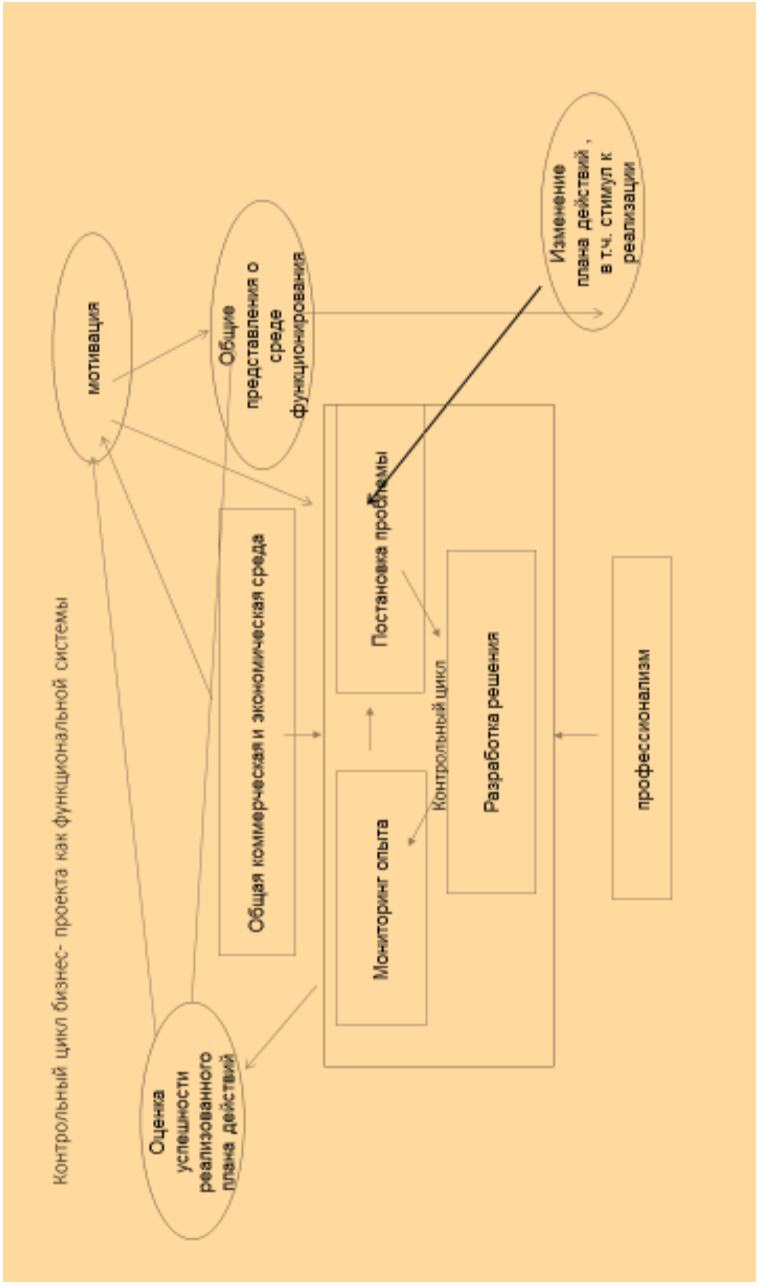


Рисунок 3
КОНТРОЛЬНЫЙ ЦИКЛ БИЗНЕС-ПРОЕКТА КАК ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В процессе изучения бизнес-проекта в различных сценариях появляется понятие риск, под которым будем понимать количественную оценку возможного, как правило, негативного отклонения от заданных показателей, например, сроков и/или качества бизнес-проекта под воздействием силы факторов риска, обладающих признаками вероятности и случайности реализации.

Риск – это сочетание размера неблагоприятных последствий от воздействия факторов определенной силы, наступающих с некоторой вероятностью.

Частота возникновения событий – основа определения вероятности риска.

Риск количественно характеризуется размером отклонения результата от ожидаемой величины и вероятностью реализации такого отклонения. При этом чем больше диапазон между возможным максимальным и минимальным исходами, например убытками, при равной вероятности их получения, тем выше степень риска.

Изучение рисков, является предметом актуарной деятельности – деятельности по анализу и количественной, финансовой оценке рисков и (или) обусловленных наличием рисков финансовых обязательств, а также разработке и оценке эффективности методов управления финансовыми рисками.

Результатом актуарной деятельности, заключающейся в применении совокупности методов, приемов и мероприятий, позволяющих с известной степенью надежности выявить и оценить риски, и по полученным результатам спланировать и реализовать комплекс мероприятий по управлению факторами риска, является создание системы риск-менеджмента бизнес-проекта.

Создания системы управления рисками (модельный подход) включает в себя следующие этапы.

1. Разработка модели количественной оценки влияния факторов риска на выбранный показатель. Оценка финансовых, кредитных, маркетинговых, социальных рисков – создание актуарной модели денежных потоков, моделирует конечный результат бизнес-проекта как совокупность расходов и доходов с учетом временной стоимости денег и вероятности наступления соответствующих событий.

Определение потоков происходит в процессе построения технологической карты (карта бизнес процессов) исследуемого бизнес-проекта.

2. Разработка сценариев развития как внешних, так и внутренних факторов риска, воздействующих на бизнес. Проработка «стресс»-сценария, который используется для определения устойчивости бизнес-проекта в условиях возможного, с учетом предыстории, превышения обычных пределов изменения факторов риска.

3. Оценка финансового результата для каждого из сценариев.

4. Количественная оценка чувствительности финансового результата к изменению внешних и внутренних факторов риска. Ранжирование факторов риска по их значимости влияния на финансовый результат. Построение карты рисков.

5. Управление риском. После выявление и оценки рисков руководителем бизнес-проекта принимается обоснованное решение либо на снижение риска (уклонение или диверсификацию рисков), либо на финансирование риска (удержание риска на собственном покрытии, передача риска, например, страхование, или хеджирование).

6. Обязательный мониторинг риска и изменения убытков (вероятности убытка и/или его размера) в зависимости от принятого решения. Принятие решения о сокращении/увеличении периодичности в оценке рисков.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что рассмотрение бизнес-проекта как сложной системы, включающей собственно модель бизнес-процессов, модель среды и обратную связь позволяет вместо интуитивного построения плана и методов реализации бизнес-проекта перейти к обоснованному управлению рисками на базе актуарных моделей бизнес-проекта и соответствующих количественных оценок.

Литература:

1. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сб. переводов / Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.
2. ГОСТ Р ИСО МЭК 15288-2005. Системная инженерия. Процессы жизненного цикла систем (аналог ISO/IEC 15288:2002 System engineering – System life cycle processes).
3. *Анохин П. К.* Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций. М., «Наука», 1973. – С. 5–61.
4. Энциклопедия финансового риск-менеджмента / Под ред. А. А. Лобанова и А. В. Чугунова. – М., Альпина Паблишер, 2003. – С. 786.
5. Федеральный закон «Об актуарной деятельности в Российской Федерации» от 2 ноября 2013 г. № 293-ФЗ.

Приложение 1

ПРИМЕРНЫЙ ПЛАН РАБОТ ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ КОМПАНИИ

№ п/п	Наименование этапа	Ответственное подразделение	Подразделения соисполнители	Ожидаемый результат
1	Выявление и анализ рисков на уровне топ-менеджмента		Руководство	Заполнение таблицы зон ответственности подразделений
2	Выявление и анализ рисков в каждом подразделении	Подразделение риск-менеджмента	Все структурные подразделения компании	Уточнение таблицы зон ответственности подразделений дополнительными рисками
3	Определение степени взаимовлияния выявленных рисков и влияния на организацию в целом	Подразделение риск-менеджмента	Ключевые подразделения	Выявление/уточнение факторов риска; оценка масштаба (возможного размера последствий) и частоты наступления
4	Составление/уточнение качественной карты рисков	Подразделение риск-менеджмента	Подразделение риск-менеджмента	Экспертная карта рисков, ранжирование рисков по степени риска (опасности как произведения масштаба и вероятности)
5	Выбор показателя (ей) бизнес-процесса. Доработка актуарной модели денежных потоков доходов и расходов (модель офиса) в интересах количественной оценки влияния факторов риска на выбранные показатели. Тестирование модели бизнес-процесса	Подразделение риск-менеджмента	Подразделение риск-менеджмента	Оценка рисков – построение актуарной модели денежных потоков доходов и расходов (модель офиса). Тестирование на адекватность – ретроспективный анализ показателей
6	Разработка сценариев развития среды, «стресс»-сценарий	Подразделение риск-менеджмента	Подразделение риск-менеджмента	Представление сценариев как совокупности факторов риска разной силы с не противоречивыми тенденциями развития
7	Оценка и анализ показателей бизнес-процесса для каждого из разработанных сценариев	Подразделение риск-менеджмента	Подразделение риск-менеджмента	Количественные оценки показателей, рекомендации к уточнению «экспертной» карты рисков по оцененной количественно степени риска (опасности). Выявление/ уточнение ключевых рисков
8	Проектирование стратегий по управлению ключевыми рисками	Руководство	Ключевые подразделения	Определение рациональной стратегии. План по реализации выбранной стратегии
9	Мониторинг рисков бизнес-процесса в разрезе реализуемой стратегии	Подразделение риск-менеджмента	Ключевые подраз-деления	Оценка рисков (степень несоответствия реализуемых значений показателей запланированным) актуарной моделью денежных потоков доходов и расходов (модель офиса)
10	Оперативные решения по выявленным отклонениям в ходе реализации бизнес-процесса	Руководство	Ключевые подразделения	Реализация действий, направленных на достижение запланированного результата по показателям

Риски потребительского рынка в условиях российской реальности

Тотальная экономия на крупных расходах

Снижение реальных доходов населения в первом квартале 2015 г. на 6–9 % по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. привело потребителей в состояние глубокого уныния. Резко снизилась доля семей, совершавших различные крупные покупки на протяжении прошедшего полугодия. Восстановления потребительского оптимизма в ближайшие полгода, вероятно, не предвидится. Более половины респондентов крупных покупок на ближайшие шесть месяцев не планируют, разве что готовы потратиться на одежду и ремонт квартир.

В марте 2915 г. исследовательский холдинг РОМИР в ходе очередного всероссийского опроса поинтересовался у респондентов, какие крупные расходы были совершены в их семьях за последние шесть месяцев и какие планируются на следующее полугодие. Аналогичные вопросы задавались в 2011–2014 гг. Во всероссийском опросе приняли участие 1 500 человек в возрасте от 18 лет старше, проживающие в городах и сельской местности, во всех федеральных округах. Выборка репрезентирует взрослое население России.

Полугодие с октября 2014 г. по март 2015 г. в экономическом отношении оказалось в России самым непростым за несколько последних лет. Прекращение внешнего финансирования, атака на рубль, завершившаяся его почти двукратной девальвацией, просчеты в кредитно-финансовой сфере, сокращение поставок импортного продовольствия привели к ускорению темпов роста потребительских цен до 16–19 % в годовом выражении.

Номинальные же доходы населения выросли за год в среднем всего на 9 %. При этом у многих россиян номинальные доходы не выросли вовсе. В результате реальные доходы населения в 1-м квартале 2015 г. оказались на 6–9 % ниже уровня 1-го квартала 2014 г. Снижение реальных доходов населения в квартальном выражении произошло впервые за последние 15 лет. Даже в 2009 г. динамика реальных доходов (благодаря государственной политике поддержки бюджетников и пенсионеров) находилась возле нулевых отметок. А последнее резкое сокращение реальных доходов население нашей страны переживало осенью 1998 г. и в 1999 г.

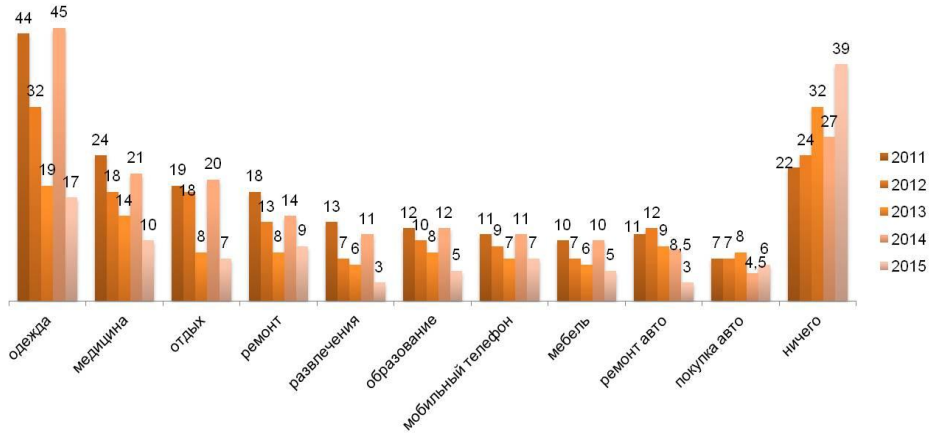
Безусловно, это не могло не сказаться на потребительских настроениях и реальном поведении в отношении крупных покупок. Потребительская активность на всех крупных рынках, кроме рынка ав-

томобилей и крупной бытовой техники и электроники, резко снизилась (см. диаграмму 1).

Почти 40 % участников исследования заявили, что в прошедшие шесть месяцев их семьи не совершили ни одной крупной покупки или траты. При предыдущем замере (в сентябре 2014 г.) доля семей, не совершавших крупных расходов за полугодие, была в 1,5 раза ниже – 27 %. А в 2011 г. доля таких семей едва превышала 20 %.

Диаграмма 1

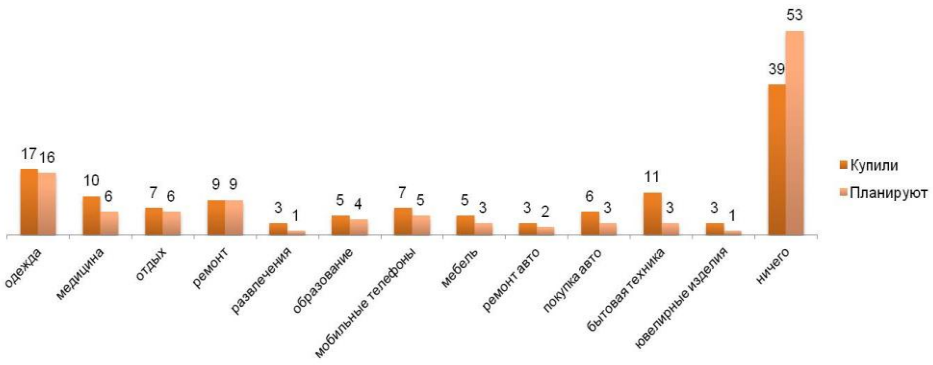
КРУПНЫЕ РАСХОДЫ В 2011–2015 ГГ., в %



Источник: Холдинг РОМИР. – 2015, март.

Более половины (53 %) респондентов заявили, что не планируют крупных расходов и в следующие шесть месяцев. Из года в год доля не планирующих крупные расходы в следующем периоде превышает долю не совершавших крупных трат в предыдущие шесть месяцев на 7–12 п. п. Это связано с тем, что часть крупных расходов, таких, как оплата экстренных медицинских услуг, ремонт автомобиля, замена крупной бытовой техники, покупка мобильного телефона и украшений носит незапланированный характер. Но еще ни разу за последние пять лет доля семей, собирающихся воздержаться от крупных покупок в течение полугодия, не превышала 45 %.

Диаграмма 2
ЧТО КУПИЛИ ЗА ПРЕДЫДУЩИЕ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ И ЧТО СОБИРАЮТСЯ ПРИОБРЕСТИ В СЛЕДУЮЩИЕ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ? в %



Источник: Холдинг РОМИР. – 2015, март.

Одежда

Как и в предыдущие годы, наиболее «массовой» крупной покупкой полугодия стало приобретение одежды и обуви. Но если в 2014 г. такие покупки сделали 45 % семей, то за отчетный период – только 17 %. Это недвусмысленно свидетельствует в пользу того, что потребительский выбор на рынках одежды и обуви резко сместился в нижние ценовые сегменты. Конечно, россияне не перестали покупать одежду и обувь, но очень многие перестали покупать дорогую одежду и обувь. И такие покупки перестали быть «крупными».

И, судя по ответам участников нашего исследования, такая ситуация сохранится еще в течение как минимум полугода (см. диаграмму 2). Тем более, что наступающий теплый сезон позволяет отложить покупку шуб и кожаных курток до осени. Только 16 % респондентов заявили, что покупка одежды или обуви может стать крупной тратой следующего полугодия. В прошлые годы такие расходы планировали 30–35 % респондентов.

Медицина

Расходы, связанные с оплатой медицинских услуг, остались второй по массовости статьей крупных расходов россиян. Но если в сен-

тябре 2014 г. в каждой пятой семье (21 %) за последние шесть месяцев были крупные расходы, связанные со здоровьем, то в марте 2015 г. – только в каждой десятой семье (10 %). В 2013 г. показатель фиксировался на уровне 14 %, но в 2011 г. – 24 %.

Таким образом, приходится констатировать практически двукратное снижение количества обращений к услугам платной медицины. Скорее всего, это происходит за счет резкого урезания «профилактических» мероприятий. Если ситуация примет затяжной характер, то это будет чревато ростом тяжелых (вовремя не диагностированных) заболеваний и смертности. А о том, что она вполне может принять затяжной характер, говорит тот факт, что только 6 % участников исследования планируют крупные расходы, связанные с поддержанием здоровья и оплатой медицинских услуг в следующем полугодии.

Ремонт

Полгода назад, отвечая на вопрос о предполагаемых крупных расходах следующих шести месяцев, каждый десятый респондент (10 %) назвал траты, связанные с ремонтом и благоустройством (установка новых окон, дверей, сантехники и т. п.) в квартире, загородном доме, на даче. Отвечая в марте текущего года на вопрос о реально совершенных крупных расходах, 9 % респондентов назвали траты, связанные с ремонтом и обустройством. То есть, как говорится, все сошлось. И, более того, пока можно сказать, что сокращения расходов на ремонт жилья не произошло. Ведь основные работы по благоустройству загородного жилья приходятся на «теплое полугодие», которое только начинается. И почти 10 % респондентов уже запланировали такие расходы на следующее полугодие. Это несколько меньший процент, чем наблюдался в предыдущие годы, но снижение не критичное.

Не исключено, что, сократив расходы на поездки и отдых, одежду и бытовую технику, приобретение нового автомобиля и т. д., многие россияне в 2015 г. займутся обустройством своего городского и загородного жилья. И при грамотной ценовой и ассортиментной политике производителей спрос на строительные материалы со стороны населения не только не уменьшится, но может даже и возрасти.

Летний отдых

В том, что доля, отметивших расходы на поездки, путешествия и отдых, по сравнению с предыдущим опросом сократилась в три раза (с 20 % до 7 %), пока нет ничего страшного или удивительного. Предыдущий опрос проводился в конце сезона отпусков, когда большинство россиян уже успели отдохнуть. 80–85 % туристических поездок в нашей стране совершаются в период с мая по сентябрь.

А вот то, что только 6 % (беспрецедентно низкий показатель за последние пять лет) участников исследования назвали расходы, связанные с поездками на отдых в качестве возможной крупной траты ближайшего полугодия не может не настораживать. Если ближе к лету настроения не изменятся, то туристический сезон 2015 г. будет с треском провален.

Повседневные развлечения

Если о провале летнего туристического сезона мы пока говорим в сослагательном наклонении – как о гипотетическом событии, которое может произойти в будущем при условии сохранения нынешних тенденций и настроений, то провал на рынке повседневных развлечений – это уже состоявшийся факт. Только 3 % участников исследования назвали расходы на походы в театр и кино, кафе и рестораны, музеи и выставки в числе крупных трат прошедшего полугодия. До осени 2014 г. показатель стабильно держался на уровне 7–13 %.

Более того, еще в сентябре 2014 г. 8 % семей планировали подобные расходы. С октября по декабрь в крупных городах, прежде всего в Москве, состоялось несколько громких театральных премьер и концертов. И все это позволяло надеяться на то, что расходы на повседневные развлечения, как минимум, не снизятся. Надежды, увы, не оправдались. Хуже того, на следующее полугодие крупные расходы на развлечения запланировали только 1 % участников исследования.

Конечно, россияне не перестали тратить деньги на развлечения. К примеру, посещаемость кинотеатров в 1-м квартале 2015 г. оказалась рекордной за весь период статистических наблюдений с 2008 г. Просто эти развлечения уже не проходят по статье крупные расходы. Семья из трех человек не идет в кино, а потом в кафе и боулинг, а выбирает что-то одно.

Образование

Только 5 % россиян назвали расходы на оплату образовательных услуг в качестве одной из крупных статей расходов своей семьи. В предыдущие годы показатель держался на уровне 10 %. И еще в сентябре 2014 г. 10 % респондентов предполагали, что такая статья расходов их бюджете будет. На следующие полгода планируют расходы на образование (собственное или – детей) только 4 % участников исследования. В возрастной группе 18–24 года этот показатель все же в два с половиной раза выше – 10 %.

Мебель

О покупке мебели как о существенной трате заявили 5 % респондентов. В предыдущие годы доля аналогичных ответов находилась на уровне 10 %. Осенью прошлого года 7 % респондентов собирались покупать мебель в следующем полугодии. На данный момент покупать мебель в следующие шесть месяцев планируют только 3 % участников исследования.

Сокращение спроса на мебель в 2015 г. на 25–45 % выглядит вполне реальным, если только заявленные планы по ремонту и обустройству жилья не окажут поддержку этому рынку во втором полугодии. Также многое будет зависеть от темпов восстановления потребительского кредитования, которое являлось важным драйвером рынка мебели за пределами столичных регионов.

Автомобиль

Покупка автомобиля за последние полгода была совершена в 6 % семей. Это чуть меньший показатель, чем фиксировался в 2011–2013 гг., и даже чуть больший, чем в опросе 2014 г. Казалось бы, эти данные идут вразрез с информацией о катастрофическом падении продаж новых автомобилей в 1-м квартале 2015 г., которую дает Ассоциация европейского бизнеса (АЕБ). Однако не следует, во-первых, забывать о всплеске ажиотажного спроса на новые автомобили в ноябре – декабре прошлого года. А, во-вторых, вопрос стоял не о покупках новых автомобилей, а о покупках автомобилей вообще. А на вторичном рынке продажи в 2014 г. выросли весьма существенно.

А вот в следующие полгода приобретать автомобиль собираются только 3 % участников исследования – самый низкий показатель за пять лет измерений. Так что спад продаж неизбежен. Но, скорее всего, он не будет таким глубоким (даже на первичном рынке), как это прогнозирует АЕБ (на 50–60 %, т. е. в 2–2,5 раза), а дело ограничится 35 % снижением или даже меньше.

А вот на чем российские автовладельцы действительно собираются (и уже начали) жестко экономить, так это на ремонте и тюнинге своих автомобилей. Если в предыдущие годы доля семей, имевших в течение полугода в своем бюджете крупные расходы на эти цели, составляла 9–12 % и никогда не опускалась ниже 8,5 %, то, по мартовским данным, такие расходы понесли только 3 % семей или 6–7 % автовладельцев. Предвидят такие расходы в будущие полгода только 2 % респондентов (4–5 % автовладельцев). Вероятно, значительная часть автовладельцев отказалась от работ, носящих профилактический или необязательный характер. Часть работ стали выполнять собственными силами, в крайнем случае – обращаются в «гаражные сервисы».

Россиянам к кризисам не привыкать

Подавляющее большинство россиян считают, что экономическая ситуация в нашей стране в настоящий момент не самая простая. Причем более половины опрошенных характеризуют ее как кризис, а четверо из десяти респондентов говорят о наличии ряда проблем экономического характера. Восемь из десяти россиян видят проявление кризиса, в первую очередь, в росте цен, высокой инфляции. Половина респондентов ассоциируют кризис с обесцениванием рубля. Для преодоления экономических трудностей россияне в первую очередь собираются перераспределить семейные бюджеты в пользу самого необходимого, а также сократить расходы на отдых и развлечения.

В марте 2015 г. исследовательский холдинг РОМИР в ходе очередного всероссийского опроса задал россиянам ряд вопросов о восприятии ими текущей экономической ситуации в стране, ее проявлениях лично для них и способах борьбы с экономическими трудностями. Во всероссийском опросе приняли участие 1 500 человек в возрасте от 18 лет старше, проживающих в городах и сельской местности, во всех федеральных округах. Выборка репрезентирует взрослое население России.

Итак, прежде всего респондентам было предложено охарактеризовать текущую экономическую ситуацию в стране. Более половины россиян (53 %) назвали ее кризисной. Еще 39 % – считают, что в России существуют некоторые проблемы экономического характера. И только 3 % участников опроса заявили, что в стране все хорошо, никаких проблем нет.

Отметим, что уровень пессимизма растет с возрастом респондентов, а также пропорционально доходу. Соответственно, наибольшее количество ответов о наличии кризиса было получено в старшей возрастной группе 60+, а также в высокодоходной группе.

На вопрос о том, в чем лично для каждого респондента выражает кризис, ответы распределились следующим образом. Четверо из пяти россиян (79 %) пожаловались на рост цен, высокую инфляцию. Причем этот фактор сильнее всего ударил по низкодоходным группам и пенсионерам.

Половина опрошенных (51 %) признаком кризиса называют девальвацию рубля. А этот фактор, наоборот, больше беспокоит россиян с высоким доходом. Именно эта категория граждан имела привычку выезжать за границу, поэтому обесценивание российской валюты стало ощутимым. Но не стоит также забывать о высокой доле импортных товаров на полках наших магазинов. Девальвация рубля также подстегнула рост цен. Поэтому этот фактор упомянули даже те, кто валютой не пользуется.

О сокращении персонала на предприятиях и росте уровня безработицы заявили треть (33 %) опрошенных. Причем, эта проблема несколько больше беспокоит россиян 35–44 лет, жителей малых городов и сельской местности. О сокращении зарплат, как признаке кризиса, упомянули 25 % россиян. Причем несколько выше доля подобных ответов была зафиксирована в молодежной группе 18–24 лет и опять же среди жителей малых городов.

Трудности с выплатой кредитов испытывают 18 % опрошенных. Об ответных продуктовых санкциях России в отношении ряда западных стран упомянули 13 % респондентов, а об общей напряженной международной обстановке – 32 %.

Диаграмма 3
СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, В ЧЕМ ЛИЧНО ДЛЯ ВАС ВЫРАЖАЕТСЯ КРИЗИС? в %

Источник: Холдинг РОМИР. – 2015, март.

Ответы на вопрос о том, как преодолеть кризисную ситуацию, в основном сводились к различным способам экономии и оптимизации расходов. Так, 43 % россиян ответили, что на время кризиса им придется перераспределить семейный бюджет в пользу еды и самого необходимого. И еще 17 % – заявили, что им придется сократить расходы на еду и товары первой необходимости. Несколько чаще, чем в среднем по выборке, об этом говорили представители низкодоходной группы, а также россияне старше 60 лет.

Еще одним популярным способом экономии является сокращение расходов на отдых и развлечения. Об этом заявил каждый третий (32 %) респондент. Несколько чаще об этом говорили молодые россияне 18–24 лет, а также представители высокодоходной группы. Как мы помним, именно они наиболее озабочены девальвацией рубля, которая автоматически привела к удорожанию зарубежного отдыха.

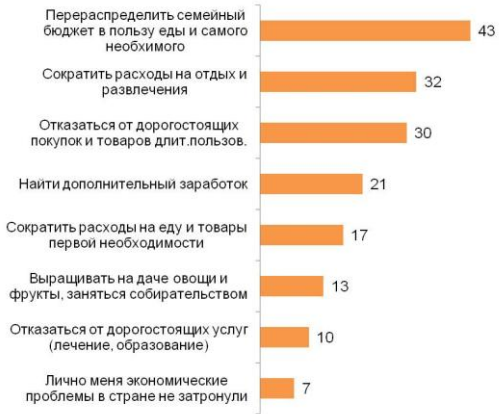
От дорогостоящих покупок и товаров длительного пользования готовы отказаться 30 % россиян. Причем, среди указавших такой вариант ответа несколько чаще встречаются россияне 45–59 лет и жители малых городов страны.

Найти дополнительный заработок на время кризиса собирается каждый пятый респондент (21 %). Такой ответ чаще давали мужчины и россияне 25–44 лет, т. е. активное работающее население, кормильцы, на попечении которых находятся семьи.

О намерении заняться садоводством и огородничеством, т. е. начать выращивать овощи и фрукты для обеспечения своей продуктовой корзины, заявил каждый восьмой опрошенный (13 %). Причем, значительно выше доля подобных ответов среди россиян старше 45 лет и жителей малых городов России. И это не удивительно. Предыдущие опросы РОМИР показывают, что именно в малых городах и сельской местности около 40 % домохозяйств производят половину своей продуктовой корзины самостоятельно – выращивают в садах и огородах, собирают в лесу грибы и ягоды, ходят на охоту и рыбалку.

Не собираются экономить во время кризиса 7 % респондентов, которые признались, что лично их экономические проблемы не коснулись. Почти вдвое доля подобных ответов выше в молодежной группе – видимо, это студенты, которые сами пока ничего не зарабатывают и об экономии не думают. Также в полтора раза чаще об отсутствии личных экономических трудностей заявляли россияне с высокими доходами.

Диаграмма 4
СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАКИЕ ДЕЙСТВИЯ ВЫ ПРЕДПРИНИМАЕТЕ ИЛИ СОБИРАЕТЕСЬ ПРЕДПРИНЯТЬ, ЧТОБЫ ПРЕОДОЛЕТЬ ЭТИ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ? в %



Источник: Холдинг РОМИР. – 2015, март.

Индекс потребительской активности: повседневные расходы жителей российских городов в 1-м квартале 2015 г.

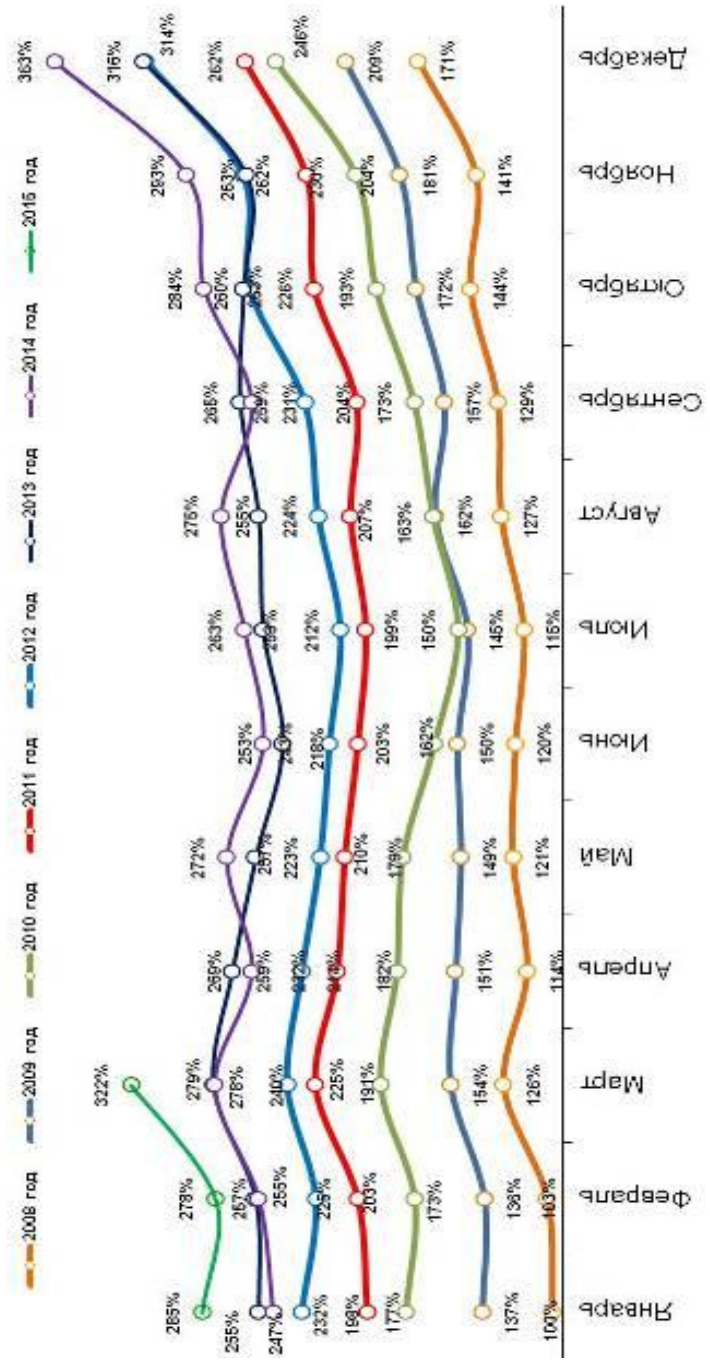
Исследовательский холдинг РОМИР[15] с января 2008 г. исследует потребительское поведение жителей российских городов с помощью скан-панели домохозяйств ROMIR Scan Panel. Информация о покупках, поступающая в режиме онлайн от 10 000 покупателей в городах с населением от 100 тыс. человек, позволяет видеть не только категории и объем товаров повседневного спроса, которые покупают россияне, но отслеживать динамику затрат горожан в абсолютном (денежном) и процентном выражении. Таким образом, 2015 г. жители российский городов начали с возврата к жесткой оптимизации своих расходов. Более того, расходы февраля оказались беспрецедентно низкими за весь период наблюдений. В январе и феврале был отмечен тренд закупки впрок непродовольственных товаров из категорий бытовой химии, косметики и средств по уходу. В марте же кривая расходов резко пошла вверх. Россияне более активно начали покупать продовольствие, а также ощутимо увеличили частоту походов в магазины.

Источник: Холдинг РОМИР, ROMIR Scan Panel. – 2015, март.

Примечание: 100 % = январь 2008 г.

[15] Исследовательская скан-панель домохозяйств ROMIR Scan Panel основана на данных потребления 10 000 россиян, репрезентирующих покупательское и потребительское поведение жителей городов России с населением более 100 тыс. человек. Участники панели сканируют штрих-коды всех купленных товаров, приносимых домой. Данные сканирования в онлайн-режиме поступают в базу данных скан-панели.

График 1
ДИНАМИКА НОМИНАЛЬНЫХ ПОВСЕДНЕВНЫХ РАСХОДОВ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ, январь 2008 г. – март 2015 г.



Январь 2015 г.

По данным исследовательского холдинга РОМИР, полученным на основе панели домашних хозяйств ROMIR Scan Panel, повседневные потребительские расходы в январе 2015 г. снизились на 22 % по сравнению с декабрем 2014 г., что можно расценивать как нормальное сезонное снижение. Подобная тенденция наблюдалась и в январе 2014 г. По сравнению с январем 2014 г. номинальные повседневные расходы в январе 2015 г. выросли на 15 %, что едва покрывает (на 1 %) темп роста потребительских цен. При этом расходы на покупку продуктов питания увеличились на 1 %, а в реальном выражении снизились почти на 15 %.

После предновогодних закупок в декабре потребители возобновили «жесткую» оптимизацию своей продовольственной корзины. Однако расходы на покупку непродовольственных товаров повседневного спроса выросли сразу на 35 % в номинальном выражении или на 15–20 % в реальном. В ожидании дальнейшего роста цен многие потребители стали закупать непродовольственные товары впрок. В январе доля расходов на покупку продуктов питания в повседневной корзине (без крупных расходов и оплаты услуг) в январе 2015 г. опустилась до минимального значения за весь семилетний период наблюдений – 52 %.

Наиболее значительный годовой рост повседневных расходов был зафиксирован в городах с населением от 100 до 5 000 тыс. жителей – более 30 % в номинальном и 15 % в реальном выражении. В Москве и в городах с населением свыше 500 тыс. жителей номинальный годовой рост составил 20–22 %, реальный – 6–7 %. В Санкт-Петербурге и других городах-миллионниках номинальный годовой рост находился в пределах 3–6 %, а реальное потребление сократилось на 7–10 %.

Февраль 2015 г.

В феврале 2015 г. повседневные потребительские расходы снизились на 2,5 % по сравнению с январем. Такое снижение произошло второй раз за весь период наблюдений. Реальные повседневные расходы, т. е. с учетом инфляции, снизились в феврале на 5 %. Такого не было более 15 лет. При этом расходы на покупку продуктов питания снизились на 1,5 % в номинальном и на 18,5 % в реальном выражении. Потребители продолжили «жесткую оптимизацию» своей продовольственной корзины. А вот расходы на покупку непродовольственных товаров повседневного спроса выросли на 25 % в номинальном или на 6–9 % в реальном выражении. В ожидании дальнейшего роста цен многие потребители, видимо, продолжили закупать непродовольственные товары впрок.

Столь значительное снижение стало результатом многообразной «оптимизации» продовольственной корзины потребителями. Очевидно, что такая значительная «экономия» могла быть достигнута различными способами. Например, благодаря переключениям больших групп потребителей на более дешевые товары как внутри одной и той же категории, так и между категориями. Переориентации на приобретение продуктов в магазинах «доступных цен». А также благодаря активному использованию купонов, дисконтных карт, специальных предложений и прочих скидок, предлагаемых торговыми сетями.

Кроме того, потребители могли сокращать объемы покупок подорожавших продуктов питания, а то и вовсе отказываться от приобретения тех или иных деликатесов. Опросы, проведенные РОМИР в 2014 г., подтверждают, что две трети потребителей активно используют несколько из этих способов в той или иной комбинации для «оптимизации» своей продовольственной корзины.

А вот расходы на покупку непродовольственных товаров повседневного спроса за год (с февраля 2014 г.) выросли в номинальном выражении на 25,5 %, т. е. более, чем на четверть. Даже с поправкой на инфляцию по этой группе товаров получается, что реальный рост потребления повседневных непродовольственных товаров составляет 6–9 % за год. В январе рост был еще более впечатляющим – 15–20 % в реальном выражении.

Гипотеза о массовом переключении на более раскрученные бренды, на более дорогие категории, в более дорогих магазинах не выдерживает проверки ни здравым смыслом (кризис на дворе), ни реальностью, отраженной в кассовых чеках. А вот увеличение физического объема приобретения тех или иных непродовольственных товаров повседневного спроса – это правда.

В ожидании дальнейшего роста цен на непродовольственные товары многие потребители стремятся создать у себя дома запасы этих товаров. Тем более что большинство из них не требуют специальных условий хранения, а срок их пригодности к употреблению истекает только через несколько лет. Неприятный парадокс состоит в том, что стремясь защитить себя от повседневной инфляции и формируя дополнительные запасы, потребители создают предпосылки для дальнейшего роста цен на эти товары. Ведь производители и розница, видя хороший спрос на свою продукцию по и без того уже возросшим ценам, резонно предполагают, что и дальше могут повышать цены, раз есть хороший спрос.

Благодаря экстремально высокому спросу на непродовольственные товары в январе 2015 г. их доля в повседневной корзине (без учета крупных покупок и оплаты услуг) возросла до исторического максимума – 48 %. В феврале 2015 г. доля непродовольственных товаров

снизилась до 45 %, но это все равно много. Напомним, что в январе 2014 г. и в январе 2009 г. она составляла по 40 %. В январе 2010–2013 гг. была ниже 30 %.

Март 2015 г.

В марте 2015 г. повседневные потребительские расходы выросли в номинальном выражении на 15,8 % относительно провального февраля. И даже официальная инфляция за март, которую Росстат рассчитал в размере 1,2 %, не может испортить картину. Таким образом, реальные расходы россиян в марте увеличились на 14,6 % относительно февраля текущего года. Правда, номинальный годовой рост потребительских расходов на 15,4 % оказался полностью «съеден» накопленной за год (с марта 2014 г.) официальной инфляцией в 16,9 %. То есть реальные расходы россиян за год – с марта 2014 г. по март 2015 г. – сократились на 1,5 %. Однако это сокращение в разрезе года куда менее существенное, чем фиксировалось в предыдущие месяцы, когда небольшой номинальный рост расходов нивелировался высокими показателями инфляции.

Главным объяснением роста повседневных расходов стал перелом тренда текущего кризиса, когда в стремлении экономить потребители старались просто-напросто меньше ходить в магазины, чтобы меньше тратить. В течение всего 2014 г. фиксировалась тенденция к сокращению числа посещаемых магазинов во всех типов каналов, в отличие от кризиса 2008–2009 гг., когда покупатели в поисках лучших ценовых предложений целенаправленно посещали большее количество торговых точек.

В марте текущего года наметилась аналогичная тенденция. С учетом того, что средний чек относительно февраля практически не изменился, а расходы существенно возросли, то напрашивается вывод, что россияне стали чаще ходить за покупками, а вернее – посещать большее количество магазинов. Попытки экономить через поиски лучших ценовых предложений в итоге привели покупателей к повышенным тратам, возможно, безотчетным. Обходя несколько магазинов, покупатель в каждом что-то покупает. Возможно, таким образом, был создан запас каких-то продуктов и товаров, но общие расходы в итоге возросли.

Возможно, рост повседневных расходов также можно объяснить с психологической точки зрения. Резкое подорожание привычных продуктов поначалу ставит потребителей в ступор. Они начинают экономить или вообще отказываться от товара. Но через месяц-другой происходит адаптация к новым ценам, возникает ностальгия по исключенным из списка продуктам, и покупатель опять возвращается к

привычному набору корзины, которая уже ощутимо подорожала в связи с общим ростом цен на продовольствие.

Это подтверждается и тем фактом, что доля расходов на продукты питания в общей корзине в марте возросла до 60 %, тогда как в феврале этот показатель равнялся 55 %, а в январе – 52 %. Если в первые месяцы года мы делали вывод о том, что россияне запасаются непродовольственными товарами длительного хранения, то по итогам марта можно говорить о более активных покупках продуктов.

Не исключено, что повседневные расходы обязаны своим ростом также общей нервозности потребителей. Высокие риски, связанные с ликвидностью рубля, заставляют потребителей тратить больше теперь уже в целях спасения накоплений. Возможно, создаются новые запасы продуктов, которые были куплены в конце прошлого года, но уже употреблены к концу первого квартала.

В Москве Индекс потребительской активности в марте 2015 г. вырос на 17,9 % относительно предыдущего месяца. За год же москвичи увеличили свои расходы на 13,4 %. А вот в северной столице рост повседневных расходов оказался куда скромнее и в месячном, и в годовом выражении – всего 7,9 % и 5,3 %, соответственно. В остальных же городах-миллионниках рост повседневных расходов в марте составил 15,5 % относительно февраля текущего года и 13,4 % по сравнению с мартом 2014 г.

Жители крупных городов России с населением от 500 тыс. до 1 млн жителей увеличили свои расходы в марте на 14,2 %. А в разрезе года рост оказался равен 20,7 %. Также свыше 20 % роста своих расходов показали жители малых городов России (100–500 тыс. человек) и за месяц, и за год.

Потребители всех доходных групп увеличили свои повседневные расходы в марте относительно предыдущего месяца в одинаковой степени – на 16–17 %. Различия в росте расходов различных доходных групп были выявлены только в разрезе года. Так, повседневные расходы россиян с низким доходом увеличились в марте текущего года относительно марта 2014 г. на 28 %, в среднедоходной группе рост расходов за год составил 19 %, а у высокодоходников – 10,6 %.

То есть реально свои повседневные расходы пришлось увеличить низкодоходникам и представителям так называемого среднего класса, причем первым – на ощутимые 11,1 %, а вторым – на 2,1 %. Чем менее обеспечена домохозяйство, тем сильнее бьет рост цен по семейному бюджету.

Мировой экономический оптимизм. Глобальный Индекс экономической надежды за год вырос на 17 п. п., а российский – на 37 п. п.

В целом, по миру Индекс экономической надежды на 2015 г. вырос до уровня в 19 п. п. В предыдущие годы, напомним, он колебался в пределах от -2 п. п. до 7 п. п. Экономический оптимизм по-прежнему силен в странах азиатского и ближневосточного регионов. Зато развитые европейские страны уже который год подряд не могут выйти из зоны экономического уныния, хотя в некоторых из них Индекс показал положительную динамику при последнем опросе. Аналогичная ситуация сложилась и в нашей стране. Несмотря на то, что уровень экономического оптимизма в России за год вырос сразу на 37 п. п., его показатель все еще сохраняет отрицательное значение в -6 п. п.. Таковы результаты глобального опроса, проведенного ассоциацией независимых исследовательских агентств Gallup International/WIN в 65 странах мира, в том числе в России и на постсоветском пространстве, где эксклюзивным представителем сети является исследовательский холдинг РОМИР.

В рамках очередного, уже 38-го по счету, ежегодного опроса «Глобальный барометр надежды и отчаяния» («Global Barometer on Hope and Despair») Ассоциация исследовательских агентств Gallup International/WIN выяснила настроения жителей планеты относительно экономических перспектив на 2015 г. На основе полученных результатов был построен Индекс экономической надежды путем вычитания числа пессимистов (тех, кто считает, что экономические трудности лишь усугубятся) из числа оптимистов (тех, кто надеется на экономические перспективы).

На вопросы исследования ответили более 60 тыс. человек в 65 странах мира. Согласно полученным результатам, 42 % жителей Земли уверены, что 2015 г. будет годом экономического процветания. 23 % респондентов полагают, что 2015 г. принесет с собой новые экономические проблемы. Почти треть (32 %) участников опроса во всем мире считают, что в 2015 г. экономическая ситуация останется такой же, как и в предыдущие годы (см. диаграмму 5).

Таким образом, глобальный Индекс экономической надежды на 2015 г. получил значение в 19 п. п., улучшив свой показатель сразу на 17 п. п. по сравнению с предыдущим замером. Таких высоких показателей и тем более такого резкого изменения в поведении Индекса ранее не отмечалось. Напомним, в прошлом году значение глобального Индекса экономической надежды равнялось 2 п. п., в 2013 г. – 7 п. п. В 2012 г. его показатель находилось в минусовой зоне -2 п. п., а годом ранее Индекс равнялся опять же 2 п. п.

Диаграмма 5

ПРОГНОЗЫ ЖИТЕЛЕЙ ЗЕМЛИ ОТНОСИТЕЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В 2015 Г.

Источник: Gallup International/WIN. – 2014, декабрь.

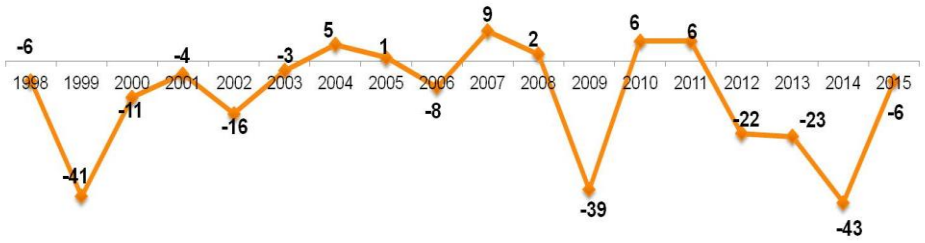
Что касается мнения россиян относительно экономических перспектив 2015 г., то в этом вопросе также произошли заметные изменения по сравнению с прошлым годом. Почти вдвое выросло число экономических оптимистов – с 11 % до 21 %. И одновременно вдвое сократилось количество экономических пессимистов – с 54 % до 27 %. По мнению 44 % жителей России, 2015 г. будет точно таким же, как и минувший 2014 г. Годом ранее так ответили 31 % опрошенных (см. диаграмму 6).

Диаграмма 6

ПРОГНОЗЫ РОССИЯН ОТНОСИТЕЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ В 2014–2015 ГГ.

График 2

ДИНАМИКА ИНДЕКСА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАДЕЖДЫ В РОССИИ В 1998–2015 ГГ., в п. п.



Источник: Исследовательский холдинг РОМИР. – 2014, декабрь.

Таким образом, Россия вступила в 2015 г. с Индексом экономической надежды в -6 п. п., что на 37 п. п. выше показателя предыдущего года. Как видно из графика динамики российского Индекса, значение 2014 г. было беспрецедентно низким за более чем полтора десятка лет. Даже в кризисные 1999 г. и 2009 г. значение Индекса не опускалось так низко, как в 2014 г.

«На первый взгляд может показаться, что Индекс экономической надежды в России в последние годы вел себя несколько странно, – говорит президент исследовательского холдинг РОМИР и директор-координатор Gallup International/WIN по России, СНГ и Восточной Европе Андрей Милехин. – Его падение началось с 2012 г. и усугубилось прогнозами на 2014 г., когда никаких особых экономических и политических катаклизмов вроде бы не наблюдалось. Скорее всего, Индекс тогда лишь отразил накапливающийся экономический пессимизм у большинства наших сограждан. Он показал, что идея потребления и перепотребления себя изжила, а нового плана и стимула у народа не было. Зато в конце прошлого года, когда Россия столкнулась и с девальвацией, и с ростом цен, и с санкциями и антисанкциями, россияне в своих экономических прогнозах продемонстрировали удивительный оптимизм. Вероятно, все экономические потрясения прошлого года, достигнув дна, дали новый толчок для мобилизации населения, показали вектор развития и пробудили надежды на улучшения. Народ мудр в своих предчувствиях».

Народную мудрость продемонстрировали и жители других стран мира. Помимо России, которая кратно улучшила свои позиции, переместившись в общем рейтинге с 61-го на 21-е место, можно также отметить произошедший рост экономического оптимизма в Марокко (с 26 п. п. до 60 п. п.), в Индии (с 13 п. п. до 54 п. п.), а также в Пакистане (с -3 п. п. в 2014 г. до 37 п. п. в нынешнем) и Таиланде (с -23 п. п. до 23 п. п.).

США, погрузившиеся в прошлом году в экономическое уныние с показателем Индекса в -25 п. п., улучшили свои экономические ожидания до уровня в -4 п. п. Заметим, что разнонаправленные колебания Индекса экономической надежды в США происходят из года в год – улучшения регулярно сменяются спадами и наоборот.

Испания по-прежнему остается в минусовой зоне, но нельзя не отметить произошедшего улучшения с -40 п. п. до -17 п. п. Аналогичную динамику продемонстрировала и Ирландия (с -25 п. п. до -4 п. п.), и Греция (с -63 п. п. до -42 п. п.), и Португалия (с -61 п. п. до -48 п. п.).

В зону отрицательных значений опустился Индекс экономической надежды в Бразилии с 28 п. п. в 2014 г. до -3 п. п. в 2015 г. Отметим, что в стране вечного карнавала отрицательная динамика относительно экономической ситуации фиксируется уже третий год подряд. В стан пессимистов попала и еще одна южно-американская страна – Мексика – с результатом в -22 п. п., хотя еще годом ранее Индекс равнялся -3 п. п.

Не радостным представляются экономические перспективы 2015 г. и респондентам в Турции. Значение Индекса в этой стране снизилось за год с -19 п. п. до -36 п. п. Малайзия по результатам последнего опроса также переместилась в отрицательную зону со значением Индекса в -39 п. п., тогда как еще год назад он равнялся 6 п. п., хотя уже имел тенденцию к снижению в течение трех последних лет.

В целом число оптимистов и пессимистов оказалось практически равным. Однако общий положительный сдвиг все же пересилил отрицательную динамику, что повлияло на общий рост значения общемирового Индекса экономической надежды.

Таблица 1

РЕЙТИНГ СТРАН ПО ИНДЕКСУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАДЕЖДЫ НА 2015 Г. В СРАВНЕНИИ С РЕЗУЛЬТАТАМИ ПРЕДЫДУЩИХ ЛЕТ, в п. п.

	Страны	ИЭН на 2015	ИЭН на 2014	ИЭН на 2013	ИЭН на 2012	ИЭН на 2011
	Глобальное среднее	**19**	**2**	**7**	**-2**	**2**
1	Фиджи	60↑	48	-	-	-
2	Марокко	60↑	26	15	-	-
3	Индия	54↑	13	27	0	24
4	Саудовская Аравия	46↑	34	27	19	0
5	Китай	45↑	35	32	21	46
6	Нигерия	45	-	-	-	-
7	Азербайджан	44↑	16	56	30	2
8	Папуа Новая Гвинея	42↑	34	-	-	-
9	Вьетнам	40↑	4	7	51	61
10	Пакистан	37↑	-3	5	-12	-21
11	Дания	31↑	27	-	-	-
12	Афганистан	30↑	2	1	19	24
13	Индонезия	27↑	9	-	-	-
14	Панама	27	-	-	-	-
15	Грузия	26↓	47	63	43	0
16	Бангладеш	23↑	-7	-	-	-
17	Таиланд	23↑	-23	-	-	-
18	Колумбия	18	17	2	28	-16
19	Перу	14↑	9	31	-13	29
20	Палестинские территории	13↑	-39	-7	-26	0
21	Кения	11↑	-5	6	-5	0
22	Филиппины	9	9	25	0	15
23	Косово	5↓	27	-	-	-
24	Бразилия	-3↓	28	45	46	47
25	Ирландия	-4↑	-28	-51	-68	0
26	США	-4↑	-25	-8	-21	-9
27	Россия	-6↑	-43	-23	-22	7
28	Румыния	-6↑	-28	-33	-29	-46
29	Ирак	-7↓	4	0	26	17
30	Эквадор	-7	-	-	-	-

31	Канада	-8↓	-2	-12	-21	-7
32	Нидерланды	-10↓	-5	-	-	-
33	Чехия	-10↑	-28	-32	-24	-31
34	Македония	-12↓	-7	-14	-3	-13
35	Польша	-14↓	-6	-45	-42	-14
36	Швеция	-14↓	-8	-28	-27	24
37	Великобритания	-15	-17	-41	-	-44
38	Швейцария	-16↓	-1	-31	-17	15
39	Испания	-17↑	-40	-59	-47	-35
40	Украина	-17↓	-16	-28	-48	-38
41	Аргентина	-18↓	-1	-13	1	12
42	Исландия	-18↑	-33	-32	-68	0
43	Япония	-18↓	-3	-23	-29	-21
44	Латвия	-20↓	-19	-	-	-
45	Мексика	-22↓	-7	-	-	-
46	Южная Корея	-22↓	-3	-28	-32	-6
47	Австралия	-23↓	-15	-22	-29	-7
48	Казахстан	-27	-	-	-	-
49	Германия	-28↓	-23	-46	-40	3
50	Армения	-31↓	7	-11	8	-3
51	Италия	-31	-34	-32	-30	-35
52	Босния и Герцеговина	-32↑	-40	-53	-52	-17
53	Финляндия	-32↓	-16	-35	-14	17
54	Болгария	-33↓	-29	-19	-23	-31
55	Ливан	-35↓	-17	-66	-23	0
56	Турция	-36↓	-19	-13	-1	-11
57	Израиль	-38	-	-	-	-
58	Малайзия	-39↓	6	17	18	23
59	Гонконг	-40↓	-32	-28	-37	0
60	Сербия	-41↓	-42	-41	-50	-45
61	Греция	-42↑	-63	-	-	-
62	Австрия	-45	-43	-31	-54	-1
63	Португалия	-48↑	-61	-85	-	-
64	Бельгия	-50↓	-33	-64	-54	-1
65	Франция	-51↑	-53	-67	-80	-58

Источник: Gallup International/WIN. – 2014, декабрь.

Gallup International/WIN – крупнейшая и самая известная ассоциация независимых исследовательских агентств, объединяющая 72 компании и проводящая независимые опросы в почти 100 странах мира. В разные периоды Gallup International/WIN проводил соцопросы и exit poll на президентских и парламентских выборах во многих странах мира. В течение многих лет Gallup International/WIN проводит опросы в рамках международных проектов «Глас народа», «Барометр надежд и отчаяния» и др.

РОМИР – крупнейший российский независимый холдинг, специализирующийся на маркетинговых, медиа- и социально-экономических исследованиях. Является эксклюзивным представителем международной исследовательской ассоциации Gallup International/WIN в России и странах СНГ, что дает возможность проводить исследования в более чем 70 странах мира. РОМИР обладает собственной региональной сетью, состоящей из более, чем 30 совместных компаний в ключевых регионах и бывших союзных республиках.

Риски страхового рынка и борьба со страховым мошенничеством: зарубежный опыт и российские практики

Страховое мошенничество – одна из существенных проблем, с которой сталкивается отечественный и зарубежный страховой рынок. Эксперты российского страхового экспертного центра «РЕТО» дают следующее определение этому явлению: «Страховое мошенничество – это противоправное поведение субъектов договора страхования, направленное на получение страхователем страхового возмещения путем обмана или злоупотребления доверием, либо внесение меньшей, чем необходимо при нормальном анализе риска, страховой премии, а также сокрытие важной информации при заключении или в период действия договора страхования, в также отказ страховщика от выплаты страхового возмещения без должных, вытекающих из закона и правил страхования и гарантий, в результате чего субъекты договора страхования получают возможность незаконно и безвозмездно обращать его в свою пользу».

Убытки от страхового мошенничества в Латвии в среднем составляют 15–20 % от всего объема выплат, в 5 000 страховых компаний, которые действуют на территории США убытки от действия страховых мошенников составляют более 100 млрд долл. США или 10–15 % от поступающей премии, Европейский комитет по страхованию оце-

нивает убытки от мошенничества в Европе в 2 % всех страховых премий в странах Европейского союза, что составляет минимум 10 % всех оплаченных претензий. Только в Германии, согласно специальной уголовной статистике, ежегодно совершается от 7,5 до 9 тыс. случаев мошенничества, это составляет примерно 6–8 % от всех выплат. Австралия, оценивает объем страхового мошенничества в 10–15 % от всех заявлений об убытках, Южная Африка – в 15 %, а Шведская ассоциация страховщиков – в 5–10 %.

Ежегодно российские страховщики теряют из-за недобросовестности клиентов и сотрудников. Только за 2014 г., по оценкам Федеральной службы страхового надзора, страховщики выплатили мошенникам больше 50 млрд руб. при общем объеме страховых премий и выплат по всем видам страхования за 2014 г. в 904,86 млрд руб. и 472,27 млрд руб., соответственно.

Наиболее часто страховое мошенничество встречается в массовых видах страхования: АВТОКАСКО, ОСАГО, страхование строений и имущества граждан. По данным Всероссийского союза страховщиков, чаще всего мошенники проводят аферы со страхованием автомобилей –20 % от общего объема всех случаев, произошедших в 2014 г. Кредитный аналитик Standard & Poor's (S&P) Виктор Никольский считает, что в автостраховании на долю недобросовестных клиентов, может приходиться до 30 % первично заявленных убытков. «К таким мы относим заявления клиентов по убыткам, которых не было, т. е. прямое мошенничество, заявление убытка сразу в несколько компаний или выдуманный угон автомобиля». Однако доказать что попытка клиента увеличить сумму возмещения – это мошенническая схема совсем непросто. В имущественном страховании, в том числе по ипотеке и несчастным случаям доля мошенничества занимает не более 10 %, и идет вслед за автострахованием.

Председатель комитета по борьбе со страховыми преступлениями ВСС Сергей Ефремов отметил, что страховщики могут доказать неправомерность действия своих клиентов только в 1 % от всех случаев, что составляет не более 5 млрд руб.

За 2012 г. Департаментом экономической и информационной защиты бизнеса компании РОСГОССТРАХ было выявлено 957 фактов страхового мошенничества (в 2011 г. – 596, рост 60,6 %), в том числе с участием преступных групп. Предотвращено убытков в результате мошенничества и возвращено в компанию 885,5 млн руб., что на 33 % превышает аналогичный показатель за 2011 г. На рост числа фактов страхового мошенничества влияет и рост объемов поступающей страховой премии. Так, в РОСГОССТРАХе (крупнейшая российская страховая компания) поступления в 2011 г. и 2012 г. составили 84,3 млрд руб. и 97,4 млрд руб., соответственно (рост – 15,5 %).

По итогам 2014 г. ОСАО «Ингосстрах» удалось пресечь 886 попыток незаконных страховых выплат. Деятельность департамента анализа и защиты информации ОСАО «Ингосстрах» позволила компании сохранить денежные средства на сумму свыше 1,1 млрд руб. Наибольшая часть указанной суммы приходится на предотвращенные выплаты страхового возмещения по убыткам, имеющим признаки страхового мошенничества, – 978,2 млн руб.

Во Всероссийском союзе страховщиков уверены в том, что в нынешнем году страховых историй, носящих криминальный характер, будет гораздо больше. В первую очередь, активность мошенников увеличится в связи с ухудшимся финансовым положением российского населения, и рост преступлений может достигнуть 10 % от страховых премий.

Данные статистики свидетельствуют о значительных убытках страховых компаний. Эта ситуация заставляет страховщиков закладывать риск получения убытков от злоумышленников в стоимость страховых полисов и это касается всех потребителей продуктов страхования.

За рубежом под страховым мошенничеством понимается умышленное преступление, направленное на обман страховой компании и совершенное страхователем (выгодоприобретателем) с целью необоснованного обогащения за счет страховщика путем искажения информации об объекте страхования, совершения действий, направленных на наступление страхового случая или увеличение суммы страхового возмещения и т. п.

В уголовные кодексы многих стран внесено как самостоятельный вид мошенничества мошенничество в сфере страхования, при этом дано его, определение, сформулированы состав преступлений и наказание за совершение их:

– ст. 11 гл. 9 УК Швеции предусматривает ответственность за приготовление к совершению мошенничества лица, которое для обмана страхового общества или с иными мошенническими намерениями причиняет телесные повреждения себе или другому лицу или наносит ущерб имуществу, принадлежащему ему или другому лицу;

– ст. 151 УК Австрии («Злоупотребление страхованием») предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до шести месяцев или штраф до 360 дневных норм за преднамеренное разрушение или повреждение застрахованного имущества, или за нанесение себе или другому лицу телесных повреждений, или за иное причинение вреда здоровью;

– ст. 265 УК Германии («Обман с целью получения повышенной страховки») выделяет поджог как наиболее общественно опасный вид страхового мошенничества;

– ст. 183 УК Китая, предусматривающая наказание за преступления, совершенные работниками страховой компании, по организа-

ции страхового случая и присвоения страховой выплаты (лишение свободы до пяти лет), и ст. 198, устанавливающая ответственность за страховое мошенничество со стороны страхователя (наказанием может быть лишение свободы на срок свыше 10 лет – самое жесткое наказание в мировой практике за данный вид преступлений);

– ст. 213 УК Болгарии предусматривает наказание за уничтожение или повреждение застрахованного имущества;

– ст. 298 УК Польши предусматривает уголовную ответственность того, кто с целью получения компенсации по договору страхования вызывает происшествие, являющееся основанием для выплаты такой компенсации;

– ст. 327–328 УК Голландии и др.

Наиболее жесткое наказание за данный вид преступлений – свыше 10 лет лишения свободы – предусматривает уголовный кодекс Китая. В США данный вопрос регулируется на уровне штатов, а не федерального законодательства. Поэтому ответственность за страховое мошенничество в разных штатах отличается.

До декабря 2012 г. в российском уголовном праве не было отдельно выделенного преступления «Страховое мошенничество», а была общая ст. 159 Уголовного кодекса РФ «Мошенничество», по которой определялось наказание и для страховых мошенников. В соответствии с п. 1 этой статьи мошенничеством признавалось хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Но существенность проблемы и темпы ее развития в России заставили квалифицировать «страховое мошенничество» как самостоятельный вид преступления и ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 159.5 «Мошенничество в сфере страхования», в которой сказано, что: «Мошенничество в сфере страхования, т. е. хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу». Этой же статьей устанавливается ответственность за мошеннические действия в сфере страхования.

Страховое мошенничество относится к экономическим видам преступлений. Предметом страхового мошенничества выступает имущество в виде денежных средств (страховых выплат, страховых взносов, страховых премий), т. е. страховое мошенничество является преступлениям с материальным составом. Обязательным признаком объективной стороны этого преступления является наступление преступного результата.

По рассматриваемой норме преступное деяние считается законченным с момента получения страхователем (иными лицами) похи-

щаемой суммы денег, а так же приобретения им (ими) юридического права на распоряжение такими деньгами. Факт предоставления страхователем страховщику заведомо ложных и (или) недостоверных сведений в зависимости от обстоятельств дела может содержать признаки приготовления к мошенничеству в сфере страхования или покушения на совершение такого преступления.

С одной стороны, для страхового мошенничества наиболее типичен прямой, конкретизированный, обдуманный умысел, а с другой – рассматриваемая категория преступлений состоит в разнообразии способов совершения страхового мошенничества, что является спецификой данного вида преступления. Сегодня насчитывается более восьмисот лицензируемых видов страхования и более двухсот способов совершения преступлений в страховой сфере в зависимости от вида страхования: обязательное или добровольное, страхование жизни, здоровья, имущества, транспортных средств, поездок и путешествий, гражданской или профессиональной ответственности и других видов. При этом 80 % страховых мошенничеств совершаются лицами ранее не судимыми и не совершавшими противоправных действий.

Всплески мошенничества в сфере страхования в России объясняются объективными и субъективными причинами, которые можно разделить на внутренние и внешние. И если внутренние носят долгосрочный постоянного действия характер, то внешние являются «толчковыми».

Внешние причины (не зависящие от деятельности страховых компаний)

1. *Изменения страхового законодательства*, такие, как:

1) вступление в силу Постановления Правительства РФ, вносящего изменения в Закон об ОСАГО по расширению лимита выплат до 400 000 руб. при оформлении ДТП по Европротоколу (с 1 октября 2014 г.);

2) обязательное использование для Европротокола телематических ГЛОНАСС-устройств (с 1 января 2016 г.);

3) вступление России в Программу «Зеленая карта» (с 1 января 2009 г.);

4) развитие страхование ответственности строительных организаций – членов СРО в связи с отменой лицензирования строителей (с 1 января 2009 г.);

5) введение обязательного страхования ответственности для предпринимателей, занимающихся речными и морскими перевозками, погрузочно-разгрузочной деятельностью на водном транспорте, буксировками морским транспортом (с 1 июля 2009 г.);

6) принятие Закона по ОСАГО (25 апреля 2002 г.).

Только принятие ФЗ «Об ОСАГО» добавило 35–40 млн страхователей. «ОСАГО как массовый вид страхования стал катализатором страхового мошенничества», – подчеркивал начальник управления страхования автотранспорта СК «МРСС» Александр Гладышев. А введение в 2009 г. обязательного страхования ответственности перевозчиков перед пассажирами обеспечил объем нового рынка всего в 3,7 млрд руб. и поддержало рынок только на 0,7 % поступлений при общем падении рынка по сравнению с 2008 г. на 7 %.

Сейчас изобретательность клиентов страховых компаний только совершенствуется: схемы по «отъему» денег у страховой компании проникают в личное страхование. Иногда страхователи даже собственноручно калечат себя.

2. *Кризисные явления в экономике. Макроэкономическая нестабильность.*

В Стратегии развития рынка страхования до 2020 г. отмечены причины, по которым мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. способствовал разрушительной конкуренции на страховом рынке. К концу 2009 г. розничное страхование стало убыточным, а корпоративное страхование осталось более устойчивым (из-за высокой доли кэптивного страхования). Объемы собираемых премий начали быстро сокращаться (особенно в розничном сегменте). Конкуренция задала ценовой демпинг и завышение уровней комиссионного вознаграждения. Кроме того, поскольку в 2008–2009 гг. премии по автострахованию составляли 67,5 %, то при падении курса рубля за этот период в среднем на 28 % привело к дополнительному увеличению коэффициента страховых выплат минимум на 5 % (из-за роста стоимости валютных запчастей), что обострило валютные риски.

Маржа от операций на открытом рынке сократилась, а так как многие страховщики осуществляли андеррайтинг на основе движения денежных средств, то результатом стал кризис ликвидности, приведший многих страховщиков на грань банкротства.

В 2008–2009 гг. ведущей стратегией российских страховщиков стало сохранение объемов собираемых премий с целью избежать кризиса ликвидности. Ко второму кварталу 2009 г. большинство страховщиков начали принимать антикризисные меры, сокращать расходы, штат сотрудников и фонд оплаты труда, а также часто отказывать или задерживать выплаты. Отсюда демпинг, шлейф убытков и банкротств страховых компаний, который тянулся до 2012 г.

Ситуацию ухудшил резкий рост мошеннических действий со стороны страхователей, испытывающих финансовые трудности.

Таблица 1

УСРЕДНЕННЫЙ КУРС ДОЛЛАРА

Дата	Курс доллара, *руб.*	Дата	Курс доллара, *руб.*	Дата	Курс доллара, *руб.*
Декабрь, 2008	28,15	Декабрь, 2009	29,96	Декабрь, 2014	55,77
Ноябрь, 2008	27,33	Ноябрь, 2009	28,9	Ноябрь, 2014	46,22
Октябрь, 2008	26,36	Октябрь, 2009	29,46	Октябрь, 2014	40,8
Сентябрь, 2008	25,27	Сентябрь, 2009	30,86	Сентябрь, 2014	37,9
Август, 2008	24,15	Август, 2009	31,65	Август, 2014	36,1
Июль, 2008	23,35	Июль, 2009	31,51	Июль, 2014	34,64
Июнь, 2008	23,64	Июнь, 2009	31,06	Июнь, 2014	34,45
Май, 2008	23,72	Май, 2009	31,99	Май, 2014	34,83
Апрель, 2008	23,51	Апрель, 2009	33,58	Апрель, 2014	35,67
Март, 2008	23,76	Март, 2009	34,66	Март, 2014	36,2
Февраль, 2008	24,53	Февраль, 2009	35,81	Февраль, 2014	35,24
Январь, 2008	**24,5**	Январь, 2009	32,49	Январь, 2014	33,78
Средний курс доллара за 2008	**24,86**	**Средний курс доллара за 2009**	**31,83**	**Средний курс доллара за 2014**	**38,47**
Рост среднего курса доллара 2008–2009	**28 %**			**Рост среднего курса доллара 2008–2009**	**65 %**

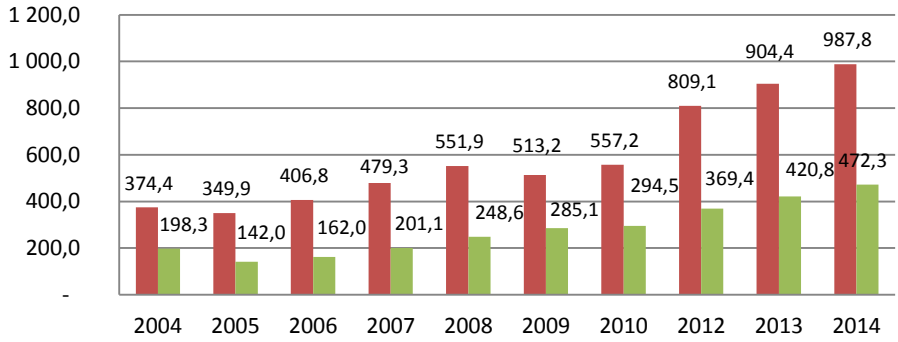
Таблица 2

ДИНАМИКА ОТЗЫВА ЛИЦЕНЗИЙ ПО ГОДАМ

Год	Отозвана	Общее количество компаний	Доля отозванных лицензий*, %
	Количество компаний		
23 апреля 2015	6	–	–
2014	19	406	4,68
2013	39	435	8,97
2012	103	555	18,56
2011	40	609	6,57
2010	89	690	12,90
2009	85	781	10,88
2008	76	854	8,90
2007	84	915	9,18
2006	165	1075	15,35
2005	214	1280	16,72
2004	231	1416	16,31

Диаграмма 1

ДИНАМИКА РОСТА СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ И ВЫПЛАТ, млн руб.



Импульсы, влияющие на динамику страховых сборов и выплат

2005 г. прекращение использования корпоративных схем в страховании жизни
2008 -2009 г.г. мировой экономическийого криз
2008 г. пик оценки стоимости компании премии х 3
2009 г. кризис ликвидности
2010 г. рост ниже инфляции
2011 г. возобновление роста

Внутренние причины (зависящие от деятельности страховых компаний)

В условиях отсутствия внешних воздействий в 2011–2014 гг. начали активно развиваться новые виды страхования и альтернативные модели продаж страховых продуктов – продажи через банки (кроме кредитного страхования) и нестраховых посредников, Интернет-проекты, а в рамках традиционных каналов – кросс-продажи *(из Стратегии развития рынка страхования на период до 2020 г.)*.

1. *Страхованию жизни*, в том числе с участием страхователей в инвестиционном доходе страховщика (продажи через банки). За 2-е полугодие 2013 г. по сравнению со 2-м полугодием 2012 г. взносы по страхованию жизни с условием выплаты ренты и/или с участием в инвестиционном доходе выросли на 145 % (через банки – на 282 %). Особенно после старта продаж рискового страхования жизни в сентябре 2012 г., СК «Сбербанк страхование», которая вышла на рынок с главным продуктовым предложением – накопительным и инвестиционным страхованием жизни (рост поступлений в 2012 г. и 2013 г. составил 7 522 % и 1 734 %, соответственно, а по итогам первого полугодия 2014 г. СК «Сбербанк страхование жизни» собрала 14 093 млн страховых премий, т. е. более, чем в семь раз по сравнению с первым полугодием 2013 г.).

2. *Страхованию имущества граждан* (продажи через банки и через иных юридических лиц). За 2-е полугодие 2013 г. по сравнению со 2-м полугодием 2012 г. взносы по страхованию имущества граждан выросли на 22 % (через банки – на 110 %, через других юридических лиц – на 92 %).

3. *Страхованию от несчастных случаев и болезней* (продажи через физических лиц, продажи через нестраховых посредников, кроме банков). За 2-е полугодие 2013 г. по сравнению со 2-м полугодием 2012 г. взносы по страхованию от НС и болезней выросли на 24 % (через агентов-физических лиц на 82 %, через нестраховых посредников кроме банков – также на 82 %). При этом темп прироста взносов, полученных через кредитные организации (в основном это страхование заемщиков), был равен всего 7 %.

Эксперты разделяют мошенничества в России на три группы: преступные группировки и сотрудники страховых компаний, пытающиеся таким образом заработать деньги; отдельные клиенты, которые вводят компанию в заблуждение; непреднамеренное страховое мошенничество.

Страховой мошенник, как правило, это выходец из обеспеченной семьи, имеющий относительно высокий уровень общего и специального образования. Подавляющее большинство занимается различно-

го рода бизнесом, что обеспечивает им информацию о правилах и условиях страхования, правилами определения ущерба и условиями выплат. Женщины реже становятся мошенницами, особенно в случаях связанных с техническим воплощением мошенничества (поджоги, ДТП и т. п.) Крайне сложно установить различия между единичными случаями мошенничества и профессиональным мошенничеством. Дилетант, который несколько раз имел успех в страховом мошенничестве, может с большой долей вероятности стать профессионалом. Мошенники надеются на крайне низкую вероятность раскрытия их деятельности. Пробелы в нормах права и сложившаяся практика способствует тому, что даже если мошенничество будет обнаружено, исполнители вряд ли будут наказаны. Мотивы их поведения вытекают из материальных трудностей. Например, когда долги бизнесмена становятся слишком большими и его кредиторы настаивают на своих претензиях, он может предать свое застрахованное имущество огню.

Поэтому важную роль в борьбе с мошенничеством играет совершенствование законодательства, которое должно обеспечить т**ранспарентность** страхового бизнеса, т. е. поддержанная законодательно прозрачность экономических процессов, однозначное отражение в них всех внутренних явлений, и минимизацию страхового мошенничества. Однако возникают ситуации, провоцирующие мошенников.

Примером такого законодательного решения является в настоящее время «оживление» мошеннических действий в ОСАГО. Как отмечают в РСА, одна из наиболее очевидных причин разногласий по ДТП – спор о самом факте ДТП. Существующие технические средства не могут определить факт ДТП в автоматическом режиме. Отсутствие автоматической регистрации факта ДТП создает предпосылки для разных мошеннических действий, таких, как включение в состав необходимой информации данных о скорости и ускорении автомобиля, которые позволят определить факт и силу внешнего воздействия на него. Обязательное наличие датчика ЭРА-ГЛОНАСС в автомобилях будет только на 1 января 2016 г. Поэтому принятое недоработанное Постановление Правительства об увеличении лимита выплат по ОСАГО до 400 000 руб. (с 1 октября 2014 г.) на основании Европротокола заинтересует мошенников на год и три месяца.

Доработка страхового законодательства по всем видам страхования очень важна для всего страхового сообщества. При этом транспарентность законодательства, в частности, может обеспечиваться на основе развития электронного страхования (электронный полис, коробочный продукт – стандартизация и формальное закрепление, рост доли продаж через Интернет и колл-центр).

Мошенничество может встречаться в различных видах страхования, на всех этапах страхового цикла – от приобретения полиса до расчета с сервисными организациями.

Однако, по мнению старшего менеджера страховой практики компании Accenture Ильи Золина, наиболее актуальным в настоящее время для России остается вопрос противодействия мошенничеству на этапе урегулирования убытков. Методики и модели прогнозной аналитики на основе статистической модели должны позволять выявлять возможные последствия различных действий, а страховщикам определить атрибуты убытков и страхователей, для которых вероятность совершения недобросовестных действий наиболее высока. Желательно чтобы создаваемые модели позволяли раскрывать новые и более сложные схемы мошенничества. Однако отсутствие качественной «истории» страховых случаев существенно затрудняет работу в этом направлении. Хотя уже в настоящее время ряд разработчиков предлагают для страховых компаний программные продукты по предупреждению и выявлению фактов мошенничества в области автомобильного страхования. Например, программный комплекс Аудатэкс является инструментом для онлайн-оценки диапазона рыночной стоимости подержанных ТС, сервисом для определения истории повреждений ТС и, позволяет проверить наличие ТС в архиве крупнейшего европейского аукциона по оценке и продаже битых автомобилей.

Кроме того, в целях ограничения мошеннических действий со стороны сотрудников страховых компаний оказывается полезным использование систем информационной безопасности (DLP-систем). Лицензированные DLP-системы предотвращают умышленную утечку сведений и обслуживающий их документооборот, которые являются коммерческой тайной компаний, а так же помогают расследовать произошедшие инциденты и способствуют повышению надежности системы внутреннего контроля страховых компаний.

В настоящее время – время всплеска мошеннических действий – разработка и внедрение эффективных прогнозных методик и моделей для борьбы со страховым мошенничеством, а также использование DLP-систем стали особо актуальны.

Сегодня мошенничество в сфере страхования стало видом правонарушения, который в нашем обществе не воспринимается как преступление, а считается нормальным явлением.

Изучая опыт зарубежных стран, можно сделать вывод, что, к сожалению, пока ни одной стране не удалось избежать преступлений в сфере страхования. Поэтому разработка методов противодействия страховому мошенничеству – объективная необходимость для нашего современного страхового рынка. При этом следует учесть более чем полувековой успешный опыт развитых стран. Наряду с этим необходимо постоянно информировать население об ущербе, наносимом обществу данными преступлениями. Опросы показывают, что население нашей страны не вполне осознает общественную опасность

страхового мошенничества. Это может снизить эффективность мероприятий по борьбе с противоправными действиями в этой сфере.

Исследование тенденций страхового мошенничества и основных методов противодействия незаконным схемам со стороны страховщиков, проведенное одной уважаемой консалтинговой фирмой, свидетельствует, что в период экономического спада люди более склонны использовать мошеннические схемы в страховании: с этим утверждением согласились 76 % респондентов. В качестве основной причины побуждающей людей к страховому мошенничеству – 68 % респондентов назвали надежду мошенников на безнаказанность их действий. Среди распространенных мотивов опрошенные выделили также потребность в деньгах – 60 % и слишком высокую, по мнению клиентов, стоимость страховых услуг – 42 %.

Сегодня можно с определенной долей уверенности утверждать, что процессы, имевшие место в 2008–2009 гг. (при росте среднего курса доллара в 2008–2009 гг. – 28 %) в страховых компаниях, найдут свое отражение в 2015 г. (при росте среднего курса доллара в 2014 г. – 67 %) и последующих трех-четырех годах будут способствовать еще большему всплеску мошеннических действий со стороны страхователей, особенно испытывающих финансовые трудности и во всех видах страхования, т. е. в текущем году будет оказывать макроэкономическая нестабильность и снижение темпов кредитования, а также насыщение сектора страхования жизни и здоровья при потребительском кредитовании. Наибольшее увеличение мошеннических действий следует ожидать среди физических лиц. Однако мошеннические действия среди юридических лиц могут нанести более существенные потери. Уровень непреднамеренного мошенничества изменится не значительно.

Даже сокращение страховых компаний не обеспечит существенного уменьшения мошеннических действий со стороны страхователей из-за отсутствия у страховщиков системы коллективной безопасности.

Важно еще отметить, что вследствие распространенности этого явления государству наносится значительный материальный ущерб, происходит сращивание новых экономических структур с криминальными элементами. Значительная часть полученных от преступной деятельности доходов оседает в теневом секторе экономики, что создает серьезную угрозу экономической безопасности страны.

Очевидна необходимость внедрения в российскую практику международного опыта системы коллективной безопасности в страховании, включающего в себя создание единой информационной базы страховщиков, организацию взаимодействия с правоохранительными органами и заинтересованными государственными структурами и организациями.

С большой долей вероятности можно предположить, что целевое значение доли потерь рынка от страхового мошенничества, опреде-

ленное Стратегией развития рынка страхования до 2020 г. не более 5 % от объема взносов к 2020 г., достигнуто не будет из-за того, что в настоящий момент задачей страховых компаний является удержание рынка и сокращение издержек, что в свою очередь замедлит темпы развития способов противодействия мошенничеству.

Литература:

1. *Жилкина М. С.* Страховое мошенничество: правовая оценка, практика выявления и методы пресечения. – Волтерс Клувер, 2005.
2. Страховое мошенничество и борьба с ним // *Жук И. Н.* Автомобильное страхование. – М.: АНКИЛ, 2001.
3. Уголовный Кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.
4. http://www.insur-info.ru/comments/801/.
5. http://www.strahyi.ru/material/moschennichestv-strahovanie.
6. https://global.theiia.org/news/Pages/IIARF-Introduces-Innovative-Methodology-for-Integrated-Assurance.aspx.
7. http://www.ins-union.ru/cgi-bin/cm/get_doc.fpl?doc_id=857.
8. http://www.ins-union.ru/rus/news/insurance/634.
9. http://m.forbes.ru/article.php?id=41893.
10. http://radiovesti.ru/article/show/article_id/144742.
11. http://finexpress.org/materialy/vss-podderzhal-popravki-v-uk-v-chasti-vvedeniya-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-prestupleniya-v-sfere-straxovoj-deyatelnosti-naskolko-aktualna-dannaya-iniciativa-i-smozhet-li-ona-izmenit-situaciyu-v-bor.php.
12. http://www.antiobman.ru/.
13. http://k-insgroup.ru/news/strakhovoe-moshennichestvo-%E2%80%93-prognozy-na-2015-god.
14. http://www.insurance-russia.com/companies-Moshennichestvo_i_strahovanie_1.html.
15. http://www.insur-info.ru/analysis/953/.
16. http://www.irbis.vegu.ru/repos/1720/Html/00100.HTM.
17. http://top.rbc.ru/finances/05/03/2015/54f852e39a79474debed136a.
18. http://www.insurance-center.ru/news/2014/02/12/171.
19. http://autofobus.info/news/2007-07-24-308/?d=news&p=2007-07-24-308.
20. http://www.rg.ru/2013/03/26/moshenniki.html.
21. http://www.antiobman.ru/index.php?i=1933.

Раздел 4.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: АНАЛИЗ И ПРОФИЛАКТИКА РИСКОВ

Государственное управление научно-технологическим развитием Российской Федерации: новые вызовы и риски

Эффекты Интернет-революции – глобализация информационно-коммуникационных сетей, виртуализация экономики, труда и организационных структур, стирание пространственных границ и препятствий для межличностных связей, рост мобильности человеческого капитала существенным образом влияют на принципы и технологии управления развитием в любой сфере, включая науку. Одним из ключевых факторов становится скорость, с которой происходят революционные, изменения в экономике и социальной жизни. Причина этого тренда – масштабное проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни, которая увеличивает «связанность» мира, делая его более динамичным и открытым, но при этом более непредсказуемым, чувствительным даже к самым слабым воздействиям.

Как отмечается в Глобальном докладе по информационным технологиям «Жизнь в гиперсвязанном мире», феномен гиперсвязанности глубоко изменяет отношения между отдельными людьми, между потребителями и предприятиями, между гражданами и правительствами, что создает не только новые возможности, но и новые вызовы и риски [1]. В условиях новой реальности трансформируются ключевые факторы конкурентоспособности, экономическое развитие одной страны влияет на устойчивое развитие другой, меняется баланс между традиционными и новыми рынками, а прорывные технологии могут стать причиной исчезновения отдельных секторов экономики [2].

Молодые компании и новаторы с помощью более простых, дешевых и эффективных решений способны разрушать целые рынки и сложившиеся системы, чтобы создать экономику будущего. В таких условиях прежние структуры, старые участники рынка должны внедрять стратегии быстрых изменений, чтобы оставаться конкурентоспособными [3]. В условиях стремительно меняющегося мира выигрывает тот, кто умеет действовать в соответствии с заповедью Черной Королевы из кэрролловской «Алисы в Зазеркалье»: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!»

Эти риски актуальны не только в области бизнес-стратегий, но и в сфере государственного управления научно-технологическим развитием страны. Повышение эффективности политики в области науки и технологий, как и успешный «менеджмент перемен», является залогом конкурентоспособности современных государств в условиях перехода к новой модели экономического роста. Как отмечают специалисты, использование новых знаний для разработки технических инноваций становится решающим фактором международной конкуренции, а само научно-техническое и экономическое развитие общества оказывается все более зависимым от производства новых знаний [4]. В таких условиях особое значение приобретает умение государств «бежать» к новым научным горизонтам вдвое быстрее, чем их мировые партнеры-конкуренты.

Одним из важнейших механизмов осуществления государственной научно-технической политики и управления прогрессом науки является деятельность по формированию и корректировке Приоритетных направлений развития науки, техники и технологий [5][16] и Перечня критических технологий Российской Федерации [6][17]. Очевидно, что

[16] Приоритетные направления развития науки и технологий – тематические направления научно-технологического развития межотраслевого (междисциплинарного) значения, способные внести наибольший вклад в обеспечение безопасности, ускорение экономического роста, повышение конкурентоспособности страны, решение социальных проблем за счет развития технологической базы экономики и наукоемких производств. См. абзац 4 Раздела «Термины, используемые для целей разработки настоящего долгосрочного прогноза» // Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (утв. Правительством РФ 3 апреля 2015 г.) // Правительство Российской Федерации [официальный сайт] // http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf [дата обращения: 31 октября 2014 г.].

[17] Критическая технология – комплекс межотраслевых (междисциплинарных) технологических решений, которые создают предпосылки для дальнейшего развития различных тематических технологических направлений, имеют широкий потенциальный круг конкурентоспособных инновационных приложений в разных отраслях экономики и вносят в совокупности наибольший вклад в реализацию приоритетных направлений развития науки, технологий и техники. См., например: Пояс-

при сохранении преемственности стратегической линии динамика перемен в этой сфере должна соответствовать современным революционным темпам развития мировой науки и скорости трансформации внешних вызовов. Однако на сегодняшний день система стратегического планирования в области научного развития, включая процедуры формирования и корректировки Приоритетных направлений развития науки, техники и технологий и Перечня критических технологий, несмотря на идущий процесс обновления, объективно сохраняет инерционную компоненту. Одновременно все более заметным становится тренд, связанный с устареванием управленческих практик и норм законодательного регулирования в этой сфере. Цикл принятия тех или иных управленческих решений нередко запаздывает в сравнении с темпами изменений, происходящих с объектом регулирования под воздействием новых внешних обстоятельств, еще «не отработанных» системой управления. В такой ситуации могут возникать риски, связанные со снижением способности соответствующих институтов адекватно реагировать на быстро меняющиеся вызовы развития, а поддержание должного уровня конкурентоспособности и эффективного баланса между стабильностью и изменчивостью (адаптивностью) системы становится чрезвычайно сложной в реализации задачей.

Анализ деятельности органов государства в области формирования и корректировки Приоритетных направлений развития науки, техники и технологий показывает, что происходящая модернизация правовой базы стратегического планирования и изменение алгоритмов принятия соответствующих решений сопровождается проявлением ряда неучтенных негативных эффектов. В частности, речь идет о снижении скорости «управления изменениями» в системе приоритетов развития науки, техники и технологий, рассогласовании в логике и порядке принятия ряда стратегических документов, а также о рисках, связанных с сохранением технократического подхода к государственной научной политике. Последнее обстоятельство представляется особенно опасным в условиях возрастания внимания стран-конкурентов к вопросам опережающего развития наук социально-гуманитарного кластера, которые являются важнейшим источником новых знаний и технологий, необходимых для решения проблемы общественного и экономического управления в условиях трансформирующегося мира.

нительная записка к проекту Указа Президента РФ «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и Перечня критических технологий Российской Федерации» (по состоянию на 8 октября 2014 г.) (подготовлен Минобрнауки России) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» // http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PNPA;n=6665;dst=0;ts=0FACCF66B76338FC42B19AD48BB2F6BA;rnd=0.539679097943008 [дата обращения: 18 апреля 2015 г.].

Исследование нормативных правовых актов, регулирующих процедуры формирования и корректировки Приоритетных направлений развития науки, техники и технологий в Российской Федерации, показывает, что с 2014 г. сроки этого процесса значительно увеличились. Если прежде корректировка Приоритетных направлений производилась решениями главы государства по представлению правительства не реже одного раза в четыре года [7], то после принятия в июне 2014 г. Федерального закона о стратегическом планировании [8] горизонт работ увеличился до шести лет. В развитие положений п. 1 ст. 22 Федерального закона, согласно которому один из ключевых стратегических документов – Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации должен разрабатываться каждые шесть лет с учетом Приоритетных направлений развития науки, технологий и техники и Перечня критических технологий, Правительство РФ внесло изменения в свое постановление от 22 апреля 2009 г. № 340, установив шестилетний срок для корректировки Приоритетных направлений и Перечня критических технологий [9].

Формально такое решение предоставляет органам государственной власти и экспертному сообществу дополнительное время сроком в два года для дальнейшего уточнения приоритетов научно-технологического развития страны. Однако в условиях динамично меняющихся внешних вызовов замедление корректировки «целевых указателей» содержит в себе риски снижения эффективности управления такой исключительно важной и сложной сферой, какой является государственный сектор науки. С этой точки зрения, следует позитивно оценить решение главы государства, который 27 декабря 2014 г. поручил Правительству РФ совместно с Президиумом Совета при Президенте РФ по науке и образованию и Российской академией наук завершить работу по формированию Приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации в срок до 30 мая 2015 г. «с учётом необходимости снятия критической зависимости от зарубежных разработок и технологий» (№ Пр-3011, п. 2г).

Анализ деятельности органов власти по корректировке основных направлений и Перечня критических технологий в 2014 г. показывает, что в процессе модернизации правового регулирования и соответствующей практики произошло рассогласование в логике действий, которое привело к нарушению иерархии документов и возникновению своего рода «порочного круга» в стратегическом планировании.

Согласно уже упомянутому Постановлению Правительства РФ от 22 апреля 2009 г. № 340 формирование и корректировка Приоритетных направлений развития науки, технологий и техники и Перечн-

ня критических технологий осуществляется в два этапа: «I этап – подготовка долгосрочного Прогноза научно-технологического развития Российской Федерации и других материалов по комплексному анализу тенденций научно-технического и технологического развития Российской Федерации и зарубежных стран; II этап – подготовка предложений по формированию и корректировке Приоритетных направлений и Перечня критических технологий на основе экспертизы соответствующих предложений».

Новый Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., который, если следовать логике, должен давать ориентиры для корректировки Приоритетных направлений, был разработан в 2013 г. и утвержден Председателем Правительства РФ 3 января 2014 г. (№ ДМ-П8-5) [10]. При этом, как отмечается в тексте Прогноза, данный документ был сформирован «в разрезе» уже действующих Приоритетных направлений, в числе которых: «информационно-коммуникационные технологии; науки о жизни (биотехнологии; медицина и здравоохранение); новые материалы и нанотехнологии; рациональное природопользование; транспортные и космические системы; энергоэффективность и энергосбережение» [10: Раздел «Особенности Прогноза», абзац 1].

Действующие (и актуальные по состоянию на апрель 2015 г.) Приоритетные направления развития науки, технологий и техники и Перечень критических технологий были утверждены Указом Президента РФ 7 июля 2011 г. [11]. Однако ретроспективный анализ этого документа показывает, что, несмотря на ряд формальных отличий, он, по существу, совпадает с Перечнем 2006 г. (см. табл. 1).

Таким образом, новый Прогноз развития науки и техники на 2030 г. фактически базируется на положениях 2006 г. Другими словами, представления почти 10-летней давности определяют сегодня развитие науки и технологий на ближайшие 15 лет, причем возможная корректировка Прогноза будет производиться не ранее 2019 г.

Этот же феномен проявил себя и при разработке ряда других стратегических решений. Так, например, в феврале 2014 г. правительством был сформулирован Перечень приоритетных научных задач, для решения которых требуется задействовать имеющиеся в стране ресурсы, включая центры коллективного пользования научным оборудованием, уникальные научные установки и комплексы и др. Этот документ также был подготовлен в соответствии с действующими Приоритетными направлениями развития науки и учитывает результаты Прогноза научно-технологического развития на период до 2030 г. [12].

Таблица 1

СРАВНЕНИЕ ПЕРЕЧНЕЙ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ НАУКИ, ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИЙ, УТВЕРЖДЕННЫХ В 2006 Г. И 2011 Г.

Приоритетные направления развития науки, техники и технологий, утвержденные Президентом Российской Федерации 21 мая 2006 г. № Пр-843	Приоритетные направления развития науки, техники и технологий, утвержденные указом Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899[18]
Безопасность и противодействие терроризму	Безопасность и противодействие терроризму
Живые системы	Науки о жизни
Индустрия наносистем и материалов	Индустрия наносистем
Информационно-телекоммуникационные системы	Информационно-телекоммуникационные системы
Перспективные вооружения, военная и специальная техника	Перспективные виды вооружения, военной и специальной техники
Рациональное природопользование	Рациональное природопользование
Транспортные, авиационные и космические системы	Транспортные и космические системы
Энергетика и энергосбережение	Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика

Кроме того, в октябре 2014 г. Министерство образования и науки РФ, выполняя поручение Президента и Председателя Правительства РФ [13: подп. 2 п. 8], представило в Правительство подготовленный совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и Российской академии наук при широком участии экспертного сообщества проект указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и Перечня критических технологий Российской Федерации» [14]. Работа по проекту указа не была завершена в связи с уже упомянутым изменением сроков процедур, однако сравнение проектного документа с действующими Приоритетными направлениями, также демонстрирует их значительное сходство (см. табл. 2).

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация в сфере государственного управления процессами адаптации целевых указателей развития отечественной науки и технологий к динамике стратегических вызовов меняющегося мира. С одной стороны, утвержден-

[18] Согласно правилам, перечни приоритетных направлений развития науки, техники и технологий составляются в алфавитном порядке. В табл. 1 изменен порядок перечисления приоритетных направлений, утвержденных в 2011 г., с целью демонстрации содержательного сходства соответствующих пунктов с перечнем 2006 г.

ные еще в 2006 г. Приоритетные направления развития науки, техники и технологий фактически легли в основу долгосрочного Прогноза научно-технологического развития до 2030 г. и, соответственно, определили возможный «коридор» корректировок и сами перспективы развития отечественной науки на среднесрочный период. С другой стороны, ожидаемое утверждение скорректированных Приоритетных направлений потребует внесения изменений в только что утвержденные стратегические и прогнозные документы, как уже отмечалось, «в разрезе» действующих Приоритетных направлений.

Таблица 2

СРАВНЕНИЕ ПЕРЕЧНЕЙ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ НАУКИ, ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИЙ, УТВЕРЖДЕННЫХ В 2011 Г., А ТАКЖЕ СФОРМУЛИРОВАННЫХ В ПРОЕКТЕ УКАЗА ПРЕЗИДЕНТА РФ, ПОДГОТОВЛЕННОМ МИНОБРНАУКИ РОССИИ В 2014 Г.

Приоритетные направления развития науки, техники и технологий, утвержденные указом Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899	Приоритетные направления развития науки, техники и технологий в проекте указа Президента Российской Федерации, подготовленном Минобрнауки России в октябре 2014 г.[19]
Безопасность и противодействие терроризму	Безопасность и противодействие терроризму
Индустрия наносистем	Материалы и производственные технологии нового поколения
Информационно-телекоммуникационные системы	Информационно-коммуникационные технологии и системы
Науки о жизни (биотехнологии; медицина и здравоохранение)	Биомедицина и качество жизни
	Биоиндустрия, биоресурсы и продовольственная безопасность
Перспективные виды вооружения, военной и специальной техники	Перспективные виды вооружения, военной и специальной техники
Рациональное природопользование	Рациональное природопользование и экологическая безопасность
Транспортные и космические системы	Транспортные средства и системы
	Космические средства и системы
Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика	Безопасная и эффективная энергетика

[19] В табл. 2 изменен алфавитный порядок перечисления приоритетных направлений развития науки, техники и технологий в Российской Федерации, разработанный в 2014 г., с целью демонстрации содержательного сходства с перечнем 2011 г.

В сложившейся ситуации баланс преемственности и адаптивности государственной научно-технологической политики оказывается смещенным в сторону «охранительных тенденций», и возникает неопределенность в вопросе о том, какой документ может и должен играть роль подлинного драйвера перемен. Хотя представляется, что именно долгосрочный прогнозный документ (с горизонтом планирования до 2030 г.) должен содержать уточненные, актуальные ориентиры научно-технологического развития страны с учетом современных вызовов и тем самым давать направления корректировок.

То обстоятельство, что актуальные стратегические документы в области научно-технологического развития, ориентированные на долгосрочную перспективу (2030), имеют в основе своей большую долю сходства с документами середины нулевых годов, в условиях быстро меняющегося мира ставит на повестку дня вопрос о необходимости дополнительного критического анализа всех факторов, влияющих на процессы определения приоритетов научно-технологического развития с целью получения четкого представления о границе, за которой преемственность идей, документов и стратегий превращается в рискованную инерционность.

Тем не менее возникшая в силу разных причин в конце 2014 г. – начале 2015 г. пролонгация сроков разработки документов в области корректировки приоритетов научно-технологического развития имеет и позитивные эффекты, поскольку дает возможность экспертному сообществу привлечь внимание государства к вопросу о перспективах развития *социально-гуманитарного кластера* наук.

Несмотря на то, что значимость социальных и гуманитарных знаний всегда признавалась на самом высоком уровне [15], ни один из действующих документов стратегического планирования стратегического национального приоритета «Наука, технологии и образование» не содержит упоминаний о важности развития наук общественно-гуманитарного профиля и стимулировании современных разработок в области социальных и гуманитарных технологий [16]. Подобная проблематика отсутствует и в Перечне приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации.

Однако такой технократический уклон в стратегии государственного управления развитием науки содержит в себе серьезные риски, угрожающие конкурентоспособности страны в условиях быстро меняющегося мира. Безусловно, формулирование целей и приоритетов в области модернизации социально-гуманитарного кластера наук с измеримыми социально-экономическими эффектами представляет собой нетривиальную задачу. Но такая работа является особенно актуальной сегодня, когда объективно возрастает ценность знаний, связанных с управлением общественным развитием, прогнозированием

социальных и экономических перемен, противостоянием угрозам общественно-политической стабильности, национальной и культурной идентичности. В условиях общей турбулентности именно наличие передовой социальной и гуманитарной науки, обладающей эффективными прикладными технологиями, является одним из важных конкурентных преимуществ суверенных государств на мировой арене.

В наши дни практически повсеместно можно наблюдать использование развитыми странами различных социальных и гуманитарных технологий для достижения своих прагматических интересов. Многие из этих разработок имеют «двойное назначение», поскольку могут быть использованы, например, как для дестабилизации политических режимов, так и для защиты устойчивости суверенных политических систем. Внимание к развитию подобных исследовательских направлений не акцентируется в стратегических документах зарубежных государств. Тем не менее системный анализ открытой информации показывает, что такого рода исследования и разработки имеют приоритетный характер.

Например, за рубежом уже более полувека активно ведутся работы, связанные с поиском механизмов, обеспечивающих гарантированную смену существующих общественных систем и «укоренение» новых режимов, сконструированных в соответствии с западными представлениями о демократии и должном порядке. В частности, в США систематические и комплексные исследования указанной проблематики поддерживаются государством и могут считаться разработками «критически значимых» социальных технологий, обеспечивающих конкурентоспособность этой страны в области глобального политического управления.

В Соединенном Королевстве приоритеты в области развития социальных и экономических наук определяет и корректирует Научный совет по экономическим и социальным исследованиям (*Economic and Social Research Council, ESRC*) – государственный фонд с бюджетом на 2014–2015 гг. в размере 213 млн фунтов стерлингов [17]. Среди стратегических приоритетов – такие исследовательские направления, как «Экономическая эффективность и устойчивый рост» (*Economic Performance and Sustainable Growth*); «Воздействие на поведение и обеспечение информационной основы для принятий решений» (*Influencing Behaviour and Informing Interventions*); «Многообразное и справедливое общество» (*A Vibrant and Fair Society*). А в списке проектов, которые финансируются в среднесрочном периоде в рамках указанных приоритетов, упоминаются, например, такие темы, как «принятие решений», «влияние на поведение», «понимание поведения», «культура и идентичность», проблемы глобального старения.

Кроме того, в последнее время за рубежом реализуется значительное число инициатив, связанных с исследованием «фронтьеров» соци-

альных и гуманитарных наук, поскольку одним из приоритетных направлений развития этого научного кластера является повышение прогностической ценности социального и гуманитарного знания. Решение этой задачи стимулирует развитие подавляющего большинства секторов информационно-коммуникационной сферы, включая цифровую инфраструктуру, системы машинного обучения и моделирования, новые принципы систематизации, обработки, анализа данных [18].

В силу объективных обстоятельств российское участие в международных исследовательских инфраструктурах сопряжено с определенной потерей национальной идентичности, поскольку платформы создаются и развиваются в пространстве англосаксонской «культурной матрицы». Косвенно тому же способствуют принятые целевые показатели и индикаторы развития науки, технологии и образования, основанные на показателях цитирования в англоязычных системах. Фактически запаздывание с развитием собственных цифровых исследовательских инфраструктур в области социальных и гуманитарных наук, отсутствие (за редким исключением) эффективных междисциплинарных контактов и координации между специалистами в сфере информационно-коммуникационных технологий и профессиональным сообществом ученых-гуманитариев, приводит к перетоку интеллектуального капитала за границу, пусть и без физического её пересечения. А значит, речь идет о потере окна возможностей для создания национальной научно-исследовательской экосистемы, обеспечивающей необходимые условия для прорывных отечественных разработок в области гуманитарных и социальных наук.

К сожалению, анализ вновь принятых документов стратегического планирования стратегического национального приоритета «Наука, технологии и образование», в частности, уже упоминаемого Прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., показывает, что многие актуальные проблемы современного мира предполагается решать без привлечения гуманитарных знаний, главным образом путем развития информационно-коммуникационных технологий. Характерно также, что в обширном тексте Прогноза-2030 термин «гуманитарный» встречается всего один раз (применительно к развитию программных средств, реализующих модели новых процессов в гуманитарной сфере), а термин «социальный» – 30 раз (главным образом для обоснования значимости того или иного исследовательского направления или мероприятия). Безусловно, информационно-коммуникационные технологии выступают одним из ключевых драйверов перехода к экономике, основанной на знаниях. Однако никакие программные средства, системы поддержки принятия решений, компьютерные модели и Data Mining не будут эффективны без положенной в их основу актуальной научной

концепции, которая основана на достижениях социально-гуманитарных наук.

Технократический уклон государственной научной политики содержит отложенные риски, связанные со снижением качества научного обеспечения управления социальными переменами и гуманитарным развитием. Наглядным примером является трагическая история распада СССР, которая в немалой степени оказалась связанной с неготовностью науки адекватно ответить на запросы государства и общества в области экспертного обеспечения начавшейся масштабной трансформации. Вместо ожидаемого объединения усилий ученых для противостояния кризису произошло размежевание на конкурирующие группы с «войной программ», что, в свою очередь, способствовало расколу политических элит и росту напряженности. Отсутствие инструментальных ответов общественных наук на вызовы времени, помноженное на явное нежелание разделить с руководством страны ответственность за последствия предлагаемых действий, вело к промедлению с принятием стратегически важных решений и, в конечном счете, к катастрофической потере управляемости всеми процессами и переходу за «точку невозврата».

Современный мир снова находится в условиях масштабной трансформации, а значит, спрос на социальные и гуманитарные знания и их практические приложения, как никогда, высок. Важно, что отечественная академическая наука имеет серьезный задел в этой области. Как отмечается в исследованиях Института проблем развития науки РАН, Российская академия наук обладает по целому ряду направлений уровнем знаний, который приближается к мировому и даже превосходит его. Реализация этих направлений могла бы способствовать повышению уровня национальной безопасности в области науки, технологий и образования [19]. Не случайно, что среди 10 научных направлений, выделенных в качестве приоритетов, указаны социально-экономические и гуманитарные технологии. Эти технологии связаны с решением задач обеспечения устойчивого развития суверенной политической системы и экономики в условиях меняющегося мира, эффективной модернизации, внутренней консолидации общества, противодействия вызовам и угрозам, в том числе в информационной, культурной, духовной сфере.

Однако, как уже отмечалось, эта проблематика оказалась на данный момент недостаточно востребованной в рамках технократической концепции развития отечественной науки. Представляется, что коренным образом изменить сложившуюся ситуацию могло бы принятие решения о включении в Перечень приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации положения о «технологиях управления общественным развитием в условиях меняющегося мира» [20].

***

Анализ деятельности органов государственной власти в области корректировки Приоритетных направлений развития науки, техники и технологий показывает, что правовое регулирование и управленческие практики в этой области, как и механизмы стратегического планирования в сфере научно-технологического прогресса требуют постоянного совершенствования, в том числе с целью внедрения компонент, позволяющих оперативно уточнять цели и приоритеты в случае серьезного изменения системы жизненно важных вызовов, выявившейся погрешности в прогнозах, либо иных стратегически значимых перемен. При этом одной из самых сложных управленческих задач остается умение вовремя отказываться от проектов, эффективность и актуальность которых стала сомнительной в изменившихся условиях. Жесткая селекция уже реализуемых проектов, оказывающихся бесперспективными в изменившихся условиях, помогает профилактике рисков, связанных с возникновением разного рода *QWERTY*-эффектов [21], попаданием в «ловушки развития» [22], бесплодным расходованием национальных ресурсов.

Эффективная «настройка» систем управления и стратегического планирования во всех сферах, включая науку, на реальные нужды общественного развития предполагает также расширение участия общественности в этой деятельности, что требует развития новых методик интеллектуального краудсорсинга и соответствующего информационно-коммуникационного обеспечения взаимодействия государства, науки и общества.

В частности, как показывает мировой опыт, выработка Приоритетных направлений развития науки и технологий происходит не только с непосредственным участием научного сообщества, но и с учетом выявленных государством потребностей социума. Поэтому при определении долгосрочных целей и ориентиров государственной политики в области науки и образования важно задействовать не только механизмы экспертных (профессиональных) оценок, но также итоги общественных обсуждений (при соответствующем развитии теоретико-методологического инструментария, позволяющего обеспечить результативность и реальную эффективность такого рода взаимодействия структур государства и общества). Однако эффективное функционирование такого рода систем «обратной связи» требует внесения поправок и дополнений в законодательство о стратегическом планировании, направленных, в том числе на расширение перечня участников стратегического планирования и конкретизацию алгоритмов процесса стратегирования с учетом вызовов меняющегося мира. Вовлечение общества в управление развитием науки будет способство-

вать созданию благоприятных условий для инноваций и перехода к новой модели экономического развития.

Литература:

1. The Global Information Technology Report 2012: Living in a Hyperconnected World / World Economic Forum; INSEAD. Geneva, 2012. P.V. // http://www3.weforum.org/docs/Global_IT_Report_2012.pdf [дата обращения: 15 апреля 2015 г.].
2. Пленарное заседание «Национальные стратегии лидерства в гиперсвязанном мире» / Московский международный форум инновационного развития «Открытые инновации» (31 октября – 2 ноября 2013 г.) // http://2013.forinnovations.ru/forum/program/14/ [дата обращения: 15апреля 2015 г.].
3. Программа форума «Созидательное разрушение: как сохранить конкурентоспособность в 21 веке» / III Московский международный форум инновационного развития «Открытые инновации» (14–16 октября 2014 г.) // http://www.forinnovations.ru/ forum/program/ [дата обращения: 15 апреля 2015 г.].
4. *Горохов В. Г.* Научно-техническая политика в обществе знания // Концепция «общества знания» в современной социальной теории / Сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 110.
5. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (утв. Правительством РФ 3 апреля 2015 г.) // Правительство Российской Федерации [официальный сайт] // http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf [дата обращения: 31 октября 2014 г.].
6. Пояснительная записка к проекту Указа Президента РФ «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» (по состоянию на 8 октября 2014 г.) (подготовлен Минобрнауки России) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» // http://base. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PNPA;n=6665;dst=0;ts=0FACCF66B76338FC42B19AD48BB2F6BA;rnd=0.539679097943008 [дата обращения: 18 апреля 2015 г.].
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2009 г. № 340 «Об утверждении Правил формирования, корректировки и реализации приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» // СЗ Российской Федерации. – 2009. – № 18. – Ч. 2. – Ст. 2241.
8. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2014. – № 26. – Ч. 1. – Ст. 3378.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 октября 2014 г. № 1103 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2009 г. № 340» // СЗ РФ. – 2014. – № 44. – Ст. 6069. – Подп. «в» п. 2 Перечня изменений.
10. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (утв. Правительством РФ 3 января 2014 г.).

11. Указ Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 28. – Ст. 4168.
12. О приоритетных научных задачах, для решения которых требуется задействовать возможности федеральных центров коллективного пользования научным оборудованием // Правительство Российской Федерации [официальный сайт]. – 2014, 8 февраля // http://government.ru/orders/10326/ [дата обращения: 14 апреля 2015 г.].
13. Перечень поручений Президента Российской Федерации по реализации Послания Федеральному Собранию от 27 декабря 2013 г. № Пр-3086 // Президент России [официальный сайт]. – 2013, 27 декабря // http://www.kremlin.ru/assignments/20004 [дата обращения: 13 апреля 2015 г.]; Поручение Председателя Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2013 г. № ДМ-П13-9589 // Список перспективных направлений науки в РФ будет обновлен к ноябрю // РИА Новости. – 2014, 9 января // http://ria.ru/science/20140109/988323529.html#ixzz2psrtH2O3 [дата обращения: 14 апреля 2015 г.].
14. Проект Указа Президента РФ «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» (по состоянию на 8 октября 2014 г.) (подготовлен Минобрнауки России). Не принят. Не опубликован.
15. *Путин В. В.* Вступительное слово на заседании Совета при Президенте России по культуре и искусству // Президент России [официальный сайт]. – 2007, 30 мая // http://www.kremlin.ru/transcripts/24298 [дата обращения: 15 апреля 2015 г.]; *Путин В. В.* Выступление на Съезде Российского союза ректоров // Президент России [официальный сайт]. – 2014, 30 октября // http://www.kremlin.ru/news/46892 [дата обращения: 15 апреля 2015 г.].
16. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (в ред. от 1 июля 2014 г. № 483) // СЗ РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444; – 2014. – № 27. – Ст. 3754.
17. Economic and Social Research Council [Official Site] // http://www.esrc.ac.uk/ [дата обращения: 29 октября 2014 г.].
18. The Human World: The Arts and Humanities in our Times. AHRC Strategy 2013–2018 / Arts & Humanities Research Council // http://www.ahrc.ac.uk/News-and-Events/News/Documents/AHRC-Strategy-2013-18.pdf [дата обращения: 14 апреля 2015 г.]; New Societal Challenges for the European Union: New Challenges for Social Sciences and the Humanities. Thinking Across Boundaries. Modernising European research. Luxembourg: Publication Office of the European Union, 2009 // http://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/booklet-new-societal-challenges_en.pdf [дата обращения: 14 апреля 2015 г.]; *Butz W. P., Torrey B. B.* Some Frontiers in Social Science // Science. – 2006. – № 312 (5782). – P. 1898–1900; National Science Foundation, Directorate for Social, Behavioral, and Economic Sciences, 2011 / SBE 2020: White Papers; Titles, Authors, and Abstracts. Arlington, VA: National Science Foundation, 2011 // http://www.nsf.gov/sbe/sbe_2020/

Abstracts.pdf [дата обращения: 14 апреля 2015 г.]; OECD Proceedings. Re-inventing the Social Sciences. – OECD, 2004 // http://www.oecd.org/science/sci-tech/33695704.pdf [дата обращения: 14 апреля 2015 г.].
19. *Миндели Л. Э., Черных С. И.* Приоритеты в развитии науки и технологий и приоритетные направления исследований в Российской академии наук // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 1 (39). – С. 6–14.
20. *Яник А. А., Попова С. М.* О некоторых практических вопросах управления процессами корректировки приоритетных направлений развития науки, техники и технологий в Российской Федерации // Государственное управление (электронный ресурс). – 2015. – № 48. – С. 136–161.
21. *David P. A.* Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. – 1985. – Vol. 75. – № 2. – P. 332–337; *David P. A.* Understanding the Economics of QWERTY: The Necessity of History // Economic History and the Modern Economist / Ed.: W.N. Parker. New York: Basil Blackwell, 1986. – P. 30–49.
22. *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *Полтерович В. М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. – 1999. – № 2. С. 1–37.

Муниципальная власть в условиях экономического кризиса: вызовы и риски процесса взаимодействия с малым и средним бизнесом

В условиях экономического кризиса особую значимость приобретает развитие и укрепление в стране позиций среднего и малого бизнеса. Трудно переоценить в этом процессе роль муниципальной власти, выступающей стержневой основой для организации благоприятной экономической и юридической среды для развития и функционирования малого и среднего предпринимательства.

Исходя из важности в жизни общества малого и среднего бизнеса, по инициативе Президента РФ В. В. Путина в апреле 2015 г. состоялось заседание Государственного совета по вопросам развития малого и среднего бизнеса. В своем выступлении В. В. Путин, обосновывая необходимость рассмотрения на Госсовете этой проблемы, отметил: «В нашей повестке сегодня вопрос, который в текущей ситуации – он вообще важен, – но в текущей ситуации приобретает особую эконо-

мическую, социальную и общественную значимость. Развитие малого и среднего предпринимательства – не только одно из ключевых условий обновления страны, обновления экономики, повышения ее устойчивости, но и в целом нашего успешного движения вперед, реализации того огромного творческого, созидательного предпринимательского потенциала, который, безусловно, есть у нашего народа [1].

Главное условие стабильного функционирования муниципальных образований – обеспечение сбалансированности их бюджетов. Основную финансовую базу местных бюджетов составляют земельный налог и налог на имущество физических лиц, а также дотации из бюджетов вышестоящих органов управления. В связи с экономическим кризисом в муниципальных образованиях произошло значительное снижение поступлений от налога на прибыль организаций, сокращение перечислений от доходов физических лиц. Уменьшился объем дотаций от вышестоящих властных структур. Только 2 % муниципальных образований в стране имеют собственную налоговую и имущественную базу [2]. Остальные муниципальные структуры дотируются сверху. При такой системе финансирования местная власть практически не мотивирована на развитие на своей территории налогооблагаемой базы. В любом случае муниципальный бюджет будет дотирован сверху, поэтому главная задача местной власти – это добиться увеличения размера дотаций и своевременного их получения. Создание на своей территории условий для развития среднего и малого бизнеса, формирование для этого соответствующей социальной среды остается на втором плане. Во многом это результат бюджетного взаимодействия федерального Центра и регионов, предусматривающего перечисление в Москву до 65 % всех налоговых поступлений, собираемых в регионах. Это ведет к тому, что социально-экономическое развитие регионов зависит от федеральных дотаций. Нехватка их ведет к тому, что большинство регионов находится в сложном экономическом положении. Так, в 2012 г. в семи субъектах РФ не смогли свести концы с концами в местных бюджетах. В 2013 г. бюджетный дефицит поразил 77 регионов или 93 % всех субъектов Российской Федерации. В 2013 г. регионы накопили долгов на 1,7 трлн руб. В 2015 г. долг регионов может достичь уже 3 трлн руб. [2]. Не случайно поэтому 25 февраля 2015 г. на заседании президиума Госсовета Президент РФ В. В. Путин, учитывая сложившуюся в регионах ситуацию, предложил наиболее слабым из них дать кредиты под 0,1 % годовых, а остальным – под 8,5 %.

Все это свидетельствует о том, что сложившаяся система взаимодействия федеральной власти и регионов ведет к стагнации социально-экономического развития регионов, к ограничению экономических возможностей муниципальных образований.

Сравнительный анализ моделей бюджетного обеспечения муниципальной власти в России и других странах показывает, что российские органы муниципального управления находятся в наиболее сложном положении. Наиболее привлекательной выглядит немецкая модель, где до 70 % налогов идет на бюджетное финансирование земель и муниципальным властям. В Китае, США, Канаде регионам и муниципалитетам остается от 60 % до 65 % налоговых поступлений, в Индии – Бразилии – 40–50 % [2].

Дотационность муниципальных бюджетов в России ведет к тому, что местная власть не имеет возможности решать насущные проблемы населения. Результаты социологических исследований показывают, что проблемы ЖКХ, муниципального транспорта, здравоохранения, образования, экологии, безработицы входят в перечень проблем вызывающих наибольшее беспокойство, практически у жителей всех муниципальных образований так и не были решены на протяжении всех 2000-х гг.

Это свидетельствует, что полномочия и инструменты влияния местной власти на качество жизни населения ограничены и во многом не отвечают потребностям развития муниципальных сообществ.

Получается, что сфера муниципального управления, выступающая в качестве основы, первичного звена в иерархии управленческих структур в стране, не может рассматриваться как надежный фундамент всей системы российского государственного управления.

Положение усугубляется тем, что в стране наметилась тенденция к ослаблению политического потенциала муниципальной власти, к низведению ее до уровня придатка государственной власти субъектов федерации, к фактическому включению ее в качестве низового звена в систему государственного управления. Во многом это результат стремления региональной власти к более рациональному перераспределению бюджетных средств среди муниципальных образований через управляемость руководителей муниципалитетов, их подчиненность региональным органам управления.

Ослабляет значимость муниципальной власти тенденция к фактическому слиянию исполнительных и законодательных органов власти муниципальных образований (глава муниципального образования избирается из числа депутатов и он же возглавляет комиссию по конкурентному отбору главы администрации муниципалитета). Оппоненты в лице политической оппозиции на уровне муниципального образования существуют лишь номинально и, в силу своей малозначительности и отсутствия политического веса, не могут оказывать реального влияния на муниципальную власть. Возможности населения влиять на местную власть также ограничены, так как главы муниципальных образований начинают избираться депутатами, а не населе-

нием. Возможность отзыва должностных лиц и депутатов практически не реализуется на практике, оставаясь декларацией. Местная элита фактически становится неподконтрольной общественности, гражданскому обществу в силу ее инертности, а также местным СМИ, находящимся в материальной зависимости от местной власти.

Все это несет в себе серьезные вызовы и риски политической стабильности в стране, углубляет процесс отчуждения населения от власти, усиливает бюрократизацию управленческих структур, ослабляет контроль над их деятельностью, сохраняя коррупционную среду.

Повышение эффективности местного самоуправления в значительной степени зависит от степени вовлеченности населения в разработку и реализацию местной политики. Практика последних лет свидетельствует о снижении степени участия жителей в управлении своей территорией. Практически не используется такая форма прямого волеизъявления граждан как референдум. Снижаются возможности воздействия населения на власть посредством выборов. Главными проблемами выступают «предрешенность» результатов значительного числа выборов, когда фамилия будущего победителя «определена» задолго до дня голосования. Вследствие чего в значительной части муниципальных образований фиксируется устойчивая тенденция снижения избирательной активности граждан на муниципальных выборах. В этой связи возникает настойчивая потребность внедрения в практику таких форм прямого волеизъявления граждан, как референдум, отзыв должностных лиц и депутатов. Представляется также необходимым на федеральном уровне закрепить обязательность прямых выборов глав местного самоуправления. Эти меры позволят повысить уровень доверия к избираемым органам власти, усилят их роль в управлении муниципальными территориями, что в конечном итоге приведет к повышению эффективности местного управления.

Экономический кризис, затронувший все сферы жизнедеятельности муниципальных сообществ, усугубляя социально-экономическое положение практически всех слоев населения муниципальных образований, усиливая в них безработицу и формируя в муниципальном сообществе атмосферу неуверенности в завтрашнем дне, актуализирует необходимость отторжения сложившейся в стране модели муниципального управления и переходу к новому вектору, новой модели в развитии местной власти. Главная ее особенность состоит в направленности управленческого процесса: от интересов конкретного человека к интересам конкретных территорий и социальных общностей и, в меру общих интересов, к новой целостности на уровне всего российского общества. Существующая же модель местного управления реализуется сверху от интересов федеральной власти, к региональной и затем только к интересам местной жизни. В рамках новой

логики все элементы и механизмы управленческой деятельности могут быть эффективны лишь на основе взаимодействия интересов муниципалитетов, регионов и Центра, идущих от реальных жизненных проблем конкретного человека. Нарушение логики этого процесса чревато, с одной стороны, возможностью установления в стране авторитарного режима власти, с другой – нарастанием политического напряжения между властью и обществом, созданием ситуации политического радикализма, перерастающего в экстремизм.

Муниципальное измерение идущих в России процессов позволяет найти те точки кристаллизации проблем, которые находятся на пересечении интересов политических и экономических субъектов: власти и общества, власти и бизнеса, власти и личности. Особенно важно это в кризисный период. В условиях дефицита бюджетных средств, необходимости оптимизации затрат роль муниципального управления в обеспечении жизнедеятельности страны приобретает первостепенное значение.

Государство не может развиваться успешно, решать общенациональные проблемы, если жизненные силы местных сообществ не становятся источником развития села, поселка, района, города, если население в них не проявляет активность, а гражданские инициативы заморожены.

Все это актуализирует необходимость отлаживания такой системы функционирования местных сообществ, при которой решение глобальной задачи – экономического роста страны начиналось бы с решения «малых дел» в сельских, городских поселениях, с создания в них точек роста. Характерно в этом плане прозвучавшее в эфире в период подготовки в апреле 2014 г. прямой линии «Разговор Президента В. В. Путина с гражданами России» обращение жителя небольшого городского поселения из Центральной России. Суть его сводилась к тому, что существовавшие ранее в городе производственные предприятия закрылись, населению работать негде и большинство жителей вынуждено уезжать работать «вахтовым методом» в Москву. Дети остаются без постоянной родительской заботы и повседневного воспитания. Вопрос сводился к просьбе Президенту РФ «создать такие условия в стране, чтобы рабочие места были не только в Москве, но и в малых городах и поселках».

Наличие такой просьбы к Президенту свидетельствует о назревшей необходимости стимулирования экономической активности населения на уровне муниципальных сообществ. Для этого в муниципальном сообществе есть главное: природные ресурсы, достаточно подготовленные к труду люди, те или иные орудия производства, производственные помещения и муниципальное жилье и инфраструктура. Однако отсутствует достаточно эффективное на этом уровне объеди-

нение всех этих компонентов, приоритетные, экономически обоснованные стратегии развития территории местного сообщества. Поэтому достижение целостного саморегулирования устойчивого функционирования местного сообщества как социальной системы – главный механизм эффективного муниципального управления в преодолении рисков и вызовов, несущих угрозу российской государственности.

Видимо, настало время посмотреть на местное сообщество как на систему, способную самостоятельно обеспечивать развитие своих территорий, не допуская формирование в них ситуаций социальной напряженности и конфликтности.

На это ориентирует и подписанная Россией два десятилетия назад Европейская хартия местного самоуправления, провозгласившая, что **«местное самоуправление – это власть за свои деньги и за свою ответственность».**

Из этого следует, что кризис подталкивает нас к обеспечению нового качества местной власти через представление ей возможности самостоятельно распоряжаться местными ресурсами, формировать свой бюджет и быть ответственной перед своим населением. Практически речь идет о необходимости полной реализации ст. 130 Конституции РФ, ориентирующей местное самоуправление на **«самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью».** Принципиальное значение имеет вторая часть этой статьи, констатирующая, что **«местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления»** [3]. Не зауживать, ограничивать формы прямого волеизъявления, а расширять их – вот что требует от местного самоуправления конституционная норма. Поэтому курс на сужение прямого участия граждан в избирательном процессе местного самоуправления, усиление ответственности органов местного самоуправления не перед местным населением, а перед вышестоящими органами управления не представляется оптимальным. Только вовлечение населения в процесс решения местных проблем может повысить качество местной жизни.

Средний бизнес и муниципальная власть: риски и вызовы

В качестве весомой социальной силы, непосредственно заинтересованной в преобразовании условий жизни в муниципальных сообществах, выступают представители среднего бизнеса. По своей сути средний бизнес является стержнем, социальной основой в реализации запроса на перемены в местном сообществе. Он в большей мере,

чем крупные корпоративные структуры заинтересован в формировании условий, обеспечивающих свободную конкуренцию на местном уровне. Отличает средний бизнес и заинтересованность в повышении политической значимости институтов гражданского общества, в расширении их влияния на социальные и социально-политические процессы в границах муниципальных образований [4].

Он против монополизма, против определяющего влияния на власть крупного корпоративного бизнеса, против его стремления иметь лидирующее положение в политическом пространстве регионов и муниципалитетов. В отличие от значительной части крупного бизнеса, связывающей свое будущее с мировыми экономическими процессами, представители среднего бизнеса, прежде всего, связывают свое экономическое благополучие и производственную деятельность с перспективами развития российского бизнеса в России, с районами своего проживания или производственной деятельности.

В политической сфере средний бизнес способствует демократизации общества, повышению политической устойчивости и значимости институтов гражданского общества, расширению влияния общества на власть.

Возникает вопрос: какие риски и угрозы испытывает средний бизнес в отношениях с властными структурами регионов и муниципалитетов?

Данные социологических опросов свидетельствуют, что средний бизнес не устраивает сложившаяся на местах система взаимодействия предпринимательства и власти. Характерны в этом плане результаты экспертного опроса участников «круглого стола», проведенного Общероссийской общественной организацией «Деловая Россия» на тему: «Безопасность бизнеса как условие развития экономики России».

Оценивая существующие модели взаимодействия бизнеса и власти, эксперты из числа представителей среднего бизнеса отмечают, что у них вызывает неприятие сложившаяся сегодня в российских регионах модель «приватизации власти», когда административные ресурсы сосредоточены в руках крупных экономических субъектов корпоративного бизнеса. Помимо этого власть подыгрывает тем предпринимателям из числа среднего бизнеса, которые находятся под их патронажем, предоставляя им наиболее благоприятные условия для хозяйственной деятельности, отодвигая от наиболее выгодных сфер бизнеса «чужаков». Так считают 66 % экспертов, принявших участие в экспертном опросе[20].

[20] Сектор социальных индикаторов и показателей политических процессов ИСПИ РАН.

Другой формой взаимоотношений региональной и муниципальной власти и бизнеса является модель «подавления», когда в отношениях с предпринимателями власть использует административное давление, ставит их в зависимое от себя положение. По мнению 54 % экспертов, средний бизнес «вынужден взаимодействовать с властью на ее условиях», с тем, чтобы иметь возможность решать свои задачи.

Оценивая по пятибалльной шкале уровень ответственности власти перед бизнесом в обеспечении безопасности, нейтрализации рисков и угроз, с которыми сталкивается средний бизнес, эксперты из числа участников «круглого стола» «Деловая Россия» отмечают, что чем ниже уровень власти и управления, тем слабее проявляется их ответственность перед бизнесом (см. табл. 1).

Таблица 1

ОЦЕНКА ЭКСПЕРТАМИ УРОВНЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ ПЕРЕД БИЗНЕСОМ

Уровень власти	Количественное значение признака, *в баллах*	Качественное значение признака
Центральная власть	2.39	Скорее, средний, чем низкий
Региональная власть	2.19	Низкий
Муниципальная власть	1.90	Скорее, низкий, чем очень низкий

Из данных табл. 1 виден невысокий уровень оценок экспертами ответственности региональной и муниципальной власти за формирование на местах условий, обеспечивающих развитие бизнеса.

В целом, как свидетельствуют социологические опросы в предпринимательской среде, уровень ответственности власти явно не соответствует тем задачам и требованиям, которые стоят сейчас перед обществом, особенно с учетом необходимости повышения эффективности взаимодействия власти и бизнеса в реализации антикризисной стратегии экономического развития. Серьезно сказываются на положении среднего предпринимательства коррупционные и криминогенные риски. В своей совокупности эти риски создают почву для рейдерского захвата среднего бизнеса. Несовершенство правового регулирования используется также крупным бизнесом для поглощения хозяйственно-экономических субъектов из числа представителей среднего предпринимательства.

Отвечая на вопрос: «В чем заключаются основные трудности среднего бизнеса?», – 64 % опрошенных выделили высокую степень рисков в структуре региональных экономических отношений из-за:

– неразвитости независимой судебной системы – 58 %;

– неоптимальной налоговой системы, провоцирующей сохранение теневой экономики;

– наличия большого числа трудностей и бюрократических препон для занятия гражданами предпринимательской деятельностью.

Неудовлетворенность своим положением ведет к тому, что **наиболее активная часть среднего бизнеса стремится изменить сложившуюся в регионах и муниципальных сообществах расстановку политических сил, усилить свои позиции в системе властных отношений на местном уровне, в структурах местных политических партий.**

В определенной мере этот процесс уже отражается в конкуренции политических партий на выборах в региональные органы законодательной власти и в ходе муниципальных избирательных кампаний.

Оппоненты партии власти получают наибольшую поддержку в тех регионах, где средний бизнес с наибольшей эффективностью использует свой экономический и политический потенциал с целью укрепления своих политических позиций. В наибольшей мере это проявляется в обострении конкурентной борьбы политических партий в ходе муниципальных выборов местных представительных органов власти, а также выборов мэров.

Усиление экономического потенциала и политического влияния среднего бизнеса размывает политическую основу региональной чиновничье-коррупционной системы власти, расширяет возможности гражданского общества и малого бизнеса (в развитии которых крупный бизнес не проявляет особой заинтересованности).

Логика развития политического процесса показывает, что по мере дальнейшего роста экономических позиций среднего бизнеса, укрепления его политического потенциала конкурентная борьба с крупным бизнесом за политическое влияние будет обостряться.

Все это свидетельствует о том, что ключевым фактором современного политического процесса России становится актуализация внимания к проблемам развития среднего бизнеса, возрастания его политической роли, расширения его взаимодействия с региональными властными структурами и муниципальными органами управления.

Литература:

1. Kremlin.ru/d/49214.
2. Аргументы недели. – 2015, 25 февраля – 4 марта. – № 7(448).

3. Конституция Российской Федерации. Федеральные конституционные законы «О Государственном гербе Российской Федерации», «О Государственном флаге Российской Федерации», «О Государственном гимне Российской Федерации». – М.: Норма, 2008. – С. 114.
4. Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса. – М.: ИСПИ РАН, 2010. – С. 61.

Аспекты диалектической взаимосвязи корпоративных и политических интересов в предупреждении политических рисков

Учет *диалектической связи* различных интересов в обществе предполагает гармонизацию интересов при их многообразии и существенной специфике, что позволяет прогнозировать вероятность нежелательных последствий возможных политических и других решений.

Реализация корпоративного интереса предполагает осуществление двух присущих ему противоположных, но предполагающих одна другую, тенденций:

– тенденции на политическое самоутверждение, выражающей устремленность носителя интереса к удовлетворению своих политических потребностей, и

– тенденции на историческое творчество, выражающей избирательную ориентированность субъекта на реализацию той или иной объективной возможности.

Эти две тенденции образуют диалектическое противоречие в реализации корпоративного интереса. Их взаимное отрицание проявляется в том, что они не совпадают между собой. Не тождественны друг другу, поскольку образуют два процесса, имеющих взаимно противоположные направления и результаты.

Тенденция на историческое творчество производит изменение и преобразование условий жизни путем реализации содержащихся в них возможностей. Ее результатом является политически преобразованная среда.

В противовес этому – тенденция к политическому самоутверждению направлена на воспроизводство и развитие самого субъекта путем потребления и использования им результатов политической деятельности. Результатом процесса политического самоутвержде-

ния является развитие самого субъекта – носителя политического интереса.

Реализация корпоративного интереса невозможна без проявления политической активности его носителя.

Диалектика политических отношений и корпоративных интересов представляет собой сложную динамическую составляющую развития общества, в результате чего возникают самые различные комбинации взаимодействия властных и предпринимательских структур.

Взаимосвязи политических интересов, формы их проявления и использования во многом определяются социальной структурой общества, степенью экономического и политического влияния тех или иных классов и социальных групп.

Связь социальной структуры какого-либо политического движения, партии, образования и корпоративных интересов, отдельных их фракций или групп нельзя понимать упрощенно. Как известно, в рамках одной и той же общественно-политической группы можно найти и либералов, и консерваторов, и державников, и конфедератов, и социал-демократов, и кадетов и т. п. Корпоративные интересы социальной группы (рабочих, крестьян, предпринимателей, профессиональных работников) определяют программы и формы деятельности, политических партий и движений. Они, в сущности, представляют собой осознанные особые интересы этих групп и пути их реализации, воплощенной в целевые установки и политические задачи.

Рассмотрим некоторые аспекты диалектической связи политических и корпоративных интересов, сто позволит более тщательно прогнозировать возникновение политических рисков

По нашему мнению, изучение их взаимодействия – одна из важнейших проблем современной общественной науки. Так как именно в этом взаимодействии таится целый ряд главнейших источников нестабильности общества, уходящего от тоталитарного прошлого, с трудом находящего себя в реальностях современного мира.

В недавнем прошлом многообразие противоречий реальных отношений в обществе сводилось к упрощенно понятому противоречию между производительными силами и производственными отношениями, объяснялись достаточно примитивно: пережитками прошлого или «происками империализма». Конфликтная форма разрешения противоречий между людьми, социальными группами, слоями, классами и нациями рассматривалась лишь применительно к эксплуататорскому строю и отождествлялась с ожесточенной классовой борьбой, национально-освободительными и революционными движениями, а также с межнациональными, международными кризисами, с военной конфронтацией.

Сегодня стало очевидным, что теория бесконфликтного развития социалистического общества не оправдала себя. Практика показала, что общественные отношения в нем не были лишены противоречий, политических конфликтов, острых коллизий, в основе которых лежали иногда даже взаимоисключающие экономические и политические интересы. Игнорирование правящей партией этих явлений в общественном развитии привело к краху самой партии. В процессе современного этапа трансформирования России проблема противоречий развития российского общества также, по существу, сведена к черно-белому варианту, в котором образ врага олицетворяют красно-коричневые «ретрограды, стремящиеся вернуть страну в застой. Между тем состояние, в котором находится система общественных отношений в России, в других странах СНГ, вряд ли можно назвать жесткой оппозицией традиционным понятиям «социализм» и «капитализм». Данная система является продуктом сложнейшего, деформированного развития советского общества с присущими ему многоплановыми и усложняющимися противоречиями. Результатом такого развития и оказалась в конечном итоге высокая степень напряженности и внутренней нестабильности. В таком обществе политическая, социально-экономическая, правовая и т. п. организация и управление общественными процессами не гарантируют своевременного и оптимального взаимодействия различных видов общественных отношений и последовательного разрешения их противоречий с учетом интересов всех социальных групп и слоев.

Аксиоматично положение, что политика и сам политический процесс неотделимы от экономики. Политическая деятельность во многом детерминирована характером базисных отношений и направленностью их развития. В свою очередь, политика активно влияет на экономику, ускоряя или замедляя ее развитие. В определенных ситуациях такого рода обратное воздействие становится определяющим для всякого хода экономического процесса.

Политический интерес фокусирует экономическое развитие на наиболее злободневных как стратегических, так и сиюминутных проблемах общественного бытия. В реальной жизни всегда проявляются тенденции большего или меньшего отклонения политических отношений от логики экономической эволюции. Один и тот же экономический базис, как отмечал еще К.Маркс, к примеру, имеет самые различные и многочисленные варианты политического проявления в зависимости от бесконечно разнообразных социально-политических, национальных, региональных условий, их сочетания и взаимодействия, а также действующих извне обстоятельств и может иметь политическую надстройку в амплитуде от диктатуры Пиночета в Чили до демократической формы Нидерландов» [1].

Сложным и противоречивым является и обратное воздействие политики на экономику. Существует устойчивое представление о том, что политика влияет на экономику лишь в тоталитарных системах. Полагают, что уход КПСС с политической сцены знаменует освобождение экономики от партийно-политического воздействия, что в условиях рынка функционирует «чистая экономика», не зависящая от политики, когда имеется лишь одно действующее лицо – рубль (а еще лучше – доллар), который и играет все роли. Такое представление весьма иллюзорно. Конечно, уход с политической сцены КПСС как правящей, а, по существу, государственной партии изменяет и формы, и сам **механизм** влияния политики на экономику. Но он все же остается.

Система свободного предпринимательства всегда адаптируется к изменяющимся экономическим и политическим реальностям. Опыт России, других государств СНГ, а также стран Восточной Европы убедительно говорит о том, что развитие рыночных отношений требует не только соответствующих экономических предпосылок, но и соответствующего социально-политического «фона» социально-психологической адаптации населения к рынку. Более того, часто именно эти факторы определяют результативность и даже саму возможность перехода на рыночный тип производства.

Взаимодействие политики и экономики играет решающую роль в развитии любого общества. Политика глубоко опосредована экономической сферой, экономическими отношениями, экономическими интересами. В то же время вместе с увеличивающимися масштабами экономической сферы, усложнением и углублением экономических отношений в обществе возрастает и воздействие политики на экономическую жизнь общества. Особую остроту проблема взаимоотношений политики и экономики приобретает в периоды глубокой ломки общественных отношений, социальной структуры, представлений и ценностей общественного сознания. Наше общество сейчас находится именно в таком состоянии, и различные политические и общественные силы ищут пути, разрабатывают и предлагают концепции выхода из кризиса.

Взаимосвязь политических и экономических проблем постоянно обнаруживается даже на поверхности событий. Экономические дискуссии тесно связаны с политическими дебатами в парламенте, в средствах массовой информации, на теоретических конференциях. При этом граница между политикой и экономикой очень подвижна.

Взаимосвязь политики и экономики определяется и формируется классовыми и вообще социальными интересами и взаимоотношениями людей. В этом существо вопроса. Сами политические проблемы, связанные с влиянием на государственную власть разных социаль-

ных слоев и групп, политических и общественных организаций и движений, партий, с конкуренцией между ними – все это во многом сводится к взаимоотношению экономических и политических интересов.

Проблемы взаимосвязи политики и экономики конкретизируется в понятии политическая экономия, являющей собой систему экономических мероприятий государства; совокупность целей, средств, методов, по направленному политическому воздействию на развитие экономики.

Категория «интересов» конкретизируется категорией «групп интересов». Рассматриваемое понятие было введено в политологию и социологию американским исследователем А. Бентли в работе «Процесс управления (1909), который предлагал анализировать и рассматривать не только формальные политические институты и партии, но и особые группы людей, влияющих на властные структуры и процесс принятия политических решений. «Группы интересов» (их также часто определяют в литературе и как «группы давления») [2], представляют собой образования, созданные с целью оказания влияния на государственные органы власти в благоприятном для представляемых ими кругов направлении.

Они имеют основные характеристики: организованность, одинаковость стремлений, использование правительственных институтов для реализации своих целей [3].

Американский политолог Э. Лэдд определяет группы интересов как организации определенных групп людей для выражения и реализации своих политических интересов [4].

Французский социолог Р. Ж. Шварценберг характеризует данный феномен как организации, созданные для защиты интересов и оказания давления на общественные власти с целью добиться от них принятия таких решений, которые соответствуют их интересам [5].

В отечественной политологической литературе для характеристики анализируемых явлений традиционно использовалась категория «общественно-политические организации», в которой внимание прежде всего обращалось на их роль в политической организации общества и принципы функционирования.

Категории «общественно-политические организации», «группы интересов», «группы давления» и «лобби» представляют взаимосвязанный понятийный ряд, оттеняя различные аспекты единого родового явления: представительство и организация различных групп людей по общественно-политическим интересам.

При этом важно учитывать существенные отличия группы интересов от политических партий.

Основная цель политической партии – прийти к власти и удержаться, для реализации интересов своих социальных групп. У груп-

пы интересов первоочередной целью является решение более конкретных задач, хотя они и связаны, в конечном счете, с достижением стратегических задач.

Группы интересов многочисленны и разнообразны. К их числу относятся: группы лоббирования, профсоюзы, крестьянские, женские и молодежные организации, и движения, ассоциации предпринимателей, торговцев и потребителей, движения ветеранов, семейные ассоциации, философские (общественно-политические) клубы и общества, ассоциации родителей учащихся, религиозные группировки, экологические движения и многие другие объединения общественного характера.

Наиболее влиятельные из них обычно официально регистрируются и получают соответствующие юридические права. В то же время многие из них могут не иметь официального статуса.

Группы интересов – необходимая часть демократической системы. Они выполняют следующие функции.

Во-первых, группы интересов являются связующим звеном между социальными слоями, группами и органами власти, политическими деятелями, своего рода «приводным ремнем» между нуждами индивида и правительственными институтами. Деятельность этих групп помогает правительству определить те взгляды, которые ему следует принять во внимание.

Во-вторых, группы интересов обычно способствуют активизации участия граждан в политической жизни. Они информируют своих членов о вновь принятых или готовящихся правительственных решениях, разъясняют, каким образом можно оказать влияние на эти решения и подталкивают к оказанию такого влияния. Участие в работе любой общественной организации может способствовать развитию навыков политической деятельности.

В-третьих, группы интересов дополняют официальное представительство граждан в органах власти. Люди, которые не в состоянии, скажем, отправиться в Вашингтон или Москву, чтобы выступить в парламенте, могут, тем не менее, участвовать в законодательном процессе посредством активного функционирования соответствующей группы давления.

В-четвертых, группы интересов могут служить важным средством разрешения конфликтов в обществе. Их активная деятельность, соревнование и компромиссы между ними – характерная черта плюралистической демократии. Учет правительством интересов наиболее представительных и влиятельных групп ведет к большему уровню взаимопонимания в политике и обществе, снижает социальную напряженность, позволяет решать назревшие проблемы в неконфронтационной форме.

Представители меньшинств и лица с невысоким социально-экономическим статусом менее склонны принимать участие в деятельности групп интересов, чем бизнесмены и лица, занимающие более высокое положение на социальной лестнице. Не случайно многие политологи отмечают, что «система давления» групп интересов в США «перекошена» в пользу небольшой части населения.

Следующий круг проблем связан с тем, что в группах интересов господствуют лидеры, элита. Активное меньшинство стремится осуществлять господство над организацией, вести дела и принимать решения, касающиеся политических вопросов. В общественных организациях не может не действовать в той или иной степени «железный» закон олигархии» (Р. Михельс), если не предпринимаются решительные меры по их демократизации.

Третий круг проблем состоит в том, что группы интересов не подотчетны никому за исключением своих членов (да и то не всегда). В силу этого они не несут такой ответственности перед народом как избранные должностные лица, которые обязаны отчитываться за свои действия, хотя бы во время выборов.

Наконец, ряд исследователей обращает внимание на то, что конкуренция и компромиссы среди различных групп интересов не всегда трансформируются в последовательную правительственную политику. Напротив, их деятельность в ряде случаев приводит к неэффективности и бездействию правительства, а отсюда и рост недовольства со стороны населения.

Сторонники плюралистической (основанной на взаимодействии групп интересов) модели демократического правления рассматривают политику как процесс, аналогичный судебной состязательности (где вместо адвокатов выступают группы интересов). Критики этой концепции справедливо отмечают, что в данном случае одни «адвокаты» более умелы и более влиятельны, чем другие.

Некоторые из «адвокатов» в действительности не контролируются теми, кого они будто бы представляют. Более того, некоторые интересы вообще не представляются. И, наконец, компромисс, достигнутый между соперничающими «адвокатами», может не привести, а каким-либо действиям либо привести к таким, которые не отвечают общественным интересам.

Группы интересов действуют во многих странах. Они весьма активны в США, в Европе, в странах переходящих от авторитаризма к демократическим формам правления.

Почему люди присоединяются к группам давления? Одни – вследствие интереса к тем или иным политическим проблемам. Другие – вследствие своих экономических интересов. Третьи – по социальным мотивам, из чувства солидарности. В целом, эти объединения можно

подразделить на группы общественных интересов и интересов специфических, в том числе профессиональных.

Наиболее полная типология рассматриваемого феномена приводится в работах А. Алмонда, Г. Пауэлла, Р. Ж. Шварценберга. Они выделяют четыре типа групп интересов в соответствии со степенью их специализации и организованности: спонтанные группы интересов; не ассоциативные; институциональные и ассоциативные [5: 87–88]. Подробно эти вопросы будут рассмотрены во второй главе данной работы.

В силу этого в предложенной типологии после групп «организованных интересов в экономической сфере и в мире труда» целесообразно рассматривать группы «организованных интересов в общественно-политической сфере», затем в социальной сфере, культуре, религии, науке и лишь потом в области досуга и отдыха.

Системное исследование групп интересов предполагает следствие из плюралистической теории политики, утверждающей, что она должна пониматься как процесс распределения ценностей, который требует исследования различных групп, влияющих на решения различных проблем, и как определение их первоочередности.

В экономически развитых странах в наше время трудно найти такую отрасль деятельности, представители которой не имели бы собственного органа защиты. Даже лица свободных профессий осознали эффективность коллективных действий, несмотря на определенную склонность к индивидуальной деятельности.

В политической жизни наиболее сильно ощущается влияние групп давления, объединяющих различные категории в отряды трудящихся (профсоюзы), предпринимателей и торговцев, фермеров, молодежи, национальных меньшинств, женщин, а также широкие круги населения, выступающие с общедемократических позиций: пацифистские, экологические и др.

Механизмы, формы деятельности групп интересов в известной мере определяются уровнем политической культуры в стране и в самих организациях, развитостью правового общественного сознания. Английский политолог Р. А. Доуз, например, отмечал, что степень признания группой интереса легитимности правительства может оказать существенное влияние на диапазон и средства ее деятельности. «Если она принимает режим как законный, то такая группа, – писал он, – будет бороться против неугодных ей решений правительства исключительно конституционными средствами.

С другой стороны, если группа не воспринимает режим как законный, она будет считать себя свободной, использовать и незаконные средства и методы, такие, как подкуп правительственных чиновников или оказание поддержки диссидентским политическим группам» [6].

Для обстоятельного анализа групп давления необходимо исследование таких факторов, как природа самих групп, их социальная база, степень и возможности влияния на процесс принятия решений властными структурами, особенности политического поведения и деятельности.

Очень важно учитывать, что предупреждение политических рисков напрямую зависит от механизмов реализации политических интересов:

1) деятельность государственных структур;

2) политическое влияние партий, объединений;

3) организация продвижения интересов массовых политических организаций путем забастовочного движения и т. д.

К числу основных функций групп интересов можно отнести артикуляцию требований, обеспечение необходимой информации по конкретным вопросам, обеспечение согласия заинтересованных лиц с решениями политического руководства, воздействие на те или иные «рычаги власти».

Группы интересов обычно используют различные методы воздействия для усиления своего влияния. Среди них:

– воздействие на власть. Объектом давления могут быть парламентарии, члены правительства, высшие служащие;

– возбуждение судебных дел;

– открытое давление, которое может принимать форму информирования, консультации или угрозы;

– скрытое давление, проявляющееся в форме личных контактов, доверительных отношений, «подарков» и т. п.;

– эффективным методом является забастовка, та или иная форма гражданского неповиновения, голодовка;

– большое значение имеет воздействие на общественное мнение. При демократическом режиме оно близко к косвенному влиянию на органы государственной власти. Такое давление может принимать формы «мягкого» убеждения или «агрессивной» критики;

– информирование населения также является одним из методов воздействия на общественное мнение. Соответствующий подбор информации, способы ее подачи могут содействовать выработке у людей такого отношения к конкретному вопросу, в каком нуждается заинтересованная группа интересов;

– особым методом воздействия на властные структуры является *лоббирование,* представляющее систему средств и факторов для оказания необходимого влияния на политиков, принимающих решения, об этом более подробно в следующей главе нашей работы.

Итак, сегодня политологами признается бесспорным тот факт, что группы интересов являются неотъемлемым элементом политической

системы, как форма достижения консенсуса весьма различных интересов, что позволяет значительно снижать политические риски.

Общественно-политические организации наряду с государством и партиями являются одним из важнейших институтов политической системы.

Реализация политического интереса невозможна без проявления политической активности его носителя.

В качестве вывода следует отметить следующее.

1. Процесс осознания политических интересов, мониторинг политических рисков непрерывен. На уровне обыденного осознания этот процесс происходит в форме политической практической деятельности проб и ошибок индивида, социальные группы приобретают опыт и знания, которые в свою очередь, детерминируют практическую деятельность, социальную активность и гражданскую позицию.

Для реализации своих коренных интересов посредством государственной (политической) власти, определенные социальные группы создают свои политические партии.

2. Коренной политический интерес общества состоит в постоянном развитии демократии, в упрочении и расширении подлинного народовластия, самоуправления народа, повышении уровня жизни широких слоев населения. В механизме действия демократии особое значение имеет учет, улавливание выражений объективно обусловленных интересов различных социальных групп, что позволяет предвидеть риски в политической сфере.

Литература:

1. *Рогачев С. В.* Политика, ее содержание и формы // Государство и право. – 1993. – № 5. – С.123.
2. Философия политики. – М., 1993. – Книга III «Властные факторы в политической системе общества». – С. 120–129.
3. *Harris F. R.* Americas democracy. – Glenview, Illinois, 1983. – P. 223–224.
4. *Ladd E. C.* The American Polity. The People and Their Government. – N. Y., 1985. – P. 351.
5. *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология.– М., 1992. – Т. 3. – С. 87.
6. *Dowze R. E., Hughes G. A.* Political Sociology. – P. 31.

Учет рисков при разработке программ развития административно-территориального образования

Введение

Основным инструментом реализации концепции успешного социально-экономического развития общества являются целевые программы различного уровня. Разработка целевой программы представляет целый комплекс весьма трудоемких мероприятий, определяющих последующую успешность реализации разрабатываемой программы. Любая программа состоит из набора проектов, которые должны быть реализованы, и вполне понятно, что на этапе разработки программы необходимо проведение оценки риска невыполнения как проектов, так и всей программы в целом.

Оценка рисков, как правило, выполняется экспертным путем и чаще всего представляет собой качественную оценку в виде лингвистической переменной типа «высокая степень риска», «умеренная степень риска» и «низкая степень риска». Таким образом, в процессе разработки целевых программ возникает задача формирования программы с заданным уровнем надежности ее выполнения, т. е. в процессе разработки необходимо учитывать возникающие риски невыполнения или частичного выполнения отдельных проектов, составляющих программу.

С точки зрения стандартных методов риск-менеджмента, задача заключается в проведении мероприятий, направленных на компенсацию возникающих рисков. Таким образом, включенные в целевую программу и принятые к реализации проекты могут быть выполнены различными способами с учетом предусмотренных мероприятий, направленных на компенсацию рисков. Но такие мероприятия, как правило, приводят к дополнительным затратам, что может негативно сказаться на всей программе в целом, так как современные исследования показали, что основными факторами являющимися причинами неудачи в реализации конкретных программ и проектов является нехватка финансовых ресурсов и времени.

Следовательно, возникает задача формирования целевой программы, обеспечивающей минимизация затрат на выполнение при ограничениях на величину риска невыполнения программы или же должно быть ограничено число проектов, имеющих высокую степень риска невыполнения, включаемых в целевую программу.

Постановка задачи

Рассмотрим формирование целевой программы, направленной на улучшение состояния объекта по m критериям. Пусть оценка критериев осуществляется по четырехбальной шкале: оценке «неудовлетворительно» будут соответствовать баллы 1–2, «удовлетворительно» – 3, «хорошо» – 4, «отлично» – 5. Для дальнейшего решения задачи формирования целевой программы необходимо принять некий механизм, единый для всей процедуры разработки программы, позволяющий оценивать состояние объекта, положение которого необходимо улучшить. В данном случае, как показывают результаты современных исследований, для этих целей наиболее эффективно использование аппарата, основанного на матричных свертках.

Допустим, что для включения в целевую программу отобрано n проектов. Каждый из проектов будет характеризоваться следующими критериями: a_{ij} ($i = \overline{1, n}, j \in Q_i$) – эффект (вклад) i-го проекта в j-е направление целевой программы (Q_i – множество улучшаемые при реализации i-го проекта критериев оценки объекта, на совершенствование которого направлена разрабатываемая программа,); b_i – затраты, необходимые для реализации i-го проекта для случая, когда надежность проекта оценивается лингвистической переменной «низкая степень риска»; c_i – затраты на выполнение варианта проекта соответствующего оценке «высокая степень риска» (условия здравого смысла подсказывают, что в этом случае необходимо обеспечить выполнение соотношения вида $b_i > c_i$, $i = \overline{1, n}$). Для дальнейшего решения необходимо приять гипотезу о том, что величины эффекта a_{ij} обладают свойством аддитивности, что дает возможность их суммирования.

Следовательно, сформулирована задача формирования целевой программы путем отбора проектов, позволяющих обеспечить достижение запланированных целей при минимальных объемах финансовых ресурсов. При этом в качестве ограничений используется ограничение на объем финансирования проектов реализуемых по варианту, соответствующему оценке «высокая степень риска», или же на общее число таких проектов.

Одноцелевые проекты

Первоначально рассмотрим вариант формирования целевой программы, когда каждый проект направлен на улучшение конкретного направления программы. Данное ограничение не может быть существенным, так как в том случае, когда отдельный проект может улучшать состояние объекта одновременно по нескольким направлениям, такой проект может быть разбит на несколько составных проектов,

удовлетворяющих принятому допущению. В литературе такие проекты получили название одноцелевых.

Выдвинутое предположение дает возможность трансформировать исходную задачу на несколько составных задач. В этом случае количество таких вспомогательных задач будет равняться числу критериев, по которым будет производиться улучшение состояния объекта, являющегося целью реализации разрабатываемой программы.

Для решения задачи введем двоичную переменную x_i, которая равна единице в том случае, если i-й проект, вошедший в программу, будет реализовываться по варианту соответствующему оценке «низкая степень риска» и равна нулю в противном случае. Аналогично введем другую двоичную переменную y_i, которая равна единице тогда, когда i-й проект включается в программу и будет реализован по варианту, соответствующему оценке «высокая степень риска», и равна нулю в противном случае.

Учитывая особенности введенных переменных для них должно выполняться соотношение следующего вида:

$$x_i + y_i \le 1, \quad i = \overline{1,n}. \tag{1}$$

При заданных x_i, y_i, $i = \overline{1, n}$ значение эффекта от реализации программы для конкретного направления будет равно:

$$R(x) = \sum_{i=1}^{n} (x_i + y_i) a_i \,. \tag{2}$$

Допустим, что с помощью экспертов был установлен возможный диапазон значений эффекта от реализации формируемой целевой программы A_j, $j = \overline{1, 4}$ такой, что если выполняется условие:

$$A_j \le R(x) < A_{j+1}, \tag{3}$$

то бальная оценка принимается равной величине j.

Обозначим через C – допустимый объем финансовых средств, направляемых на финансирование проектов, предполагаемых к реализации по варианту соответствующему оценке «высокая степень риска»; p – максимально возможное число таких проектов.

Тогда соответствующие ограничения принимают вид:

$$\sum_i y_i c_i \le C \tag{4}$$

либо:

$$\sum_i y_i \le p . \tag{5}$$

Задача будет заключаться в нахождении последовательности x_i, y_i, $i = \overline{1, n}$, минимизирующих выражение:

$$\Phi = \sum_{i=1}^{n} (b_i x_i + c_i y_i) \tag{6}$$

при ограничениях (4) или (5) и ограничении:

$$\sum_i \left(x_i + y_i \right) a_i \ge A, \tag{7}$$

где параметр A принимает значения из диапазона, задаваемого соотношением $A_j - Y_j$, определяющим цель, которая должна быть достигнута по данному направлению при начальных значениях Y_j.

Количество задач, подлежащих анализу будет определяться начальными значениями всех рассматриваемых критериев и набором Парето-оптимальных вариантов целевой программы, комплексные оценки которых достигают заданного уровня.

Метод ветвей и границ

Особенность применения метода ветвей и границ заключается в том, что на каждом шаге решения необходимо определять нижние оценки получаемых решений, что является нетривиальной задачей и определяется свойствами конкретной, решаемой задачи.

Учитывая свойства рассматриваемой задачи для нахождения нижних оценок, может быть предложен следующий алгоритм.

Предварительно введем новую переменную, которая связана со старыми соотношением вида: $z_i = x_i + y_i$, $i = \overline{1, n}$, , тогда исходная задача будет приведена к виду:

$$\Phi(z, y) = \sum_{i=1}^{n} (b_i z_i - \Delta_i y_i),$$

(8)

найти минимум функции при следующих ограничениях (4), (9) и (10):

$$\sum_{i=1}^{n} z_i a_i \geq A,$$

(9)

$$y_i \leq z_i .$$

(10)

где $\Delta i = b_i - c_i$.

Для получения граничных оценок необходимо решить следующие две вспомогательные задачи.

Задача 1. Найти минимум для целевой функции следующего вида:

$$F_1(z) = \sum_i b_i z_i$$

(11)

при ограничении (9).

Задача 2. Найти максимум функции:

$$F_2(y) = \sum_{i=1}^{n} y_i \Delta_i$$

(12)

при ограничении (4) или (5).

Пусть Φ_1 – значение $F_1(z)$ в оптимальном решении первой задачи, а Φ_2 – значение $F_2(y)$ в оптимальном решении второй задачи.

Достаточно просто доказать [1], что нижней оценкой решаемой задачи (8), (9), (10), (4) или (5) будет являться значение $\Phi_1 - \Phi_2$.

Используем данный факт при решении задачи методом ветвей и границ. При этом будет справедливо следующее утверждение.

Утверждение 1. Пусть z, y решения первой и второй задач соответственно удовлетворяющие соотношению вида: $y < z$ ($y_i \leq z_i$, $i = \overline{1, n}$), тогда пара (z, y) определяет оптимальное решение исходной задачи.

Описание алгоритма

1-й шаг. Решаем задачи 1 и 2. Обозначим M_1 – множество оптимальных решений задачи 1, M_2 – множество оптимальных решений

задачи 2. Если существует пара (z, y), $z \in M_1$, $y \in M_2$ такая, что $y < z$, то в силу леммы (z, y) – будет являться искомым решением. Иначе выбираем проект j такой, что $y_j = 1$, а $z_j = 0$ и производим разбиение множества всех возможных решений на два подмножества. Для первого подмножества полагаем $y_j = 1$, $z_j = 1$, а для второго – $y_j = 0$. Далее для этих подмножеств решаем оценочные задачи, выбираем подмножество с лучшей оценкой и т. д. согласно схеме метода ветвей и границ.

Рассмотрим другой алгоритм решения задачи с ограничением (5), т. е. когда ограничено число высокорисковых проектов. Для ее решения также применим метод ветвей и границ, но для получения нижних оценок на каждом шаге решения используется метод множителей Лагранжа. А именно, рассмотрим задачу (8), (9). Функция Лагранжа для этой задачи будет иметь вид:

$$£(z,\lambda) = \sum_i (b_i - \lambda a_i) z_i + \lambda A . \tag{13}$$

Как известно, величина $\min_z £(\lambda, z)$, дает нижнюю оценку для задачи (8), (9) при любом λ.

Рассмотрим вспомогательную задачу минимизировать:

$$£'(\lambda, z, y) = £(\lambda, z) - \sum_i \Delta_i y_i , \tag{14}$$

при ограничениях (5) и (10). Обозначим $T(\lambda)$ величину $£'(\lambda, z, y)$ в оптимальном решении этой задачи.

Из литературы [3–4] известно, что $T(\lambda)$ является нижней оценкой исходной задачи при любом λ.

Обозначим $c_i(\lambda) = b_i - \lambda a_i$. Тогда задача (5), (10), (14) эквивалентна задаче минимизации:

$$\sum_i c_i(\lambda) z_i - \Delta_i y_i + \lambda A , \tag{15}$$

при ограничениях (5) и (10).

Обозначим $\delta_i(\lambda) = \min[\Delta_i; \Delta_i - c_i(\lambda)]$, и сформируем из проектов с наибольшими значениями $\delta_i(\lambda)$ множество $Q(\lambda)$.

Пусть для этих проектов выполняется соотношение $z_i = 1$. Полагаем также $z_i = 1$, для всех проектов, для которых $c_i(\lambda) < 0$. Данный алгоритм позволяет получить оптимальное решение задачи (5), (10), (15), и, как следствие, дает нижнюю оценку исходной задачи.

Найдем значения λ, доставляющее получаемым нижним оценкам максимальное значение. Для этой цели введем точки q_{i1}:

$$q_{i1} = \frac{b_i}{a_i},\ q_{i2} = \frac{b_i - \Delta_i}{a_i},$$

и расположим их в порядке возрастания, обозначив их через p_i.

Описание алгоритма

1. Полагаем $\lambda = p_1$, определяем нижнюю оценку $S(p_1)$ и $z_i(p_1), i = \overline{1,n}$ согласно описанному выше алгоритму.

Если $\sum_i z_i(p_i)a_i < A$, то переходим к следующему шагу.

Если выполняется условие $\sum_i z_i(p_i)a_i = A$, то это означает, что искомое решение исходной задачи найдено.

Если $\sum_i z_i(p_i)a_i > A$, то получена наилучшая нижняя оценка $S_m = \max[S(p_1); p_1 A]$, которая и может быть использована в методе ветвей и границ.

Общий случай. Многоцелевые проекты

Рассмотрим более общий случай, когда проекты, отбираемые для включения в целевую программу, направлены на улучшение сразу по нескольким направлениям. Такие проекты получили название многоцелевых [2].

Пусть множество проектов, реализация которых будет улучшать *j*-е направление, обозначено через Q_j, причем согласно условиям задачи данное множество не может быть пустым. (Пустое множество Q_j означает, что в целевой программе нет ни одного проекта, направленного на решение проблем *j*-го направления). В этом случае исходная задача сводится к минимизации следующего выражения:

$$\Phi(z, y) = \sum_{i=1}^{n} (b_i z_i - \Delta_i y_i), \tag{16}$$

при ограничениях $y_i \le z_i,\ i = \overline{1, n}$.

$$\sum_{i \in Q_j}^{n} z_i a_i \geq A_j, \quad j = \overline{1, m} \tag{17}$$

где A_j – контрольные значения критерия качества реализации целевой программы по j-му направлению.

$$\sum_{i \in Q_j}^{n} y_i c_i \leq C_j, \quad j = \overline{1, m} \tag{18}$$

Решение проводится для каждого Парето-оптимального варианта программы. Для решения задачи в этом случае рассмотрим два подхода. Первый состоит в переборе всех возможных вариантов вхождения в программу многоцелевых проектов. Если число многоцелевых проектов равно q, то число возможных вариантов вхождения равно 2^q. При малом числе многоцелевых проектов метод перебора достаточно эффективен. При заданном варианте вхождения многоцелевых проектов задача разбивается на отдельные задачи для каждого направления, рассмотренные выше. Сравнивая решения для всех вариантов, выбираем наилучший.

В рассмотренной выше постановке финансирование проектов с высоким риском ограничено для каждого направления. Это обосновано, если для каждого направления существует своя проектная команда, отвечающая за это направление. Если управление программой осуществляется единой проектной командой, то более естественным представляется единое ограничение на финансирование высокорисковых проектов по всем направлениям:

$$\sum_{i \in 1}^{n} c_i y_i \leq C \ , \tag{19}$$

вместо m ограничений (18).

Решение задачи принципиально не меняется. Однако в данном случае для получения нижних оценок решается по одной оценочной задаче первого типа (задача 1) для каждого направления и одна общая оценочная задача для всех направлений, т. е. задача максимизации:

$$\sum_{i} \Delta_i y_i \ , \tag{20}$$

при ограничении (19).

Если обозначить $F_j(z)$ оптимальное значение в решении оценочной задачи для j-го направления, а $F(y)$ – оптимальное значение в решении задачи (19), (20), то нижняя оценка будет равна:

$$\Phi = \sum_{j=1}^{m} F_j(z) - F \,, \tag{21}$$

Метод сетевого программирования

Если число многоцелевых проектов велико, т. е. значение q большое, то метод прямого перебора вариантов становится очень трудоемким и не эффективным. В этом случае может быть применен попрежнему метод ветвей и границ. Но в этом случае нижние оценки будут строиться с применением метода сетевого программирования. Следует отметить, что в том случае если не учитывать ограничения вида $y_i \le z_i$, $i = \overline{1,n}$, то исходная задача (16), (17), (19) трансформируемся в две несвязанные друг с другом задачи. Первая из которых будет заключаться в минимизации выражения:

$$\sum_{i=1}^{n} b_i z_i \,, \tag{22}$$

при ограничениях (17), а вторая – в максимизации (20) при ограничении (19).

Вторая задача представляет собой классическую задачу о ранце.

Перейдем к анализу первой задачи. В этом случае согласно общей теории сетевого программирования [2] затраты каждого многоцелевого проекта i делим на m_i частей U_{ij}, $j \in P_i$ где m_i – число исправлений, в которые дает вклад i-й многоцелевой проект, P_i – множество направлений, в которые дает вклад i-й многоцелевой проект, т. е.:

$$\sum_{j \in P_i} U_{ij} = C_i \,, \tag{23}$$

при заданных $U = \{U_{ij}\}$ задача (17), (22) распадается на m несвязанных задач, с одноцелевыми проектами, методы решения которых рассмотрены выше.

Обозначим $F_j(U_j)$ – значение целевой функции задачи (17), (22) при заданных U_j :

$$F(U) = \sum_j F_j(U_j),$$

(24)

Задача максимизации (24) при ограничениях (23) называется обобщенной двойственной задачей [3].

Из литературы известно [1], что обобщенная двойственная задача является задачей выпуклого программирования.

Если получены решения оценочных задач, включаем задачу (19), (20), так, что каждый многоцелевой проект либо входит в программы всех направлений, в которые он дает эффект ($z_i = 1$, для всех $j \in P_i$) либо не входит ни в одно из них ($z_i = 0$, для всех $j \in P_i$) и при этом $y_i \le z_i$, $i = \overline{1,n}$. В этом случае совокупность решений оценочных задач определяет оптимальное решение исходной задачи.

Так как любое допустимое решение обобщённой двойственной задачи дает нижнюю оценку для исходной задачи, то оказывается нецелесообразным определять оптимальное решение обобщенной двойственной задачи для получения нижних оценок в методе ветвей и границ. Так как согласно проведенным вычислительным экспериментам, затраты времени на улучшение нижней оценки, не приводят к заметному сокращению числа итераций. Поэтому целесообразно зафиксировать значения переменных U_{ij} и использовать их при получении нижних оценок в методе ветвей и границ.

Практика, основанная на проведенных вычислительных экспериментах, дает основание сделать вывод о том, что если число многоцелевых проектов больше семи, то приведенный выше алгоритм оказывается значительно эффективнее алгоритма прямого подбора.

Минимизация затрат на выполнение программы

Как правило, бюджет целевой программы жестко фиксирован и не подлежит изменению. В этом случае возникает необходимость формирования вариантов программы, удовлетворяющих бюджетным ограничениям за счет снижения уровня надежности отдельных проектов, включаемых в программу.

Предположим, что в целях выполнения бюджетных ограничений некоторые проекты могут выполняться по варианту соответствующему оценке «средняя степень риска», что приводит к сокращению за-

трат на величину $d_i < b_i$; или варианту, соответствующему оценке «высокая степень риска», что приводит к еще большей экономии, так как выполняется соотношение вида $c_i < d_i < b_i$, $i = 1,\ldots n$. Предположим, что заданы ограничения на объем финансирования проектов, выполняемых по варианту, соответствующему оценке «средняя степень риска», – D, и по варианту, соответствующему оценке «высокая степень риска», – C, с величиной эффекта такой же, как и при выполнении проектов по варианту «низкая степень риска».

Введем двоичную переменную x_i, принимающую значение равное единице в том случае если i-й проект выполняется со средним уровнем риска и ноль – в противном случае. Аналогично вводим двоичную переменную y_i, которая равна единице в том случае, когда i-й проект выполняется с высокой степенью риска и нулю в противном случае.

Обозначим $\delta_i = b_i - d_i$, $\Delta_i = b_i - c_i$, $i = 1,\ldots n$.

Задача. Определить x, y, максимизирующие:

$$F(x, y) = \sum_i \delta_i x_i + \sum_i \Delta_i y_i \tag{25}$$

при ограничениях:

$$\sum_i d_i x_i \le D \tag{26}$$

$$\sum_i c_i y_i \le C \tag{27}$$

$$x_i + y_i \le 1,\ i = 1,\ldots n. \tag{28}$$

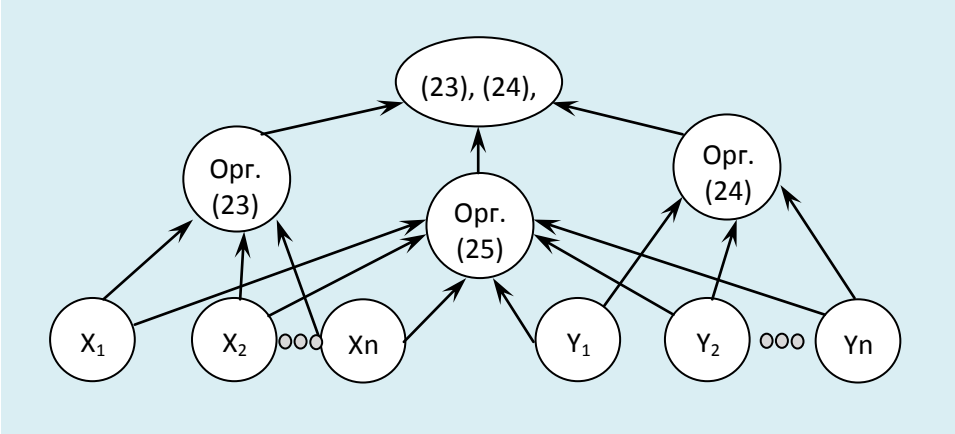
Для решения задачи предлагается метод ветвей и границ [4], когда для получения граничных оценок применяется метод сетевого программирования. Структура сетевого представления для исследуемой системы ограничений представлена на рис. 1.

Согласно методу сетевого программирования представим коэффициенты целевой функции в следующем виде:

$$\delta_i = u_i + v_i \le 1,\ i = 1,\ldots n. \tag{29}$$

$$\Delta_i = z_i + w_i \le 1,\ i = 1,\ldots n. \tag{30}$$

Рисунок 1



В этом случае решение сводится к трем оценочным задачам.

Задача 1. Найти *x*, максимизирующие:

$$F_1(x) = \sum_i u_i x_i = \sum_i (\delta_i - \nu_i) x_i \tag{31}$$

при ограничении (26).

Задача 2. Определить *y*, максимизированные:

$$F_2(x) = \sum_i z_i y_i = \sum_i (\Delta_i - w_i) y_i \tag{32}$$

при ограничении (27).

Задача 3. Определить *x, y,* максимизированные:

$$F_3(x, y) = \sum_i \nu_i x_i + \sum_i w_i y_i \tag{33}$$

при ограничениях (28).

Решение третьей задачи очевидно: для каждого i следует взять максимальное из чисел ν_i, w_i.

Если $\nu_i \geq w_i$, то $x_i = 1$, $y_i = 0$. Если $\nu_i \leq w_i$, то $x_i = 0$, $y_i = 1$.

Значение целевой функции при этом равно:

$$\Phi_3(v,w) = \sum_i \max = (v_i, w_i) \tag{34}$$

Обозначим $\Phi_1(v)$ значение целевой функции в оптимальном решении задачи 1, $\Phi_2(w)$ – значение целевой функции в оптимальном решении задачи 2. Центральная теорема теории сетевого программирования гласит, что величина:

$$\Phi(v,w) = \Phi_1(v) + \Phi_2(w) + \Phi_3(v,w)$$

является верхней оценкой $F(x,y)$.

Обобщенная двойственная задача (ОДЗ): определить v, w, минимизирующие $\Phi(v,w)$ при ограничениях:

$$0 \le v_i, 0 \le w_i, \; i = 1,\ldots n. \tag{35}$$

Существует оптимальное решение ОДЗ, такое, что $v_i = w_i$, $i = 1,\ldots n$.

Рассмотрим другой способ получения верхних оценок в методе ветвей и границ. А именно, заметим, что если не учитывать ограничений (28), то задача распадается на две независимые оценочные задачи.

Задача 1. Максимизировать:

$$\sum_i \delta_i x_i, \tag{36}$$

при ограничениях (28).

Задача 2. Максимизировать:

$$\sum_i \Delta_i y_i, \tag{37}$$

при ограничении (27).

Обозначим F_1 величину (36) в оптимальном решении задачи (36) и (26), F_2 – величину (37) в оптимальном решении задачи (37) и (27). В этом случае величина $F = F_1 + F_2$ дает верхнюю оценку для исходной задачи.

Доказательство следует из того, что удаление любого ограничения не уменьшает значения целевой функции в оптимальном решении.

Литература:

1. *Алферов В. И.* Прикладные задачи управления строительными проектами [Текст] // *Алферов В. И., Баркалов С. А., Бурков В. Н., Курочка П. Н., Хорохордина Н. В., Шипилов В. Н.* – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2008. – 765 с.
2. *Курочка П. Н.* Модель определения надежности при нечетких сведениях о степени надежности [Текст] // *Курочка П. Н., Маилян А. Л.* Системы управления и информационные технологии // Научно-технический журнал. – М. – Воронеж, 2012. – № 3.1(49). – Т. 49. – С. 192–197.
3. *Курочка П. Н.* Алгоритм решения задачи оптимизации программы при условии ее надежности [Текст] // *Курочка П. Н., Порядина В. Л.* // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – Серия: Управление строительством. – 2013. – № 1(4). – С. 22–30.
4. *Курочка П. Н.* Оценка надежности организационных структур произвольного вида, задающихся планарным графом [Текст] // *Курочка П. Н., Тельных В. Г.* // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – Серия: Строительство и архитектура. – 2011. – № 3. – С. 134–141.
5. *Баркалов С. А.* Модели и методы управления проектами при организационно-технологическом проектировании строительства // *Баркалов С. А., Курочка П. Н., Маилян Л. Р., Суровцев И. С.* – Воронеж, 2013.
7. *Баркалов С. А.* Модели и методы распределения ресурсов в управлении проектами // *Баркалов С. А.* и [др.]. М.: Рос. акад. наук, Ин-т проблем упр. им. В. А. Трапезникова.

Раздел 5.

ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТЕРНЕТ-РЕВОЛЮЦИИ И НОВЫЕ РИСКИ

Сетевые войны. Вызовы и угрозы для России в постиндустриальный период

Современная Россия, а вместе с ней страны постсоветского пространства сейчас находятся в той точке бифуркации, когда от алгоритма действий и целеполаганий, стратегии, тактики и скорости принятия решений будет определяться будущее всей нации в ближайшие 70–100 лет. На карту поставлены целостность, суверенитет и, без преувеличения, само существование России, как единого и независимого государства.

Сегодня мы столкнулись с огромным множеством кризисных явлений, негативным образом отразившихся на всех, без исключения, сферах деятельности. Лавинообразный характер комплекса дестабилизирующих процессов требует немедленного вмешательства государства и научного сообщества с целью их нейтрализации. Последствия санкционной политики, проводимой США и странами ЕС в отношении России, стали своеобразной сетью индикаторов, которые со всей очевидностью указали на наиболее уязвимые места в системе безопасности страны и предопределили путь к ***самодостаточной*** экономике.

В процессе своего развития, с ростом технологического уровня, человечество прошло долгий путь от феодальных войн и колониальной экспансии до неоколониального периода и сетевых войн. Сетевые войны – это совершенно новое для нас явление, принципиально меняющее наши традиционные представления о стратегии и тактике ведения боевых действий. В основе стратегии сетевых войн лежит, так называемая, «теория управляемого хаоса». «Сетевые войны» – это новейшая технология ведения боевых действий, разработанная Пентагоном на основе идей Клаузевица и Маршала СССР Н. В. Огаркова, которая пришла на смену ядерному сдерживанию периода «холодной войны».

В отличие от ядерного оружия война нового типа обладает неизмеримо более мощным поражающим действием, так как затрагивает абсолютно все, без исключения, области жизнедеятельности человека. В своем широком инструментарии сетевая война использует так называемые DIMET-операции, что расшифровывается как: Дипломатия, Информационные операции, Вооруженные силы, Экономика и Технологии. В механизме DIMET-операций реализуется принцип трансграничного давления, а главной целью ставится разрушение всех ключевых взаимосвязей системы, которые опутываются плотной сетью внутренних и внешних деструктивных моделей.

Текущая ситуация характеризуется тем, что так называемые классические боевые операции отошли на второй план и стали лишь вспомогательным инструментом современных сетевых войн. Их конечными целями являются установление сетевого контроля и внешнего управления информационно-цифровым полем, процессом формирования ценностей, доступом к финансам и технологиям, политической и культурной элитой, центрами активности молодежи и социальных групп, этническими и социальными меньшинствами, национальными и религиозными движениями, оборонным комплексом, интеллектуальными и научно-образовательными центрами и т. д. – фактически над всеми элементами объекта агрессии. Формируется огромное количество точек напряжения и нестабильности. При этом объект агрессии зачастую, не понимая сути происходящих процессов и бессистемно борясь со следствиями в попытке нейтрализовать некоторые из таких центров напряжения, – неизбежно теряет темп, упускает из виду ключевые элементы и лишь усугубляет ситуацию, все глубже запутываясь в хаосе неуправляемых процессов. Поэтому стратегия противодействия должна строиться на принципе упреждающего и жесткого централизованного управления абсолютно всеми процессами, максимально стараясь избежать старого принципа «лебедь, рак и щука».

Таким образом, формируемая противником сеть деструктивных моделей становится генератором нарастающих хаотических процессов, стимулирующих развитие широкого мультипликатора рисков во всех сферах национальной системы. Это приводит к полной потере эффективности управления и утрате контроля над всеми элементами системы, а в конечном итоге – к разрушению территориальной целостности, смене режима и установлению новой «марионеточной» власти. Территории, подвергшиеся сетевой агрессии, как правило, утрачивают свою суверенность, погружаются в хаос и становятся или сырьевыми колониями или базами для террористических групп, перевалочными центрами для наркотрафика, торговли людьми и оружием.

Характерной особенностью сетевой войны является высокая скорость принятия решений, мгновенная обратная связь, постоянное из-

менение самой сети и методов её воздействия. Поэтому громоздкая, неповоротливая и инертная система управления и контроля, а также абсолютное большинство классических методов защиты обречены на провал в столкновении с новыми сетевыми стратегиями. Сетевые войны являются качественным сдвигом, характеризующим глубокие изменения в военных технологиях и обществе в целом – это война за мобильность.

Одним из главных принципов сетевой стратегии является форматирование всех финансово-экономических и социально-политических процессов, механизмов функционирования, структуры и принципов управления, методов и форм циркуляции финансовых, информационных, товарно-денежных, социально-культурных и всех прочих потоков объекта агрессии под требуемые стандарты противника, что в итоге неминуемо разрушает все контролируемые взаимосвязи и приводит к абсолютной зависимости.

Не вдаваясь в подробности всего спектра последствий сетевой агрессии, перечислим лишь некоторые из них.

1. *Передел собственности и формирование новых финансовых и политических элит*

События 10–20-летней давности убедили нас в чрезвычайной эффективности столь радикального метода переформатирования социально-политических и финансово-экономических процессов, с последствиями которого мы вынуждены бороться до сих пор. Это был период жестких потрясений и не менее жёсткого внешнего управления, когда значительная часть политических элит, национальной экономики и государственных структур действовали по указанию и в интересах третьей стороны. Лишь в начале 2000-х гг. удалось переломить катастрофический тренд, ведущий в пропасть, и заложить первые основы для восстановления национальной государственности. Тем не менее следует обратить внимание на тот факт, что по-прежнему подавляющее большинство финансово-политических элит (в том числе не имеющих двойного гражданства) рассматривает собственные активы в РФ лишь как источник личного обогащения («дойную корову) и «входной билет» в элитарные структуры Запада. Как ни печально это осознавать, но они совсем не заинтересованы в модернизации производства, развитии и укреплении национальной экономики. При этом вкупе с отсутствием адекватной промышленной политики и централизованного управления рисками, сегодня государство поставлено перед необходимостью национализации финансовых убытков корпоративного сектора и угрозой дестабилизации социальной обстановки.

Доказательством служат данные ЦБ РФ. На 1 января 2015 г. из почти 597,2 млрд долл. внешнего долга РФ 41,6 млрд долл. (7 %) приходится на государство, 10,5 млрд долл. (1,7 %) – на ЦБ РФ, 171,4 млрд долл. (28,7%) – на банки, и 373,6 млрд долл. (62,5 %) – на корпоративный небанковский сектор (величина банковского и корпоративного долга приведена без учета доли государственного участия и трансграничного внутригруппового кредитного финансирования). По данным МВФ, в период с апреля по декабрь 2015 г. России предстоит погасить около 74 млрд долл., из которых лишь 3 % приходятся на государственный долг.

2. *Наркотрафик и торговый оборот наркосодержащих средств*

Только по официальным данным ФСКН, по состоянию на 2014 г. в РФ насчитывалось около 8–8,5 млн наркозависимых граждан, что составляет более 6 % населения страны, и это без учёта тех, кто употребляет наркосодержащие средства лишь периодически. Более 65 % всех преступлений в стране связано с наркотиками, при этом около 80 % всех мелких преступлений приходится на наркопотребителей, а из всех преступлений, совершенных в организованной форме, на долю наркопреступлений приходится 82 %. По словам главы ФСКН Виктора Иванова, «годовой объем российского наркорынка приближается к полутора триллионам рублей» и привел данные, что, по разным оценкам, годовой оборот мирового наркобизнеса колеблется от 500 млрд до 1 трлн долл. Принимая во внимание эти цифры и вероятную динамику, можно предположить, что на долю России приходится около 6–10 % мирового объема рынка наркотических средств. Как отметил глава ФСКН на Министерской встрече БРИКС, которая прошла в Москве 22 апреля 2015 г.: «Эти деньги пополняют теневой сектор мировой финансовой системы и разрушающе действуют и на бизнес, и на политическую стабильность, к тому же подпитывают терроризм».

В качестве краткого отступления хотелось бы обратить внимание на тот факт, что во время эскалации конфликта на Украине организаторы государственного переворота сделали ставку в числе прочих на нарко- и алкозависимых членах социума. Они стали опорной точкой при создании множественных очагов напряжения по всей стране, во многом упростив и ускорив процесс смены власти. В связи с этим особенную озабоченность вызывает проблема легализации наркотиков в этой стране, которая все чаще поднимается известными иностранными политическими деятелями и представителями бизнеса в своих официальных и публичных выступлениях. Учитывая место и роль Украины как одной из важных точек транзита наркосодержащих

средств в Европу, а также критически низкий уровень жизни её 42-миллионного населения, можно с уверенностью говорить об определяющем влиянии этих факторов на рост наркопотребления и числа наркозависимых на территории России в ближайшие годы.

Распространение новых методов стимулирования наркопотребления в молодёжной среде наносит удар в самое сердце России – по будущему нации и её жизнеспособности. В зоне риска находится наиболее активная часть социума в возрасте до 35 лет. В заключение данного пункта достаточно упомянуть, что для стимулирования наркопотребления в молодежной среде и усложнения процесса контроля над оборотом наркосодержащих средств, противник активно применяет новейшие разработки в сетевых стратегиях ведения войн, используя в этих целях электронные аналоги денежных средств, криптовалюты, компьютерные сетевые игры, пластиковые карты, производные инструменты и платёжные средства, а также широкий спектр других методов и технологий. Под ударом оказалось не только физическое, но и духовное здоровье нации – её будущее.

3. *Незаконный оборот оружия, террористические акты, рост преступности и насилия*

Один из разработчиков концепции войн нового типа, Фрэнк Хоффманн, в 2011 г. неслучайно среди полного арсенала используемых инструментов сетевой агрессии особенно отметил террористические акты, эскалацию насилия и криминогенной обстановки, эффективность которых находится в прямой зависимости от незаконного оборота оружия (в том числе массового поражения) и наркотических средств. Это, помимо всего прочего, создает высокую степень напряжения в обществе, уничтожает доверие к институту власти, генерирует массу деструктивных процессов, на фоне которых любая, даже самая безобидная общественная акция может перерасти в кровопролитную бойню и массовые беспорядки. В рейтинге стран по уровню Глобального Индекса терроризма, подготовленного Институтом экономики и мира совместно с Университетом Мэриленда, в 2014 г. Россия заняла 11-е место с показателем 6,76 после таких стран, как Ирак, Пакистан, Афганистан, Нигерия, Сирия, Индия, Сомали, Йемен, Филиппины и Таиланд. По мнению исследователей, наиболее существенное влияние на величину Индекса оказывают такие факторы, как политическая нестабильность, вражда между различными социальными группами и массовые нарушения прав человека, коррупция, криминализация финансово-экономических связей, незаконный оборот наркотиков и оружия. Причем, вопреки распространенному мнению, страны с низким уровнем дохода менее подвержены терроризму, чем страны со сред-

ним уровнем дохода. А снижение образовательного, интеллектуального и культурно-правового уровня населения формирует более, чем благоприятную среду для устойчивого роста международного терроризм и криминализации национальной экономики. Переоценить важность элементов, указанных в данном пункте невозможно.

4. *Разрушение систем образования, науки и здравоохранения*

В 90-е гг. на фоне тотальных кризисных явлений были заложены основные механизмы, стимулирующие резкую стагнацию этих систем. Результаты не замедлили себя ждать – резко упал средний интеллектуальный уровень, сократилась продолжительность жизни (по данным Росстата, в период 1990–1995 гг. – с 69,1 до 64,5), ухудшилась демографическая ситуация, наметились пугающие тенденции отставания в ведущих перспективных отраслях науки, утрачена существенная часть научного наследия, что неизбежно отразилось на всех без исключения сферах национального хозяйства и общества. По данным за период с 1980 г. по 2014 г. в рейтинге стран по уровню продолжительности жизни, публикуемым Программой развития ООН, Россия занимает 129-е место с величиной Индекса продолжительности жизни равной 68, соответственно, после таких стран, как Непал, Бутан, Лаос и Узбекистан. По данным ЮНЕСКО, интеллектуальный потенциал молодежи России находится на 47-м месте в мире, примечательно, что в 1953 г. Россия занимала 3-е место в мировой интеллектуальной среде. Количество научных и проектных организаций за период с 1990 г. по 2003 г. сократилось в семь раз, конструкторских бюро – почти в четыре раза, научно-исследовательских институтов стало меньше на 800, из России уехали в другие страны более 800 000 ученых, а средний возраст оставшихся превысил 60 лет – на фоне этих показателей, с учётом среднего износа основного оборудования в 60–70 % так остро необходимая модернизация российской экономики и промышленности неизбежно столкнется с огромным комплексом непреодолимых препятствий.

Напряженная работа последних лет, направленная на исправление сложившийся ситуации, позволила частично приостановить нарастающий тренд процесса стагнации. Однако сегодня мы оказались в том положении, когда при самом остром дефиците талантливых кадров нам приходится в авральном режиме пытаться сократить отставание, которое в некоторых отраслях уже превышает более 20–30 лет. При этом сохраняется высокая степень зависимости от импорта, которая в ряде отраслей наукоёмкой промышленности, по данным Минпромторга, составляет критические 70 %, а импортозависимость в некоторых сегментах добывающего комплекса, по данным минист-

ра энергетики А. Новака, превысила 80–90 %. В условиях ускоренного темпа смены технологий Россия без принятия экстренных мер в скором времени может пройти точку невозврата и отстать навсегда. А если принять во внимание тот факт, что, несмотря на все программы, стратегии и государственную поддержку структура российской экономики по-прежнему носит дефектный колониальный характер, а высокотехнологичного сектора вообще не существует – картина предстаёт не столько печальная, сколько катастрофическая. Ведь именно за счет прорывных и так называемых «закрывающих» междисциплинарных технологий у России появится шанс выстоять в этом тотальном противостоянии.

5. *Утрата информационно-цифрового суверенитета*

Информационное общество – пожалуй, так можно охарактеризовать современный социум. Информационно-цифровые потоки пронизывают абсолютно все сферы деятельности и взаимодействия мировых национальных систем, формируя, определяя и оказывая огромное влияние на все, без исключения, процессы. Их влияние настолько велико, что они изменяют не только мировоззрение, систему ценностей отдельного индивида и социальных групп, но кардинальным образом формируют и изменяют когнитивные и поведенческие функции человека, саму реальность. И реальность обретает осязаемые черты лишь, когда информация о ней попадает в информационно-цифровое поле. А в сочетании с социально-политическими, психолингвистическими и прочими новейшими технологиями – превращаются, пожалуй, в самое мощное оружие массового поражения за всю историю человеческой цивилизации. Масштаб проблемы настолько велик, что даже самое краткое изложение её сути и последствий займет многотомный труд. Очень кратко перечислим лишь малую часть инструментов и последствий их применения:

– *инструменты:* SWIFT; международные информационные и рейтинговые агентства; международные электронные и производные платёжные системы; криптовалюты; СМИ; Интернет-технологии; телевидение и стрим-телевидение; лидеры музыкальных течений; 3D-технологии; сетевые ритейлеры в сферах развлечений, торговли, медиа-бизнеса; политтехнологи; новейшие разработки в сфере меметики (раздел науки о стимулировании имитации); любые социальные группы и образования; оверлейные сети; международные транснациональные общественные, политические, экономические и прочие организации и институты; сетевые протоколы; методы сбора, обработки и трансформации информационных потоков; системы контроля и защиты; программные среды; и абсолютно всё остальное, что

так или иначе сопряжено с интенсивным информационно-цифровым обменом.

– *последствия:* смена типа ментальности, системы ценностей и норм целого поколения; уничтожение поведенческо-оценочных границ должное/не должное; смена уклада социальных групп; нейтрализация способности к критической и объективной оценке; манипуляция алгоритмом поведения, стереотипами, привычками, общественным мнением; отсутствие централизованной медийной политики; полная потеря контроля над информационными Интернет-ресурсами и источниками их финансирования; влияние на товарно-денежные потоки и экономику в целом; кардинальное изменение психосоматических функций и шаблонных типов; утрата эффективности функций государственного контроля и мониторинга; полная утрата контроля над основными жизненно важными объектами и сетями; и огромное количество прочих последствий, которые так или иначе сплетаются во взаимозависимую сеть и по достижении критической массы изменений способны единовременно в краткий период времени лавинообразно обрушить всю национальную систему, вплоть до её полного уничтожения. Важно отметить, что с учётом новых вызовов и угроз в существенной доработке нуждаются Доктрина информационной безопасности РФ, а также связанный с её реализацией документарно-правовой комплекс и план мероприятий по нейтрализации и противодействию.

6. *Неконтролируемая коррупция*

В рейтинге стран мира по уровню восприятия коррупции Россия занимает 136-е место после Ливана и Нигерии. В общем объеме теневого рынка РФ коррупции принадлежит львиная доля объема операций, которая, по нашему мнению, составляет от 60 % до 70 %. По данным Национального антикоррупционного совета, в 2013 г. объем российского рынка коррупции превысил 300 млрд долл. (15 трлн руб. по текущему курсу), что сопоставимо с доходной частью бюджета РФ.

Теневой рынок, как известно, является одной из фундаментальных причин стагнирующей экономики. Именно «благодаря» коррупции из каждых ста рублей, выделяемых на различные программы, национальная система получает в лучшем случае не более 30–40 руб., а неизбежное в данном случае ослабление контроля порождает новые центробежные процессы. При этом наблюдается интересный эффект – там, где есть коррупционная составляющая, – объект государственной поддержки хоть как-то, но функционирует «на последнем дыхании». Там же, где её нет, – наблюдается разрушение объекта поддержки и практически полное прекращение функционирова-

ния. Не будем детально описывать весь комплекс последствий, генератором которых является коррупция, достаточно обозначить, что разрушающему действию подвергаются все сферы национальной системы – обороноспособность, экономика, образование и наука, здравоохранение, культура и все, без исключения, социальные процессы.

В свою очередь, именно коррупция, вкупе с другими последствиями сетевой агрессии, является фактором, стимулирующим криминогенную обстановку, финансово-экономическую и социально-политическую нестабильность в государстве, что в итоге приводит к полной потере контроля над ситуацией. Как следствие – чувство социальной несправедливости и несогласие со сложившейся системой становятся потенциальным источником риска дестабилизации, в существенной мере снижая степень социального согласия и уровень доверия к власти. При этом определяющее влияние на усиление социальной стратификации в обществе оказывает прогрессирующая аномия как реакция на эффект «отравления деньгами» и обострившийся клептократический характер современного российского общества.

7. Теневой финансовый рынок

Теневой финансовый рынок – основа и стержень теневой экономики. Пожалуй, он один из тех главных связующих элементов, без эффективного функционирования которого все прочие последствия сетевой агрессии получат ощутимый удар и в значительной степени утратят свой поражающий эффект, а где-то и прекратят своё существование. На финансовой составляющей построена вся современная цивилизация. Финансы так или иначе присутствуют во всех сферах любого национального государства, поэтому так важен контроль государства за финансовыми потоками и национальной финансовой системой, эффективность которого зависит от степени прозрачности национальной экономики. Там, где этот контроль ослаблен, искажён или отсутствует, – крепнет теневой рынок, растёт криминализация общества и неизбежно рушится национальная экономика. Он – как зеркало, в котором отражаются все проблемы государства. По нашему мнению, на долю «теневой» экономики приходится от 40 % до 50 % ВВП России. Масштаб теневого рынка находится в прямой корреляции с масштабом проблем в государстве и является гибкой сетью индикаторов, по которым можно с достаточной долей вероятности определить комплекс причин, стимулирующих его рост. Именно теневой рынок оказывает определяющее влияние на эффективность функционирования всей национальной финансово-экономической системы. Нельзя забывать, что рост теневого рынка обусловлен активным содействием непосредственно кредитно-финансовой отрасли и абсолютно нежизнеспособен без её участия.

Следует отметить, что в последние годы удалось в существенной мере оказать влияние на неконтролируемый рост теневого рынка и нанести ряд, в том числе упреждающих, ударов по многим ключевым областям и несколько приостановить темпы его развития. Однако скудный набор доступных средств, инструментов, пруденциальных мер и возможных методов противодействия не позволяет достичь действительно ощутимых результатов и максимальной эффективности предпринимаемых мер. Многие ключевые области теневого рынка (особенно в сфере виртуальных финансовых активов всех видов) по-прежнему остаются вне области жесткого государственного регулирования и контроля, получают дополнительную подпитку за счет непродуманных государственных мер. Борьба с теневыми структурами ведется практически в ручном режиме. Это объясняется, прежде всего, тем, что сама проблема теневого рынка носит междисциплинарный характер и в той или иной степени затрагивает функционал абсолютного большинства государственных и корпоративных структур и для того, чтобы консолидировать усилия многих сторон в одном направлении, необходимо обладать действительно ощутимыми возможностями и рычагами влияния.

8. *Утрата полноценного контроля над национальной кредитно-финансовой и инвестиционной системами*

Длительное время государством не предпринималось никаких мер по защите своей финансовой системы от внешнего влияния, что в течение краткого периода времени предопределило критическую степень её зависимости. Многие процессы интеграции национальной системы в евро-атлантическую сеть были стимулированы и ускорены принятием соответствующих законодательных и нормативных актов. Достаточно упомянуть, что отключение национальной кредитно-финансовой системы от таких международных сетей, как Reuters, Bloomberg и SWIFT поставит всю финансовую систему страны на грань краха. Национальная финансовая система – это основа основ государства, без которой невозможно себе представить его существование. Экономический потенциал страны напрямую зависит от состояния национальной финансовой системы. Проведенный краткий и поверхностный анализ лишь некоторых элементов кредитно-финансовой системы позволил выявить следующее:

В основу методики оценки финансового состояния кредитной организации Банком России положена классическая американская методология CAMELS, которая во многом не отражает национальной специфики деятельности системообразующих банков РФ и не позволяет достаточно полно оценить степень их устойчивости и стабиль-

ности. Предлагаемый в таких условиях механизм стабилизации деятельности системообразующих банков должен это учитывать.

Методика определения перечня системно значимых кредитных организаций относит к таковым лишь самые крупные организации, используя в своей основе фрагментарный макроэкономический подход, что, в общем, верно, но совсем не учитывает национальной специфики. Такой подход, в том числе в отрыве от отраслевого анализа, не позволяет получить полноценное системное видение ситуации и последствий его реализации на практике. За рамками внимания остаются отраслевые и внутрирегиональные особенности, а также кредитно-финансовые организации местного значения, оказывающее существенное влияние на экономику отдельно взятого региона и тесно интегрированные во все процессы на региональном уровне. Игнорирование этих немаловажных факторов не позволяет отнести данную методику к комплексной и глубоко продуманной.

Механизм поддержки системообразующих банков в том виде, в каком он предлагается сегодня к реализации, является не чем иным, как санацией кредитных организаций, находящихся в предбанкротном состоянии. А бесконтрольный, нерегулируемый рост внешнего корпоративного долга и отсутствие адекватной промышленной политики во многом предопределили утрату существенной части экономического суверенитета. Без понимания настоящих причин и механизма их влияния такая санация является лишь средством переноса процесса банкротства на незначительный срок во времени и национализацией убытков частного сектора, но никак не средством стимулирования экономики. Что касается механизма поддержки системообразующих предприятий, то ввиду отсутствия необходимых законодательных актов и прозрачных схем реализации предусмотренных мер он вызывает серьёзные вопросы относительно их законности.

Методика оценки качества управления кредитной организации во многом привязана к классификации, основанной на экспертных мнениях ведущих американских рейтинговых агентств «Standard&Poor's», «Fitch Rating's» и «Moody's Investors Service». Это предопределяет необходимость полного соответствия национальной финансовой системы западным стандартам и перестройку всех процессов по шаблонам евро-атлантической финансовой системы.

В глубоком анализе нуждается методика определения величины собственных средств (капитала) кредитной организации, а также ряда обязательных экономических нормативов банковской деятельности, в основном базирующихся на стандартах Базельского комитета по банковскому надзору (Базель-III). Хотим обратить внимание на тот факт, что сами разработчики данного документа до сих пор не имеют представления о полном комплексе последствий его внедрения и механизмах влияния на отдельно взятую национальную экономику.

Учитывая изложенные выше факторы, можно сделать вывод о критической степени перестройки финансовой системы РФ под стандарты западной модели и беспрецедентной зависимости от неё.

Следует отметить, что в условиях существенной трансформации международных и внутренних финансово-экономических и социально-политических процессов особенно очевидной стала проблема отсутствия в Системе национальной безопасности РФ такого ключевого центрального элемента, как Система финансовой безопасности, что, на наш взгляд, является не допустимым и способным воспрепятствовать успешной реализации всего комплекса стратегических целеполаганий и антикризисных мер, направленных на стабилизацию и качественный перелом сложившейся ситуации. А если принять во внимание тот факт, что вся современная человеческая цивилизация построена на финансах и без них невозможно полноценное существование ни одной национальной системы, то такой пробел в системе Национальной Безопасности РФ представляется критическим.

В связи с этим форсирована научная разработка концептуальных подходов и решений, способных объединить разрозненные односторонние ведомственные модели оценки и предупреждения финансово-экономических угроз и рисков в единый комплекс и сформировать на его основе базовые элементы Системы финансовой безопасности РФ, позволит устранить выявленные пробелы. А создание и последовательная реализация в её рамках Концепции финансовой безопасности РФ, а также утверждённая Программа фундаментальных научных исследований Президиума РАН «Финансово-правовые механизмы обеспечения прозрачности ведения бизнеса» должны обеспечить успешную реализацию этого стратегически важного проекта и гарантировать стабильное развитие всей национальной системы.

Таким образом, ситуация, свидетелями которой мы стали сегодня, является прямым следствием:

- кризиса западной либеральной модели;
- целенаправленной сетевой агрессии противника;
- серьёзных пробелов и искажений в системе национальной безопасности РФ;
- отсутствия централизованного государственного планирования и продуманной промышленной политики;
- дефектной модели структуры экономики;
- неготовности России к новым вызовам и угрозам, обусловленной высокой степенью её зависимости от внешних факторов и утратой существенной части финансово-экономического и информационно-цифрового суверенитета;
- громоздкой и малоэффективной системы контроля и управления, в которой реакция или безнадёжно запаздывает, или отсутствует вовсе.

При этом подавляющему большинству мер государственной поддержки, несмотря на удовлетворительную степень их проработанности, всё еще свойственны такие существенные недостатки, как:

- отсутствие комплексного междисциплинарного подхода в решении поставленных задач;
- построение алгоритма действий на основе узкофрагментарного подхода и простейших решений, направленных на достижение мгновенного эффекта без учёта причин и комплекса последствий;
- безответственное копирование западных моделей и игнорирование национальной специфики;
- выработка решений без учета эффективности и качества объектов поддержки;
- пирамидальный принцип некоторых антикризисных моделей, не предполагающий качественного перелома ситуации;
- игнорирование принципа упреждающего управления и как следствие – запаздывание реакции и утрата актуальности;
- ориентация на принятие решений, а не на результат;
- недостаточный уровень компетентности и ответственности.

Совершенно очевидно, что сегодня мы столкнулись с чем-то совершенно новым. Ведь в процессе всей нашей истории – истории революций, непрестанных смен империй, войн, конфликтов и противостояний – мы, как правило, знали своего врага в лицо. Его олицетворяли вполне определённые государства, нации и социальные группы. Сегодня же мы столкнулись с качественно новым противником, который не принадлежит к конкретному народу или государству, он обезличен и у него мало общего с образом врага прошлых лет. Но их объединяет одно – цель. Методы стали невероятно изощрёнными, а вот цель – всё так же примитивна и базируется на старых, как мир, страстях – алчности, жажде безграничной власти и существовании за счет других. Цель и ментальность паразита – вот, пожалуй, и всё, что их объединяет. Вполне возможно, что именно абсолютная чужеродность паразитарной ментальности национальному коду и традиционному жизненному укладу русской нации лежит в основе этого противостояния систем ценностей, непрекращающегося уже тысячу лет.

Сегодня наш противник не США и их союзники (они, скорее, орудие), но обезличенная транснациональная финансовая и корпоративная элита. Так настойчиво насаждаемая либеральная модель представляет собой идеальную среду для глобальных транснациональных корпораций (далее ТНК), главной целью которых является максимизация прибыли. В рамках этой модели любая государственная система рассматривается как инструмент, используемый ТНК для достижения своих целей и лоббирования собственных интересов. При таких условиях наблюдается обострение межгосударственной конкуре-

нции за предоставление максимально привлекательных условий для ТНК. Такой поход является гибельным для любого государства и принципиально ошибочным, так как не государство в руках ТНК, а именно ТНК должны быть инструментом в руках сильного государства, используемым в целях укрепления национальной мощи, развития экономики и роста благосостояния населения. В сильном государстве с компетентной централизованной властью ТНК обречены быть инструментом, а не кукловодом. Россия – это, прежде всего, сильное государство. Вне его русский человек не мыслит своего существования, да и не может существовать. Либеральная модель – прямая противоположность сильному государству. И сегодня на кону стоит именно выживание нации, сохранение традиционной системы духовных ценностей и образа жизни, уникального национального кода.

Никогда нельзя забывать, что Русь была Великой не столько протяженностью своих территорий, сколько именами выдающихся людей, сделавшими ее таковой. Величие нации всегда определяется теми, кто её составляет, а когда личностей мало – нация становится толпой. Платон в своём трактате «Государство» одним из недугов государства назвал неспособность найти применения выдающимся личностям. Поэтому наш долг мобилизовать на преодоление системного кризиса всё лучшее, что у нас есть, а главное – умы.

В контексте сказанного, по-прежнему не потеряло своей актуальности высказывание одного из авторов статьи, озвученное в 2011 г. в присутствии Президента РФ Медведева Д. А., на одной из конференций, организованной так называемыми «новыми либералами»: «Нам кажется, что некоторые политики неверно понимают смысл развития и эволюции. Революций в XX веке в России было достаточно. Пора остановиться. Задуматься. Осознать. Реализовать мощь одной шестой части суши и людей, её населяющих. Прислушаться пока к еле слышным голосам – порой и шёпот несет бóльший смысл, чем крик, а тишина и молчание вообще имеют сакральное и метафизическое значение. Неравномерность развития заложена в природе эволюции. Россия никого не должна догонять, ей также нет необходимости с кем-либо соревноваться, кроме как в спорте (и то – важно участие), необходимо перестать испытывать комплексы неполноценности по поводу публикации вымышленных рейтингов. Россия – самодостаточная страна, способная к созданию условий для творческого развития и нравственной эволюции всех населяющих её территорию народов.

Россия – это вещь в себе. Она настолько сложна и многообразна, что это создаёт неприкрытую форму превосходства, отсюда зависть и враждебность, которая потом выливается в Интернет и другие средства массовой информации. Роль интеллектуальной элиты России заключается в создании условий для обретения счастья, т. е. для посто-

янного и устойчивого развития, и защита населения от потока ненависти, и невежества.

Россия должна соревноваться только сама с собой, других соперников у неё нет по определению. Признание этого тезиса политической элитой и наполнение его конкретным, понятным населению, или, как принято говорить в политических кругах, электорату, содержанием, позволит в течение 20–30 лет решить практически все кричащие злободневные проблемы, начиная от надоевшего всем квартирного вопроса и заканчивая развитием космоса.

При этом важно не стараться добежать до могилы первым. А постепенно, не спеша, создавать условия для раскрытия огромного природного и нравственного потенциала России. При этом каждый на своём месте, и не важно – высокая это государственная должность или работник коммунального хозяйства, проблема России одна – нас очень мало. Поэтому каждый человек должен стать самой большой ценностью».

Литература:

1. Официальный сайт Центрального Банка РФ // http://www.cbr.ru.
2. Официальный сайт Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков // http://www.fskn.gov.ru.
3. Официальный сайт Института экономики и мира // http://economicsandpeace.org.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ // http://www.gks.ru.
5. Официальный сайт Программы развития ООН // http://hdr.undp.org/es.
6. Официальный сайт ЮНЕСКО // http://www.unesco.org/new/ru.
7. Официальный сайт Министерства промышленности и торговли РФ // http://minpromtorg.gov.ru.
8. Официальный сайт Министерства энергетики РФ // http://minenergo.gov.ru.
9. Официальный сайт Международного Центра антикоррупционных исследований и инициатив // https://www.transparency.org.
10. Официальный сайт Национального антикоррупционного совета РФ // http://www.korrup.ru.

Риски компьютерноопосредованной социализации

Риски социализации как научная и социальная проблема

В самом широком смысле социализация – это процесс социокультурного воспроизводства новых поколений путем интеграции ребенка в систему социальных связей. В результате «первичной социализации» у детей формируются сложные виды поведения, развивается мышление и сознание, образуются многоуровневые психологические структуры, происходит усвоение социальных правил, социокультурных идеалов и приоритетов. В последующие годы этот первичный «набор» естественным образом расширяется и корректируется за счет механизмов так называемой «вторичной социализации».

Проблемы социализации и воспитания хорошо изучены и объяснены З. Фрейдом, Г. Мидом, Ж. Пиаже, Л. Выготским, Э. Эриксоном, Т. Парсонсом и др. Правда, Л. С. Выготский настаивал на одном уточнении: «Не постепенная социализация, вносимая в ребенка извне, но постепенная индивидуализация, возникающая на основе внутренней социальности ребенка, является главным трактом детского развития» [1: 298]. На основе тезиса Л. Выготского можно скорректировать понятие социализации как процесса постепенной индивидуализации социального субъекта под воздействием и в условиях окружающей его социальной среды [5][21].

Следует отметить, что ученые не только выявили общие закономерности и этапы такой социальной индивидуализации, но и определили социальные факторы и средовые условия успешной/неуспешной социализации. Было показано, что «вхождение индивида в социальную среду» сопровождается разного рода возрастными кризисами. Например, американский психолог и социолог Эрик Эриксон выделял в развитии человека восемь этапов. Назовем такое развитие восьмиэтапным процессом развития социального субъекта под воздействием и в условиях окружающей его социальной среды. Подобное социальное развитие человека начинается с самого рождения и продолжается в течение всей жизни. На каждой стадии человек проходит через новый кризис «самости», сталкивается с новой экзистенциональной дилеммой (быть или не быть его самостоятельному «Я»)

[21] Подробно данная трактовка термина «социализация» рассмотрена в книге: *Титова М. А.* Антиповедение. – М.: Изд-во Московского университета, 2014.

и вынужден делать выбор между альтернативными жизненными стратегиями отношения собственного «Я» к социальному миру [7: 14]. Каждый раз, переходя на новый этап развития, человеческое «Я» проходит критическую точку – «точку колебаний» между доверием и недоверием к миру (0–18 месяцев), самостоятельностью и неуверенностью в себе (18 месяцев – 4 года), инициативностью и сложным чувством вины (4–6 лет); стремлением освоить новые навыки, умения и комплексом неполноценности (6–11 лет); устойчивой принадлежностью, отнесением себя к определенным группам и спутанным, диффузным самоопределением – источником новых «кризисов идентичности», путаницы ролей (11–20 лет); тягой к созданию семьи и отказом от семейного образа жизни (21–25 лет); растворением в обыденности и стремлением к саморазвитию (35–45 лет); покоем, гармонией и отчаянием, безысходностью (после 60 лет).

Значимость качества социальной среды и окружения (семьи, друзей, школы, сослуживцев, соседей и т. д.) в разы усиливается именно в эти моменты возрастных психологических кризисов. *Каждая критическая точка развития – это риск, чаша весов, на которой измеряются возможные потери и приобретения.* В отличие от экономических рисков, измеряемых в количественных показателях денежной выгоды, риски индивидуализации меряются экзистенциальными категориями здоровья/болезни, жизненного благополучия/неустроенности, счастья/горя. При этом «кризис развития» может стать источником деформаций и для социальной среды.

Интернет-пространство как катализатор рисков социализации

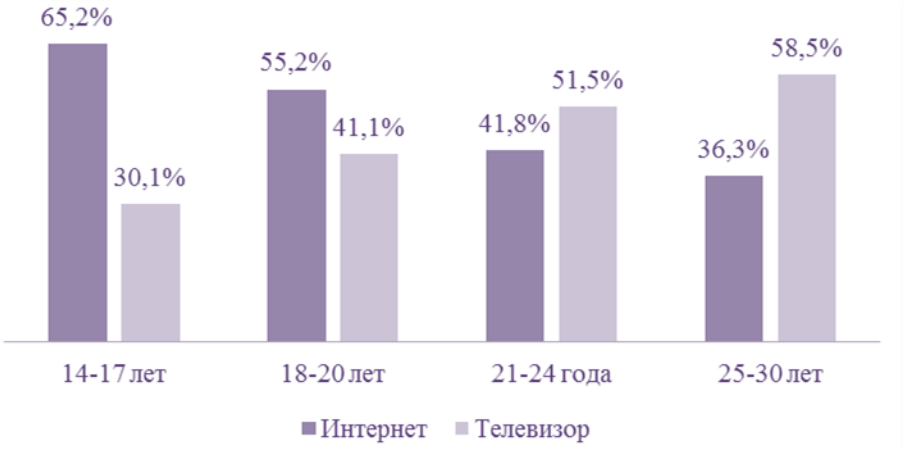
Проблема рисков формирования личности ребенка, по всей вероятности, не является исключительным достоянием современности. Однако в XXI веке их катализатором и сопряженных с ними социальных деформаций стала вещественная и коммуникативная среда компьютерных и Интернет-технологий. С одной стороны, компьютерные и Интернет-технологии стали играть определенную роль в формировании сознания и поведении человека, а с другой стороны, «виртуальная реальность» компьютерных технологий стала не только новым, высокотехнологичным зеркалом социальной реальности, но и высокотехнологичным «социальным ускорителем». Знакомство современных детей с миром предметов, информации, человеческих и социальных отношений происходит в значительной степени при помощи компьютера и Интернета. С самого рождения дети окружены предметами из кибермира: смартфоны, планшеты, компьютеры родителей становятся привычной вещественной средой взросления малыша. К этим «вещам» он тянется, пытается до них дотронуться, под-

ползти, достать, попробовать на вкус, нажать на кнопочку... Взрослея, ребенок начинает постигать мир компьютерной игры, знакомиться с возможностями Интернета. В возрасте 10–11 лет ребенок уже активно вовлечен в мир Интернет-информации и онлайн-сетевых коммуникаций. И этот мир становится для него виртуальным симулятором реальности, источником получения информации и сферой сетевого общения, зачастую слабо контролируемыми взрослыми.

Значимость Интернет-пространства для молодого поколения россиян подтверждается данными исследования, проведенного под руководством М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги [2: 121] в 2008 г. Для большинства опрошенных подростков в возрасте 14–17 лет Интернет является самым предпочтительным источником информации (рис. 1).

Рисунок 1

КАКОЙ ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ПРЕДПОЧЛИ БЫ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП МОЛОДЁЖИ В СЛУЧАЕ ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНОГО ВЫБОРА



Но обратимся снова к теории социализации Э. Эриксона. Возраст 11–20 лет является ключевым для индивидуального развития. В этом возрасте «перед подростком стоит задача объединения всего, что он знает о себе самом. Всю информацию он должен объединить в общее целое, осмыслить, связать с прошлым и спроецировать на будущее» [7: 14]. В этом возрасте первичные социально-психологические предрасположенности к личностному росту либо реализуются, трансфор-

мируются в устойчивые поведенческие практики либо не реализуются. Это этап принципиального выбора: как ты собираешься жить – простой жизнью, встав на путь выверенного коллективного опыта, или же ты почему-то предпочитаешь мучительный путь индивидуальных проб и ошибок. Данный этап труден не только для подростков, но и для их родителей. Ведь во многом именно родителям приходится решить – что они выбирают для своих детей: надежный коллективный опыт или бесконечные сомнения в справедливости индивидуального выбора. Как мы уже сказали выше, момент выбора, момент «взвешивания» – это субъективный риск. Риск принять неправильное решение.

Каким же образом Интернет-пространство, став неотъемлемым фактором современной социальной среды, выступает катализатором риска социализации? Чтобы ответить на данный вопрос, определим: 1) шкалы векторных переменных для распределения возможных «выгод» и «потерь» для подростков от Интернет-информации и онлайн-коммуникации; 2) особенности подросткового возраста, детерминирующие высокую вероятность сползания к полюсу «потерь».

Отметим риски, которые связаны с Интернетом в отношении таких параметров социализации, как получение информации и коммуникация:

а) *информация:*

– качество информации: свободный доступ к полезной, нужной, объективной информации – свободный доступ к опасной, наносящей вред физическому и психическому здоровью информации;

– время на поиск информации: быстрый поиск информации – вероятность увязнуть, запутаться в «мусоре» ненужной информации;

– достоверность и полнота информации: возможность получения достоверной, исчерпывающей информации – риск получения ложной, односторонней, обрывочной информации;

б) *коммуникация:*

– новые возможности для общения, новых знакомств, расширения круга друзей – отказ от «живого» общения, эскапизм, уход в виртуальный мир;

– возможность найти близких по взглядам и интересам тебе людей – возможность встретиться с теми, кто опасен и может причинить тебе вред;

– возможность приобрести качества коммуникабельной личности – возможность стать зависимым от Интернета человеком;

– возможность формировать гибкое представление о себе, рефлексия самости – расщепленная идентичность, неправильная (заниженная или завышенная самооценка вследствие реакции на лайки или позиционирования себя в качестве «другого»);

– свобода, освобождение от контроля со стороны «своих» взрослых – тотальный контроль со стороны «чужих» взрослых.

Есть еще один вид рисков, когда ребенок или подросток может подвергнуться оскорблениям и нападкам со стороны других, он может стать жертвой в руках взрослых или других подростков.

В последнее время распространение получили такие виды преступной девиации в Интернете, как:

– незаконный контакт (онлайн-груминг) [12] – коммуникация между взрослым и ребёнком в Интернете, когда взрослый намеренно втирается в доверие к ребёнку (путём обмана) с целью установить близкие отношения для совершения действий сексуального характера;

– кибербуллинг (bulling) – преследование пользователя сообщениями, содержащими агрессивные оскорбления, запугивание. Буллинговые сообщения могут быть в виде текста, изображения, фотографии или видео. Подобная информация может исходить от одного человека или группы индивидов посредством рассылки оскорбительного материала друзьям и родственникам жертвы, публикации на профилях в социальных сетях и прочее.

Почему же преимущественно дети и подростки попадают в ловушку зависимости от Интернет-сетей, а также распространителей ложной и опасной информации? Ответы кроются в особенностях социально-психологического портрета детей и подростков: неокрепшем сознании, неустойчивой идентичности, не сформированной Я-концепции, склонности к гиперболизированию реальности, экстремальности, обострённом восприятии действительности, особой потребности в сопричастности с какой-либо группой, желании ярких жизненных событий [3] и т. д. Подростковый возраст – это этап нормальной, объективной, физиологической «ненормальности». Это этап, когда подросток объективно не вписывается в «золотую середину». Это объективный всплеск «неповторимой индивидуальности», когда вероятность принятия не выверенных коллективным опытом решений возрастает многократно, т. е. возрастает субъективный риск.

Психологические риски усиливаются действием социальных факторов. Ослабление воспитательного потенциала и контроля семьи, деформация институтов общественного воспитания обусловливают уязвимость детей и подростков, их незащищенность от рисков Интернет-социализации. По словам российских учёных В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок, «экстремальность как имманентное свойство молодости, может проявиться по-разному. В условиях стабильного общества на групповом и индивидуальном уровнях она находит, как правило, общественно значимые институционально-регулируемые формы. В условиях социальных потрясений, неопределенности и риска под влиянием самых разных объективных и субъективных факторов, усили-

вающих или ослабляющих этот процесс, она приобретает крайние, преимущественно спонтанные проявления. В них доминирует эмоциональный уровень восприятия явлений, часто в максималистской форме» [6].

Описанные выше риски не исчерпывают весь список опасностей, исходящих от компьютерноопосредованной социализации детей и подростков. Тем не менее они указывают на то, что государство и общество испытывают острейшую потребность в их профилактике.

Профилактика рисков компьютерноопосредованной социализации

Профилактика рисков предполагает: общественное осмысление существующих рисков; научную рефлексию и диагностику рисков, вынесение проблемы рисков компьютерноопосредованной социализации как значимого вопроса научного и общественного дискурса, разработку предложений по демпфированию рисков, внедрение предложений в качестве правовых, педагогических, воспитательных и иных практик социального воздействия и контроля. В идеале ученые должны определить некоторые точки, в которых эффект от использования Интернета будет одновременно максимально позитивным и минимально негативным.

Важным научным инструментом осмысления проблемы Интернет-рисков является проведение научных исследований в этой сфере.

В 2010 г. был запущен международный проект Еврокомиссии EU Kids Online, посвящённый изучению вопросов безопасности Интернета для детей и подростков, в частности, проблеме буллинга в Интернете. В исследовании приняли участие 25 стран Евросоюза, а также Россия. В российском проекте было опрошено 1 025 детей от 9 до 16 лет, пользующихся Интернетом, а также их родители в 11 регионах семи федеральных округов России (Кемерово, Киров, Махачкала, Москва, Московская область, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саратов, Сыктывкар, Челябинск, Чита). В российском проекте «Дети России онлайн» Фонда развития Интернет школьникам задавался вопрос о том, как часто они сталкиваются онлайн с подобным поведением (буллинг – *Авт.*) со стороны других людей, в том числе своих ровесников. В результате, в среднем по России, 23 % детей, которые пользуются Интернетом, были жертвами буллинга онлайн или офлайн за последние 12 месяцев. Каждый десятый ребёнок подвергается буллингу чаще одного раза в месяц, при этом 6 % детей подвергается обидам и унижениям либо каждый день, либо 1–2 раза в неделю. В группу риска по частоте буллинга попадают дети 11–12 лет [4: 43]. И это только те данные, которые были получены в результате открыто-

го сообщения респондентами (табл. 1). Стоит отметить, что на такого рода откровенные темы испытуемые разговаривают неохотно.

Таблица 1

СПОСОБЫ, КОТОРЫМИ ДЕТИ ПОДВЕРГАЛИСЬ БУЛЛИНГУ, возрастные различия, в %

%	Возраст				Всего по России	Всего по Европе
	9–10 лет	11–12 лет	13–14 лет	15–16 лет		
Лицом к лицу	15	16	13	10	12	13
В Интернете	7	10	12	10	10	6
По мобильному телефону	3	5	6	5	5	3
Подвергался буллингу онлайн или офлайн	18	28	25	22	23	19

Другим важным инструментом осмысления проблемы Интернет-рисков является проведение опросов общественного мнения с целью определения актуальности и остроты проблемы для населения, готовности людей к ограничению «Интернет-свободы», чтобы обезопасить себя и своих детей от возможных рисков. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в 2012 г. подавляющее большинство совершеннолетних пользователей Интернета сталкивались с проблемой доступности опасного контента в Интернете (табл. 2) [9].

Таблица 2

СТОЛКНОВЕНИЕ С ОПАСНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ в % от тех, кто пользуется Интернетом

Приходилось ли сталкиваться с опасной информацией в Интернете?	Все опрошенные	Возраст				
		18–24 лет	25–34 лет	35–44 года	45–59 лет	60+ лет
Да, часто	38	48	40	37	28	27
Время от времени	35	35	36	36	37	23
Не приходилось	25	16	22	25	34	46
Затрудняюсь ответить	2	1	2	2	1	4

При ответе на вопрос о «необходимости борьбы с подобной информацией в Интернете и уверенности в том, что это поможет снизить угрозу для населения, связанную с ее распространением», большинство респондентов ответило утвердительно. Такую позицию разделяют, прежде всего, женщины (91 %). Инициатива создания «единого черного списка сайтов сети Интернет» также встретила одобрение со стороны большинства опрошенных. По оценкам ВЦИОМ, поддерживают эту идею 73 % россиян [9]. Однако более половины опрошенных (52 %) считают действия, направленные на борьбу с распространением подобной информации в Интернете, неэффективной.

Со стороны государства предприняты и некоторые практические меры по предотвращению распространения нежелательного и опасного контента в Интернете. В частности, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) в режиме реального времени осуществляет приём сообщений от граждан, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, органов государственной власти о наличии на страницах сайтов в Интернете противоправной информации [10].

К профилактике рисков подключились и некоммерческие организации, а также другие институты гражданского общества. В частности, фонд «Дети России онлайн», деятельность которого направлена на изучение рисков для детей в онлайн-среде, а также на их предупреждение, регулярно проводит мастер-классы по обучению детей «безопасному использованию Интернета» [11]. Создана Лига безопасного Интернета, в программе которой значатся весьма важные цели по «искоренению опасного контента путем самоорганизации профессионального сообщества, участников Интернет-рынка и рядовых пользователей» [13].

Приведенные факты иллюстрируют явное научное и общественное оживление вокруг данной проблемы в последнее время.

Однако очевидно, что указанных мер недостаточно. Требуется системный поворот к актуальным потребностям социализации детей и подростков. Вытащить подростков из-под тотального влияния Интернета можно посредством их переключения на интересные социально значимые, дела, создания современных социальных каналов для самореализации. Эти задачи можно решить с помощью расширения реальной (в противовес виртуальной) сети детских организаций и внешкольных образовательно-воспитательных учреждений.

Повторим коллективный тезис, высказанный на одном из «круглых столов», организованных совместными усилиями МГУ и МГИМО: перед «трудными» детьми нужно ставить трудные задачи – тогда у детей и подростков будет меньше времени на дорогие и не всегда полезные игрушки, которые почему-то так охотно оплачивают их родители.

Литература:

1. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. – М., 1999.
2. *Горшков М. К. Шереги Ф. Э.* Молодёжь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010.
3. *Передня Д. Г.* Латентные последствия сокращения наборов в военные вузы // Социологические исследования. – 2014. № 4.
4. *Солдатова Г., Зотова Е.* Агрессоры и жертвы. Буллинг в России становится серьезной проблемой общения в сети // Дети в информационном обществе. – 2012. – № 11.
5. *Титова М. А.* Антиповедение. – М.: Издательство Московского университета, 2014.
6. *Чупров В. И., Зубок Ю. А.* Молодежный экстремизм. сущность и особенности проявления // Социологические исследования. – 2008. – № 5.
7. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых / 2е изд. – М.: Прогресс, 2006.
8. http://www.uk-rf.com/ [дата обращения: 25 февраля 2014 г.].
9. http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112934 [дата обращения: 10 июля 2013 г.].
10. http://eais.rkn.gov.ru/feedback/ [дата обращения: 10 марта 2015 г.].
11. http://detionline.com/helpline/risks [дата обращения: 2 февраля 2014 г.].
12. http://datacom.ru/novgorod/about/liability/ [дата обращения: 2 февраля 2014 г.].
13. http://www.ligainternet.ru/liga/about.php.

Серия:

Россия в новой социально-политической реальности

Выпуск 3

Риски: стратегия, практика оптимизации и упреждения

Редакционный совет серии:

Научный руководитель проекта:
академик ОСИПОВ Г. В.

Руководители проекта:
д-р полит. наук, Заслуженный экономист России
БЕСХМЕЛЬНИЦЫН М. И.,
д-р эконом. наук, проф. РОГАЧЕВ С. В.

Редакционная коллегия выпуска:

д-р эконом. наук, проф. РОГАЧЕВ С. В. (председатель)
канд. эконом. наук АНТИПОВ Е. А.
канд. филос. наук МЕРЗЛИКИН Н. В.
канд. социол. наук ИВАНОВ А. В.

Научное издание

Подписано в печать 10. 08. 2015.
Объем 15,2 уч.-изд. л., 17,9 усл. п. л.
Тираж 550 экз.